

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4 (16), 2016

История

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(*председатель*)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(*зам. председателя*)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усолицева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(*главный редактор серии*)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2016

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 4 (16), 2016

History

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(*Chairman*)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(*Vice-Chairman*)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(*Vice-Chairman*)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (*Secretary-in-Chief*)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(*Chief Editor of the Series*)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Евсеев В. А. Некоторые аспекты регулирования частной жизни студентов Оксфорда и Кембриджа в XIV—XV вв.	5
Зобнин А. В. Теория домино в истории зарубежной политической мысли	14
Юдин К. А. Бернар Блие и театральнo-кинeматографическая интеллигенция Франции 1930—1980-х гг.	25

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Балдин К. Е. Агрономическая помощь земства крестьянскому хозяйству в начале XX в. (На примере Владимирской и Костромской губерний)	38
Ильин Ю. А. Энергетическое хозяйство г. Иваново-Вознесенска в первые годы Советской власти (октябрь 1917 г. — начало 1921 г.)	52
Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Многослойная стоянка эпохи первобытности Сахтыш X	62
Околотин В. С. Обслуживание и размещение эвакуированного населения в Ивановской области (июнь — декабрь 1941 г.)	84
Степанов А. В. Отечественные игровые фильмы 1910-х гг. как источник по истории повседневной жизни россиян начала XX в.	95

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Уткин А. В., Костылёва Е. Л. К 90-летней годовщине со дня рождения К. И. Комарова	103
<i>Сведения об авторах</i>	106
<i>Информация для авторов</i> <i>«Вестника Ивановского государственного университета»</i>	107

CONTENTS

GENERAL HISTORY

Evseev V. A. Some aspects of Oxford and Cambridge students' private life regulation in the XIV—XV cc.	5
Zobnin A. V. Domino theory in the foreign political discourse	14
Yudin K. A. Bernard Blier and theatrical-cinematographic intellectuals of 1930—1980s France.....	25

RUSSIAN HISTORY

Baldin K. E. Agronomical aid of zemstvo to peasant farm in the early XX c. in Vladimir and Kostroma guberniyas	38
Ilyin Y. A. Ivanovo-Voznesensk's energy management in the first years of Soviet power (october 1917 — beginning of 1921)	52
Kostyleva E. L., Utkin A. V. The multi-layer site of the prehistoric epoch Sakhtysh X	62
Okolotin V. S. Provision of services and accommodation of the evacuated population in the Ivanovo region (june — december 1941)	84
Stepanov A. V. Domestic feature films of the 1910s as a source of historic evidence on everyday life of Russians in early XX c.	95

FROM THE HISTORY OF THE ARCHEOLOGICAL STUDY OF IVANOVO REGION

Utkin A. V., Kostyleva E. L. To K. I. Komarov's 90 th anniversary	103
<i>Information about the authors</i>	106
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	107

ББК 74.483(4Вел.)42

В. А. Евсеев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ ОКСФОРДА И КЕМБРИДЖА В XIV—XV ВВ.

Статья посвящена отдельным аспектам регулирования частной жизни студентов Оксфорда и Кембриджа в XIV—XV вв. Показаны различные ограничительные меры, применявшиеся властями английских средневековых университетов в отношении досуга и внешнего вида студентов.

Ключевые слова: студенты, досуг, ограничительные меры.

The article is devoted to the regulation of some questions of Oxford and Cambridge students' private life in the XIV—XV cc. The author talks about various restrictive measures used by the English medieval universities authorities in order to regulate students leisure time as well as their dress code.

Key words: students, leisure, restrictive measures.

Университеты не только сыграли огромную роль в культурном развитии Европы, но и являлись составной частью городского социума Средневековья. Без пристального изучения университетской корпорации сейчас уже невозможно представить комплексное исследование многообразной жизни западноевропейского общества этой эпохи.

В последние десятилетия в отечественной историографии возрос интерес к истории повседневной жизни средневековой Европы. Многочисленные труды посвящены разнообразным аспектам быта и нравов жителей различных стран Средневековья [2, с. 181—182; 4—12, 14]. Их критическое рассмотрение — предмет отдельного исследования. Однако в отечественной литературе пока мало работ, рассказывающих о частной жизни школяров в колледжах Оксфорда и Кембриджа в феодальную эпоху [1, 3]. В англоязычной историографии о проблемах повседневной жизни студентов средневековых университетов написано огромное количество трудов, а их перечисление занимает десятки страниц [19, р. 423—446]. Конечно, некоторую информацию из этих исследований мы используем и в нашей работе.

В данной статье мы обратимся к отдельным аспектам регулирования повседневной жизни студентов английских средневековых университетов. Студент занимался не только учебой. Значительная часть его времени проходила вне стен учебного класса. Следует отметить, что студент этой эпохи был несколько моложе современного, ибо на младший факультет (искусств) поступали в возрасте 15—16 лет. Это были очень молодые люди, которым требовалось как-то реализовывать свою энергию. Они хотели не только пить,

© Евсеев В. А., 2016

есть, но и хорошо одеваться, развлекаться, флиртовать с женщинами, однако их частная жизнь регулировалась университетским законодательством.

Университетские власти Оксфорда и Кембриджа по согласованию с главнейшими североευропейскими университетами стремились привить своим учащимся церковное отрицание телесных наслаждений и старались препятствовать проявлениям легкомыслия [18, p. 212—213; 23, vol. 3, p. 419], тем более что основной задачей этих организаций была подготовка священнослужителей и теологический факультет выступал главным среди прочих. Поэтому жизнь студента в английских университетах регулировалась их руководством с позиции христианской морали. Кроме того, университетская корпорация (студенты и преподаватели) подчинялась законам канонического права и большинство норм ее жизни исходили из правил церковного благочестия и негативного отношения к телесным наслаждениям.

Например, кодексы многих колледжей запрещали содержание животных и азартные игры. В Питерхаусе статуты 1344 г. не разрешали заводить собак, птиц или специально обученных соколов, так как связанная с этим суматоха мешала учебе; во избежание конфликтов, за исключением особых случаев, не дозволялась игра в кости и шахматы [20, vol. 1, p. 29—30]. Шахматы запрещались и в статутах 1340 г. оксфордского Королевского колледжа. Уставы Нового колледжа 1400 г. не допускали наличия домашних любимцев, под которыми подразумевались ястребы, собаки, хорьки и ловчие птицы, а также не одобряли все виды азартных игр и популярную практику бритья бород накануне получения степени магистра искусств [27, vol. 1, chap. 7, 44—45]. Статуты колледжа Всех Святых 1443 г. повторяли перечисленные требования, но позволяли играть в шахматы, что свидетельствовало о возрастающем к ним интересе. Статуты кембриджского Королевского колледжа начала 1440-х гг. распространяли запрет на собак, хорьков, птиц, обезьян, волков и оленей, так же как и на сети для ястребов и рыбы [20, vol. 3, p. 197—198]. Все азартные игры, которые могли повлечь за собой финансовые потери, были противозаконны, кроме шахмат. Оксфордский колледж Магдалены в статутах 1479 и 1480 гг. добавлял к перечню запрещенных животных певчих птиц, игру в карты приравнивал к игре в кости и допускал только шахматы [27, vol. 2, chap. 8, 42]. В начале XVI столетия статуты кембриджского колледжа Христа запрещали игру в шахматы (кроме Рождества), карты и бабки, а также содержание собак и ловчих птиц. Статуты оксфордского колледжа Тела Христова 1517 г. исключали наличие собак, хорьков, охотничьих и певчих птиц, игру в кости и карты. Но делали одно существенное послабление: разрешалась игра в мяч в саду для поддержания телесного и психического здоровья [27, vol. 2, chap. 10, 68, 69; 19, p. 361—362]. В то время как большинство коллегиальных правил касательно птиц, зверей и азартных игр были призваны предотвратить хулиганство и отвлечение от учебы, статуты оксфордского Королевского колледжа 1340 г. очерчивали проблему несколько иначе. Они также налагали запрет на содержание охотничьих птиц и собак и распространяли его на всех других животных, включая конюшенных лошадей, а в качестве первой причины указывали необходимость поддерживать чистоту воздуха для эффективности обучения [27, vol. 1, chap. 4, 19]. Более того, не допускалось использование всех музыкальных инструментов, за исключением особых случаев, на том основании, что музыка порождает легкомыслие и оказывает пагубное влияние [ibid.].

Уставы оксфордских общежитий 1483—1490 гг. также были враждебны по отношению ко многим студенческим развлечениям, особо запрещались настольные игры, игры в кости, ручной мяч, шашки [26, р. 576; 21, р. 204—205] и разновидность фехтования, популярная в светских кругах Лондона и среди разбойников [16, р. 183]. Примечательно, однако, что правила общежитий позволяли отправляться группам студентов на поиски развлечений за пределами колледжа [26, р. 577; 21, р. 205]. Очевидно, что английские университеты не брали на себя труд организовывать досуг студентов. В статутах Оксфорда и Кембриджа не упоминается о проведении спортивных состязаний между колледжами и общежитиями. Тем не менее допускалось участие школяров в спортивных состязаниях города и окрестностей, медвежьей травле, охоте с собаками и птицами, рыбалке и танцах на улицах и полях [16, р. 184].

Негативное отношение университетских властей к неакадемической деятельности учащихся породило неизбежную реакцию в среде студентов, замеченных в чрезмерном потреблении спиртных напитков, азартных играх, безнравственных поступках, участии в беспорядках и преступлениях. Это было характерно для студентов всех средневековых университетов [23, vol. 3, р. 427]. Университетские власти посредством статуты, контроля над тавернами, борделями и патрулирования городов пытались помешать развлечениям школяров [26, р. 81, 152, 576, 578], но эффективность этой заботы, бесспорно, была невелика. Частое посещение питейных заведений и сопутствующие попойки неизменно сопровождались применением оружия и совершением серьезных преступлений, зафиксированных в оксфордских следственных свитках [24, р. 8, 16—17].

Проституция являлась извечной проблемой университетских городов, и законодательные меры регулярно предпринимались для изгнания проституток из Оксфорда и Кембриджа. В 1317 и 1327 гг. король позволил Кембрижскому университету запретить «доступным женщинам» находиться в городах или предместьях, а по настояниям ректора, мэра и бейлифов было приказано четырежды в год депортировать особ легкого поведения в указанные сроки [13, р. 76, 83]. В 1459 г. ректору была дана власть изгонять проституток на расстояние не менее четырех миль от Кембриджа [13, р. 209—210]. В 1461 г. Эдуард IV пожаловал оксфордскому ректору право высылать жриц любви в места, удаленные от Оксфорда более чем на десять миль [28, р. 251—252]. Согласно ректорским регистрам, в период между 1434 и 1469 гг. проститутки подвергались наказанию путем заключения в тюрьму, изгнания, штрафования или привязывания к позорному столбу, а также сочетания всех этих мер [25, vol. 1, р. 332—333]. В 1443—1444 гг. ректор Т. Гаскойн начал широкомасштабное преследование проституток в Оксфорде [25, vol. 1, р. 92—99]. Достоин внимания то, что многие проститутки, получившие приказ покинуть город, являлись замужними женщинами, и ректор вынужден был бороться с организованной сетью проституции. Имели место и случаи вовлечения оксфордских школяров в ее распространение. Например, в 1444 г. Х. Сэдлер, член монашеского ордена, предстал перед ректорским судом по обвинению в дурной репутации и содействии проституции. Этот школяр должен был объяснить непристойную связь с монахинями близлежащего женского монастыря Годстоу [16, р. 184—185; 25, vol. 1, р. 97]. В лучшем случае университетским властям удавалось только обуздать проституцию. Проблему трудно было решить, к тому же она

усугублялась негативной политикой университетов в отношении студенческого досуга.

Продолжая тему, можно констатировать, что университетские власти Оксфорда и Кембриджа серьезно относились к проблеме связей студентов с женщинами, полагая, что они должны быть как можно дальше друг от друга, ибо университеты фактически считались религиозными организациями. Только благотельница — основательница колледжа и женщина, перечислявшая финансовые средства в пользу бедных школяров, являлись желанными гостями в университетской среде. В Оксфорде и Кембридже женщины торговали пивом, а также были владелицами домов, где проживали те студенты, которые ждали место в студенческом общежитии или приюте [16, p. 282]. Непосредственно в университетах женщины не работали, поскольку их власти заявляли, что слугами должны быть лишь мужчины: близость женщины может вызвать сексуальную безнравственность [27, vol. 1, chap. 2, 19, 20, 36]. Единственным исключением из правил являлись прачки, так как мужчин-прачек найти было очень сложно. Однако принимаемая на работу прачка обязана была соответствовать ряду требований. Например, в Новом колледже, Королевском и колледже Всех Святых было специально установлено, что прачке следует жить в городе и она должна быть в таком возрасте, который исключает любое подозрение в ее неподобающем поведении [20, vol. 2, p. 596; 27, vol. 1, chap. 5, 94]. В Питерхаусе, Королевском и Новом колледжах вся одежда студентов, предназначенная для стирки, должна была передаваться прачке слугой-посредником и таким же путем возвращаться [20, vol. 2, p. 30, 596]. Статуты Питерхауса вводили полный запрет на возможные физические контакты между старшекурсниками и прачками, для чего последним, особенно находящимся в юном возрасте, категорически воспрещалось входить в комнаты школяров с целью мытья их голов [20, vol. 2, p. 30].

Тем не менее, несмотря на введенные строгости в отношениях между студентами и женщинами, некоторые колледжи были готовы предоставить условия для визитов последних. Например, ученик Питерхауса мог встретиться с родственницей или благонадежной женщиной в общежитии, а также в каком-либо общественном месте в присутствии другого ученика или слуги. Однако время для свидания было очень ограничено, чтобы у студента не возникло соблазна совершить дьявольский акт. В колледже Христа Кембриджа женщине разрешалось входить в комнату студента только во время его болезни с разрешения главы колледжа или его заместителя [19, p. 379]. В оксфордском колледже Тела Христова матери или сестре дозволялось навещать студента в его комнате, но лишь президент мог принимать посетительниц, не являющихся родственницами [27, vol. 2, chap. 10, 79]. Совершенно очевидно, что английские коллегиальные статуты рассматривали женщину как искусительницу, от греховной сущности которой следовало защищать старшекурсников. Пока проституция не была искоренена в городе, руководство колледжей делало все возможное для обеспечения школярам непорочной жизни.

При рассмотрении частной жизни студентов эпохи Средневековья необходимо затронуть и специфические способы, при помощи которых в академических сообществах Оксфорда и Кембриджа устанавливалась дисциплина. Начиная с XIII в. их ректоры имели обширные полномочия для поддержания дисциплины как среди школяров, так и среди горожан. Старшекурсники

могли быть лишены степени или права преподавать, также им постоянно грозили штрафы, исключение на определенный срок и кратковременное тюремное заключение, а в некоторых случаях даже отчисление. Сведения о дисциплинарном кодексе оксфордских общежитий могут быть почерпнуты из статуты 1483—1490 гг. Они свидетельствуют, что основным способом наказания являлось наложение штрафов по иерархической системе [21, р. 201—202]. Несколько примеров проиллюстрируют характер правонарушений и помогут проникнуть в атмосферу жизни в студенческих общежитиях.

Согласно оксфордским статутам [26, р. 574—583], школяры штрафовались за высказывание еретических мыслей, невоздержанность в пище, клевету на общежития, общение с сомнительными личностями, запрещенные игры, проникновение в общежитие и за его пределы после закрытия главных ворот или проведение ночи вне общежития без разрешения, а также за пребывание в Оксфорде без соответствующей санкции. Множество штрафов налагалось за подстрекательство к беспорядкам в общежитиях. Под угрозой штрафа студенты не должны были чинить раздоры из-за принадлежности к различным нациям и сословиям или между факультетами. Ношение оружия категорически запрещалось, за исключением периода путешествий. Студент штрафовался не только за обладание им, но и за аренду или подпольное хранение у кого-либо в городе. Штрафы налагались за приношение к столу ножа, вынутого из ножен, за нанесение побоев кому-либо кулаком, камнем и т. д.; наказание удваивалось, если случалось кровотечение, а при повторении проступка нарушитель должен был быть изгнан. Раздел в статутах, относящийся к обучению, создавался главным образом с целью обеспечить прилежание и соблюдение университетских правил, касающихся академических курсов, а разнообразные дисциплинарные меры подкреплялись целым арсеналом штрафов. Отдельно выделено требование о том, что только латынь допустимо использовать в окрестностях общежития, исключая главные празднества [26, р. 579]. В кембриджском Питерхаусе и оксфордском Королевском колледже в качестве альтернативы разрешался французский язык [20, vol. 2, р. 31; 27, vol. 1, chap. 4, 14].

Статуты, имеющие отношение к питанию, показывают, что некоторые общежития не снабжались провизией. Обитатели таких учреждений использовали их собственное место жительства главным образом для сна [26, р. 581]. Набор штрафов и конфискаций предупреждал непунктуальный или слишком затянутый прием пищи [26, р. 580—582]. В конце XV в. он как в колледжах, так и в общежитиях осуществлялся дважды: между 10 и 11 часами (обед) и около 17 часов (ужин). Завтрак становился все более популярным, но не являлся обязательным, а отход ко сну традиционно скрашивала мера пива [21, р. 211]. Уставы требовали надлежащего уважения к зданию общежития со стороны его жильцов. Студенты штрафовались за повреждение тростника и соломы, из которых делались напольные покрытия, пролитие напитков на скатерть, порчу столов, стен, дверей, окон и мебели, и все поломки возмещались за счет злоумышленников [26, р. 582].

Бережливое отношение к территории, прилегавшей к общежитию, поддерживалось внушительными штрафами за беганье по траве, прыжки через растения и принуждением студентов трудиться в саду [26, р. 582—583]. Школяры подвергались штрафам, если нарушали правила гигиены, например мыли руки в ведрах [26, р. 583]. Этот комплекс взысканий дополнялся приказом

персоналу общежитий обеспечить высокий уровень пунктуальности, гигиены и беспристрастное обслуживание всех школяров [26, p. 583—584].

Штрафование являлось обычным дисциплинарным методом в общежитиях и в начале XV в. рассматривалось оксфордскими университетскими властями в качестве одного из наиболее эффективных средств устрашения нарушителей покоя [26, p. 204]. В колледжах система штрафов использовалась лишь в незначительной степени. В уставах Брэйзноуз-колледжа 1521 г. они предназначались на случай неудовлетворительного поведения на лекциях [27, vol. 2, chap. 9, 16, 25]. Не принимая во внимание нетипичные наказания и отчисление как крайнее средство устрашения, можно сказать, что основной дисциплинарной мерой, применяемой в колледжах, было лишение общения или пищи на определенное время в зависимости от вида нарушения [27, vol. 1, chap. 5, 41, 42, 44]. Настойчивость, с которой в английских колледжах к концу XVI в. в качестве наказания предписывалась общественная изоляция, наводит на мысль, что она являлась наиболее эффективным средством поддержания дисциплины. Еще одним методом исправления, вошедшим в употребление в колледжах и общежитиях в позднее Средневековье, стало телесное наказание. В оксфордских статутах указывалось, что оно должно осуществляться публично в субботний вечер в назидание младшим студентам и применяться в качестве меры, более действенной, чем штрафы [26, p. 587]. Можно предположить, что бедные мальчики-грамматисты, принятые в колледжи из милости, становились объектом воспитания при помощи розог, как это было в Королевском колледже Оксфорда [27, vol. 1, chap. 4, 30].

Первое упоминание о телесном наказании школяров встречается в статутах кембриджского Королевского колледжа в начале 1440 г. Отмечается, что школяры могут быть побиты по усмотрению ректора и декана за совершение серьезных нарушений. Уставы оксфордского колледжа Магдалены 1479—1480 гг. также допускали физическую расправу в качестве метода исправления для младших школяров. Наказание налагалось учителем грамматики в школах, связанных с колледжем. В кембриджском колледже Христа статуты 1505 г. разрешали телесное наказание (как альтернативу штрафу) школяров-подростков за проступки, подобные опозданию и прогулам церковной службы, или неспособность выполнять учебные обязанности, однако возраст не оговаривался. Юные школяры жили при строжайшем режиме в Брэйзноуз-колледже, где согласно уставам 1521 г. они могли быть побиты за непристойное поведение в аудиториях, непунктуальность и отсутствие на церковной службе [20, vol. 2, p. 556; 27, vol. 2, chap. 8, 76—77]. Согласно статутам Кардинальского колледжа (1525—1527 гг.), основанного Т. Уолси, максимальный возраст, приемлемый для телесного наказания, составлял 20 лет [27, vol. 2, chap. 11, 70]. Доктор Каюс в своих уставах для Гонвилль- и Каюс-колледжа в 1572 г. указывал восемнадцатилетний возраст как самый старший для физического наказания [20, vol. 2, p. 271].

Имеющиеся свидетельства о порках в английских университетах показывают, что этот дисциплинарный метод применялся в общежитиях в конце XV в. Вероятно, он был популярен в предшествующий период и в одном или двух колледжах использовался на протяжении всего столетия.

Исходя из приведенных источников можно констатировать, что для поддержания порядка и дисциплины в стенах английских средневековых университетов применялись различные виды дисциплинарного воздействия —

денежные штрафы, лишение общения или пищи и, наконец, телесные наказания. Крайней мерой являлось исключение.

Наряду с правилами, касающимися поведения студентов, в начале XVI в. стали появляться и регламенты относительно одежды. До этого времени английские университеты не стремились использовать академическое платье в качестве меры социального контроля [22, р. 60—137]. Накануне XVI столетия для старшекурсников особое форменное платье не было обязательным, они носили скромное клерикальное одеяние. В средневековый период университетские статуты больший акцент делали на одежде выпускников — на академическом одеянии докторов, преподавателей и бакалавров различных факультетов [15, р. 20]. Фасон академического костюма, а вовсе не его расцветка являлся отличительной чертой студенческих мантий [22, р. 6].

В XIV и XV столетиях мантии преподавателей и докторов искусств на старших факультетах были подбиты или украшены мехом согласно рангу каждого. Разновидность меха или подбоя, использованного для платья и шапки, зачастую служила показателем статуса школяра. Университетским статутом 1414 г. бакалаврам искусств в Кембридже запрещалось украшать свои одежды мехом или шелком (если только они не были знатного происхождения, в этом случае выбирались более ценные меха), допускалась только овчина на шапках [17, р. 198—199; 20, vol. 1, р. 402]. Среди разновидностей мехов, применяемых в английском академическом костюме, овечья шерсть, мех кролика, куницы, волка, лисы и дикой кошки были менее престижны, чем мех белки, а на подбой шли шелк и сатин [15, р. 21].

Привлекательная мантия старшекурсников являлась предметом зависти младших студентов, и оксфордское руководство сочло необходимым в 1432 г. издать закон против ношения ими подбоя или мехов, предназначенных преподавателям и знати [26, р. 239—240]. В 1490 г. было постановлено, что студенты младших курсов не должны носить головные уборы, более подходящие статусу преподавателя [26, р. 297]. В XV в. английские университеты пошли на некоторые уступки в отношении одежды школяров знатного происхождения; самые ранние примеры этого встречаются в статуте Кембриджа 1414 г. и в статуте Оксфорда 1490 г. [13, р. 157; 26, р. 297]. В период от правления Елизаветы до XVIII столетия одежда представителей аристократии становится все более и более изысканной [22, р. 92—95, 128—130].

Академическое население средневековой Европы прекрасно ориентировалось в направлениях светской моды. В оксфордском статуте 1313 г. предписывалось предостерегать преподавателей каких-либо факультетов от чтения лекций в излишне модной обуви [26, р. 57]. В 1342 г. архиепископ Кентерберийский издал в Лондоне постановление, осуждающее экстравагантность в облике и одежде университетских студентов и клириков — слишком длинные, как у женщин, завитые или напудренные волосы, обувь в красную и зеленую клетку, плащи, отделанные очень дорогими мехами, кольца, роскошные и искусно украшенные пояса, с которых свисали длинные ножи на манер шпаги [13, р. 94—95]. В пику хаотичным университетским уставам, касающимся одежды, многие колледжи придумали ливрею, производящую впечатление туники клерикального покроя. Ее форменный материал и расцветка различались согласно академическому статусу. Ливреи предписывались Королевским и Новым колледжами, колледжем Тела Христова в Оксфорде, Гонвилль-колледжем, Тринити-Холлом, Кингз-Холлом и Королевским

колледжем в Кембридже [27, vol. 1, chap. 4, 14, 16, 45; vol. 2, chap. 10, 84]. В оксфордском Королевском колледже члены студенческого братства носили верхнюю одежду пурпурного цвета в память о пролитой Христом крови [27, vol. 1, chap. 4, 14]. В первой половине XIV в. их туники и петлицы были голубого или изумрудного оттенка. Ничего не известно о расцветках во второй половине столетия, однако в королевском гардеробном реестре от 1444 г. помечено, что студенты получили на мантии меру голубой материи [16, p. 199—200]. То, что эта голубая ливрея была королевской, установлено из писем Генриха VI от 19 ноября 1448 г. В них говорится о том, что с этого момента мантии не могут быть перекроены в течение двух или трех лет, так как их новые фасоны создавались с тем, чтобы старшекурсники были прилично одеты в клерикальное платье — королевскую ливрею — согласно их академическому рангу [19, p. 373]. Из всех английских университетов эта привилегия принадлежала только представителям Кингз-Холла. Накануне XVI в. лишь те старшекурсники Оксфорда и Кембриджа облачались в специальное платье, которые являлись членами колледжей с установленной униформой.

Можно предполагать, что университетские власти Оксфорда и Кембриджа средневековой эпохи пытались регулировать частную жизнь своих студентов в духе монашеских конгрегаций, что было вполне естественно для того времени, когда церковь старалась подчинить себе всю духовную жизнь общества. Это касалось и университетских корпораций, которые в значительной степени зависели от церковных властей. Вместо того чтобы запрещать, английские университетские и коллегияльные учреждения могли бы направить усилия по регулированию частной жизни студентов в другое русло и придать их досугу легальные формы, но они предпочли ограничительные меры, имевшие эффект, обратный ожидаемому.

Библиографический список

1. *Евсеев В. А.* К истории повседневной жизни : (отношение властей средневековых английских университетов к женщинам) // История идей и история общества : материалы VI Всероссийской научной конференции, Нижневартковск, 17—18 апреля 2008 г. Нижневартковск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2008. Ч. 1. С. 117—120.
2. *Евсеев В. А.* Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. 228 с.
3. *Евсеев В. А.* Дисциплина и наказание в средневековых английских университетах // История идей и история общества : материалы IX Всероссийской научной конференции, Нижневартковск, 14—15 апреля 2011 г. Нижневартковск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2011. С. 107—109.
4. *Липатникова Г. И.* Эталоны поведения студентов Карлова университета (конец XIV — начало XV века) // Из истории университетов Европы XIII—XV веков. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ин-т, 1984. С. 60—85.
5. *Нехаева С. В.* Источники существования студентов Флорентийского университета в эпоху Возрождения (1473—1503) // Возрождение: культура, образование, общественная мысль / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1985. С. 40—55.
6. *Нехаева С. В.* Студенческие коллегии в позднесредневековых итальянских университетах // Возрождение: гуманизм, образование, искусство / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. С. 60—68.

7. *Ретина Л. П.* Образование. Школы. Университеты // Средневековая Европа глазами современников и историков : в 5 т. / под ред. А. Л. Ястребицкой. М. : Интерпракс, 1995. Т. 2. С. 359—367.
8. *Уваров П. Ю.* Характерные черты университетской культуры // Из истории университетов Европы XIII—XV веков. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ин-т, 1984. С. 5—28.
9. *Уваров П. Ю.* Университетское образование глазами французов XVI века // Возрождение: гуманизм, образование, искусство / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. С. 103—117.
10. Университеты Западной Европы : Средние века. Возрождение / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1990. 162 с.
11. *Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XII—XIII вв. : эпоха. Быт. Костюм. М. : Искусство, 1978. 176 с.
12. *Ястребицкая А. Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. М. : Интерпракс, 1995. 416 с.
13. *Annals of Cambridge* : in 4 vols / ed. by C. H. Cooper. Cambridge, 1842. Vol. 1. 452 p.
14. *Aston T. H., Faith R.* The endowments of the University and colleges to circa 1348 // *The History of the University of Oxford* / ed. by J. I. Catto. Oxford : Oxford University Press, 1984. Vol. 1 : The Early Oxford Schools. 684 p.
15. *Buxton L. H. D., Gibson S.* Oxford University Ceremonies. Oxford, 1935. 192 p.
16. *Catto J. I.* Citizens, scholars and masters // *The History of the University of Oxford* / ed. by J. I. Catto. Oxford : Oxford University Press, 1984. Vol. 1 : The Early Oxford Schools. 684 p.
17. *Cobban A. B.* The King's Hall within the University of Cambridge in the Later Middle Ages // *Cambridge Studies in Medieval Life and Thought. Ser. 3.* Cambridge : Cambridge University Press, 1969. Vol. 1. 388 p.
18. *Cobban A. B.* The Medieval Universities: Their Development and Organization. London : Methuen and Company, 1975. 378 p.
19. *Cobban A. B.* The Medieval English Universities Oxford and Cambridge to c. 1500. Los Angeles : University of California Press, 1988. 466 p.
20. Documents Relating to the University and Colleges of Cambridge : in 3 vols. London, 1852. Vol. 1. 514 p. ; Vol. 2. 640 p. ; Vol. 3. 660 p.
21. *Emden A. B.* An Oxford Hall in Medieval Times. Oxford, 1927. 322 p.
22. *Hargreaves-Mawdsley H. W.* A History of Academic Dress in Europe until the End of the Eighteenth Century. Oxford : Oxford University Press, 1963. 137 p.
23. *Rashdall H.* The Universities of Europe in the Middle Ages : in 3 vols / ed. by F. M. Powicke, A. B. Emden. Oxford, 1936. Vol. 1. 250 p. ; Vols 2—3. 834 p.
24. Records of Mediaeval Oxford. Oxford, 1917. 406 p.
25. *Registrum Cancellarii Oxoniensis 1434—1469* : in 2 vols / ed. by H. E. Salter. Oxford, 1932. Vol. 1. 360 p. ; Vol. 2. 648 p. (Oxford Hist. Soc. ; vol. 93, 94).
26. *Statuta Antiqua Universitatis Oxoniensis.* Oxford, 1931. 604 p.
27. Statutes of the Colleges of Oxford : in 3 vols. Oxford ; London, 1853. Vol. 1. 558 p. ; Vol. 2. 496 p. ; Vol. 3. 384 p.
28. The Medieval Archives of the University of Oxford : in 2 vols / ed. by H. E. Salter. Oxford, 1917. Vol. 1. 414 p. (Oxford Hist. Soc. ; vol. 70).

ББК 66.1(0)6

А. В. Зобнин

ТЕОРИЯ ДОМИНО В ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена изучению мнений мирового политико-академического сообщества относительно истоков, сущности и эффективности применения теории домино во внешнеполитическом курсе США XX—XXI вв. Представлены теоретико-игровые и рациональные основания теории домино, прецеденты использования теории в истории международных отношений последних 50 лет, а также возражения и критические замечания представителей мирового академического сообщества в отношении ее применения. В ходе проведения исследования сделан вывод о простоте и высокой эффективности теории домино, обусловивших популярность стратегии в среде американской внешнеполитической элиты.

Ключевые слова: теория домино, эффект домино, баланс сил, теория игр, американская интервенция, стратегия сдерживания.

The article is devoted to the study of opinions and approaches of global political and academic community concerning the origins, nature and effectiveness of the domino theory in the U. S. foreign policy of the XX—XXI cc. Presented are theoretic and rational foundations of the domino theory, the cases of using the theory in the history of international relations during the past fifty years as well as the global academic community representatives' objections and criticisms regarding the application of the domino theory. In the course of the study the conclusion is made about the simplicity and high effectiveness of the domino theory that made the strategy popular among American foreign policy elite.

Key words: domino theory, domino effect, balance of power, game theory, American intervention, strategy of deterrence.

Активное вмешательство США во внутривнутриполитические вопросы ряда суверенных государств мира в последние три десятилетия XX—XXI вв. способствовало интенсификации обсуждения в мировом политико-академическом сообществе и средствах массовой информации сущности теории домино, содержащей, как кажется руководству Соединенных Штатов, рациональное объяснение американских вторжений и интервенций. Все чаще американские публицисты называют теорию домино одной из самых влиятельных концептуальных основ внешней политики США в XX в., а некоторые, например журналист П. Бейнарт, сравнивают по влиятельности указанную теорию с принципом баланса сил [7, р. 6].

Адекватность данного концептуального сравнения предстоит выяснить в настоящей статье, целью которой является анализ мнений представителей мирового политико-академического сообщества по вопросу истоков, сущности теории домино, а также возможности использования ее в решении международных вопросов в XXI в.

© Зобнин А. В., 2016

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX—начала XXI в.: виртуальность и реальность».

• Серия «Гуманитарные науки»

По мнению профессора Университета Дж. Мэйсона П. Лисона и научного сотрудника Университета Западной Вирджинии А. Дина, теория домино основывалась на применявшейся во времена Ф. Д. Рузвельта теории геополитического детерминизма. Во второй половине XX в. она стала «сердцем американской внешней политики» [14, р. 533].

Известный американский историк, автор десятка книг по истории внешней политики США XX в. Ф. Нинкович полагает, что родоначальниками концепции домино были Т. Рузвельт и В. Вильсон. Однако идея окончательно сформировалась и проникла во внешнеполитический дискурс только во времена Г. Трумэна [17, р. 68]. Действительно, отдельные элементы теории можно обнаружить во внешнеполитических доктринах американского президента Г. Трумэна при формировании концепции решения «греческого вопроса» [27]. Но при Трумэне теория домино в большей степени была частью политической риторики, нежели реальным внешнеполитическим курсом [9, р. 44].

В целом концептуальную модель домино можно рассматривать как часть политики сдерживания коммунизма, проводившейся США в отношении СССР в эпоху холодной войны с середины 1940-х гг. [4, с. 214; 5].

По мнению профессора теологии Дж. Трана, теория домино в качестве официальной внешнеполитической доктрины США впервые была озвучена Агентством национальной безопасности в 1950 г., в обосновании ее применения содержались сведения о том, что теория должна вернуть баланс сил в регион Юго-Восточной Азии [28, р. 329—330].

Свои содержательные и идеологические очертания теория домино получила в официальном выступлении Д. Эйзенхауэра 7 апреля 1954 г., когда президент заявил, что захват коммунистами власти во Вьетнаме может вскоре привести к осуществлению такого же сценария в соседних с ним государствах, т. е. реализации эффекта падающих костяшек домино; поэтому для будущего всего Азиатско-Тихоокеанского региона решающее значение будет играть то, смогут ли направленные во Вьетнам американские вооруженные силы свергнуть режим Хо Ши Мина и поддержать политическую систему, сложившуюся в Республике Вьетнам.

По выражению профессора Гарвардского университета С. Уолта, никому не известная теория домино после выступления в 1954 г. Д. Эйзенхауэра стала одной из ведущих геополитических идеологий США на ближайшие пятьдесят с лишним лет [30, р. 50—51]. Эмпирическая проверка теории домино прошла уже в июне 1954 г. во время проведения в Гватемале операции ЦРУ «Успех», в ходе которой был свергнут режим «левого» президента Х. Арбенса [3, с. 172—190].

Канадский исследователь С. Стрэттон указывает, что теория домино впечатлила своей простотой и логичностью американских президентов Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра и Л. Джонсона, хотя ряд ее положений кардинально расходился с аналитикой Государственного департамента США и текущим состоянием международной среды. Таким образом, внешнеполитическое мышление США 1950—1960-х гг. строилось скорее на простых логических схемах, нежели на анализе состояния контекста международных отношений [27, р. 120].

В зарубежной исторической науке теорию домино часто представляли идейным продуктом «антикоммунистической паранойи». В свою очередь, в политической науке США было и несколько иное мнение, согласно которому

теория содержала в себе прагматические интересы. В частности, отдельные представители американской администрации искренне считали, что захват коммунистами власти в Юго-Восточной Азии может повлечь за собой серьезные негативные последствия для японской, британской и французской экономики [18, р. 30].

Таким образом, за выдвижением теории домино стояли не только идеологические и политические факторы, но и экономические. А сам выбор указанной теории можно объяснить вполне рациональными основаниями — логичностью и простотой, которые импонировали многим американским президентам.

Излишняя, но весьма притягивающая логичность теории домино, очевидно, связана с тем, что ее положения были сформулированы с использованием наработок теории игр. Выражение «эффект домино» применяется также в формальной логике для обозначения структуры аргументации, в которой при выпадении одного из аргументов разрушается вся теория [19].

Расширенную интерпретацию теории домино с точки зрения теории игр можно изобразить на схеме (рис. 1).

Рис. 1. Варианты и исходы взаимодействия США с умеренной оппозицией по вопросу поддержки дружественного США режима

Согласно представленной на рис. 1 модели США было бы выгоднее выбрать стратегию невмешательства в конфликтную ситуацию действующего дружественного режима и умеренной оппозиции, поскольку выигрыш (0) > выигрыша (-1). Однако и оппозиции в этом случае выгоднее бросить вызов режиму, зная, что США выберут вариант невмешательства. Получается некий

парадокс рациональной модели теории домино, ведь изначальной целью Соединенных Штатов является поддержка дружественного правящего режима.

Для исключения из модели теории домино парадоксальных элементов схема была доработана в мае 1954 г. и получила новую интерпретацию (рис. 2).

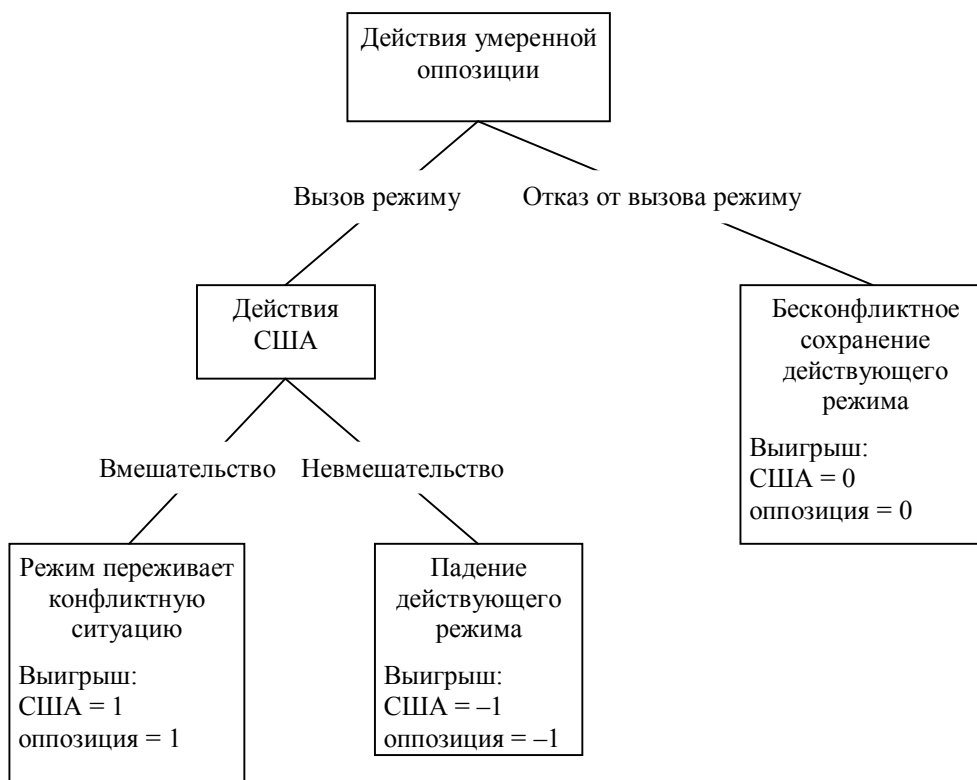

Рис. 2. Варианты и исходы взаимодействия США с умеренной оппозицией по вопросу функционирования недружественного США режима

Согласно данной модели умеренная оппозиция может бросить вызов действующему недружественному США политическому режиму или не делать этого. Во втором случае игра заканчивается, поскольку режим продолжает стабильно функционировать, выигрыши каждой из сторон равны нулю. В первом случае США могут вмешаться с целью свержения режима (выигрыши каждой из сторон в случае падения режима будут равны 1) или не вмешиваться, тогда оппозиция остается в одиночестве в состоянии борьбы с действующей в стране властью (выигрыши каждой из сторон будут равны -1).

Тем не менее теория домино, использовавшаяся американским руководством со времен Д. Эйзенхауэра, имеет ряд отклонений от представленной на рис. 2 рациональной теоретико-игровой модели.

В своем выступлении 1954 г. Д. Эйзенхауэр неоднократно подчеркивал, что США в деле борьбы с коммунизмом необходимо продемонстрировать твердость действий. Это фактически означало вмешательство во внутренние дела иностранного государства даже при отсутствии вызова как такового [18, р. 55—56]. Таким образом, обязательность исполнения изображенной на рис. 2 рациональной модели сводится к нулю.

Использование данной модели в качестве инструмента для иллюстрации теории домино имеет четкие ограничения, поскольку последняя представляет собой разновидность повторяющегося взаимодействия, т. е. повторяющейся игры [4, с. 216].

Непосредственные затраты, понесенные США в результате вмешательства (интервенции), превышают потенциальную прибыль от свержения недружественного режима. Таким образом, нарушается принцип максимина в теории игр.

Попытки адаптации представленной на рис. 2 модели к реальным внешнеполитическим шагам США предпринял профессор политологии Университета Осло Й. Хуви. Опираясь на исследования Р. Зелтена и Р. Джервиса [24, 12], Хуви предложил периодически изменять условия функционирования модели, при этом они должны быть максимально приближены к международной реальности. В числе предлагаемых норвежским исследователем условий назывались бесконечность розыгрыша игры, доступность всем игрокам знаний о применяемых США стратегиях, ослабление позиции США по отношению к недружественному политическому режиму, наличие не умеренной, а активной (или даже агрессивной) оппозиции [4, с. 220—222]. Таким образом, Й. Хуви пытался расширить модель до кооперативной (коалиционной) игры с сообщениями. Однако даже эти попытки привели исследователя к неоднозначным и противоречивым выводам. Неслучайно сам Хуви отмечал: «Попытки проверить теорию домино не дали однозначных результатов. Кроме того, очевидно, что проведение подобной проверки легко может столкнуться с серьезными методологическими проблемами. Сходные трудности упоминаются в литературе, посвященной вопросу о рациональном сдерживании путем устрашения... При этом достаточно простой практической задачей может оказаться определение случаев неудачного применения США стратегии домино» [4, с. 223—224].

В целом модель, представленная на рис. 2, показывает, что с позиции теории игр вмешательство США в конфликтную ситуацию всегда приносит положительный выигрыш. Более того, сама угроза американского вмешательства также способна привести к этому выигрышу.

За годы существования теории домино сформировалась целая плеяда ее критиков из числа историков, политологов и публицистов. Основанием для критических осуждений стал разрыв между теорией и практикой ее реализации, который заставил многих исследователей говорить о неэффективности теории домино.

Известный американский журналист У. Липпман назвал теорию домино «стратегическим чудовищем», сводящим роль США к простому реагированию на инициативы и лобовые удары тогда, когда это решат советские власти (см.: [16, р. 191]).

По мнению профессора Университета Нотр-Дам С. Розато, теорию домино нельзя отнести к реалистической парадигме теории международных отношений, поскольку она не учитывает расстановку сил в регионе применения. В целом наблюдается обратный процесс при реализации теории, ведь падение коммунистического режима во Вьетнаме способствовало усилению прокоммунистических режимов в соседних государствах Юго-Восточной Азии. В отличие от принципа баланса сил теория домино не принимает во внимание ряд исторических, идеологических и культурных факторов, влияющих на формирование и эволюцию политических режимов [20, р. 811—812].

По мнению специалиста по проблемам безопасности и нераспространения Р. Ладха, теория домино во внешней политике США есть совокупность внешнеполитических ожиданий, а не проекция реального положения вещей в мире [13, р. 8].

В своей докторской диссертации К. Уайтакер приходит к выводу, что для многих американских журналистов теория домино стала настоящей идеологией, с помощью которой они пытались объяснить практически все современные события, происходящие в мире, как то ситуация в Египте, Сирии и Ливии. Теория домино — это часть медиадискурса, основанного на аргументах вмешательства США во внутренние дела иностранных государств. Используя пример вторжения во Вьетнам, США демонстрирует теорию домино в лучшем свете. Это часть внешнеполитической риторики, которая не соотносится с реальным положением дел, репрезентация ожиданий американской внешнеполитической элиты [31, р. 221—222].

По словам американского исследователя Дж. Слэйтера, теорию домино можно отнести скорее к «ущербным» логическим конструкциям, нежели к одной из теорий современных международных отношений [25, р. 133; 26].

Достаточно интересные выводы получены в ходе проведения комплексного исследования научным сотрудником Уппсальского университета Э. Форсберг. Она попыталась проследить наличие «эффекта домино» в поведении групп сепаратистов в рамках одного государства и соседних с ним государств. Результаты этого научного исследования показали, что уступки правящего режима в отношении групп сепаратистов приводят к появлению аналогичных требований соседних сепаратистских групп, однако данный эффект действует только в рамках одного государства и не распространяется на соседние страны [10, р. 235].

Обобщив критические замечания представителей мирового политико-академического сообщества, мы представили следующие аргументы против теории домино.

1. Теория домино как стратегическая доктрина могла привести американские власти к передаче стратегической инициативы в руки коммунистических лидеров. Основанная на теории домино стратегия наделяла слишком большими полномочиями союзников США по блоку НАТО и не учитывала их национальные интересы.

2. Говоря об адекватности теории домино, следует отметить, что она не принимала во внимание политические, исторические и культурные особенности государств, а также интересы других великих держав, связанных с регионом противостояния.

3. Теория домино не содержит положений относительно дальнейшей стратегии проигравшей сверхдержавы: локальное поражение в регионе противостояния не обязательно приводит к снисходительности проигравшей сверхдержавы в других аналогичных конфликтных ситуациях.

Несмотря на наличие немалого количества критических публикаций, теория домино воспринимается в мировом политико-академическом сообществе как наиболее эффективная доктрина внешней политики США в различных регионах мира на рубеже XX—XXI вв.

Теория оказала влияние на внешнеполитический курс США эпохи Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего в отношении стран Латинской Америки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии. Однако у администрации Р. Рейгана были оппоненты из числа американской политико-академической элиты,

которые опирались на принцип баланса сил в решении международных вопросов. В 1983—1984 гг. Р. Рейгану удалось умело совместить баланс сил и теорию домино для подготовки своего победного выступления в стенах Конгресса США, убедившего сенаторов, что безопасность государства на южных границах полностью зависит от внутривнутриполитического положения в латиноамериканских странах [6, р. 31]. Речь шла о военно-политической поддержке режима Сальвадора, который, по мнению Рейгана, мог стать доступной мишенью для коммунистов.

Администрации Дж. Буша-старшего и Дж. Буша-младшего активно использовали демократическую теорию домино для обоснования в американских СМИ своих действий в Ираке, Украине, странах Ближнего Востока и Латинской Америки. По мнению госсекретаря США К. Пауэла, демократизация режима Ирака сможет оказать позитивное влияние на политические системы Иордании, Сирии, Ирана и даже Египта. А заместитель министра обороны США П. Вулфовиц прокомментировал: «Ирак сейчас, Иран следующий, а потом Сирия» (см.: [29]).

При принятии решения о вторжении в Ирак в администрации США использовали расширенную версию теории домино, где рассчитывается вероятность падения или стабилизации политического режима в случае вмешательства во внутренние дела государства войск расширенной коалиции. Согласно схеме администрации Дж. Буша-младшего, падение режима С. Хусейна в Ираке с вероятностью в 2/3 приведет к падению режима в Иране и, возможно, Сирии [21, р. 59].

Для иллюстрации использования теории домино на примере Ирана внештатный сотрудник «Корпорации РЭНД» М. Схеффер предложил аналитическую схему «эффекта домино», представленную на рис. 3.

Теория домино в части ее обоснования была концептуально доработана администрацией Б. Обамы. В 2008 г. госсекретарь США К. Райс использовала в качестве аргументации теорию домино при формировании мнения президента относительно ситуации в Афганистане. С ее точки зрения, утверждение демократического режима в Афганистане будет способствовать демократизации региона Центральной Азии, страны которого традиционно со времен распада СССР тяготели к Российской Федерации [30].

С начала 2000-х гг. изменились и цели теории домино, в частности, одной из ключевых задач теории стало предупреждение распространения международных угроз национальной безопасности США военными силами американской армии, а теперь и силами НАТО [8, р. 355].

Обновленная в начале 2000-х гг. теория домино использовалась при вторжении США в Ирак, Афганистан, страны Ближнего Востока. Таким образом, можно говорить о «стиле домино» во внешнеполитическом курсе США и их союзников по НАТО. Механизм проникновения демократических идей в рамках применения теории домино включал: 1) использование миграционных потоков для распространения идей; 2) демонстрацию продемократических идеалов в СМИ; 3) создание межгосударственных экономических сообществ и зон; 4) использование стратегии подражания, когда на бумаге проводимые демократические реформы в США смогут подвигнуть на аналогичный шаг другие государства, имеющие близкие к демократическому режимы [14, р. 535—536].

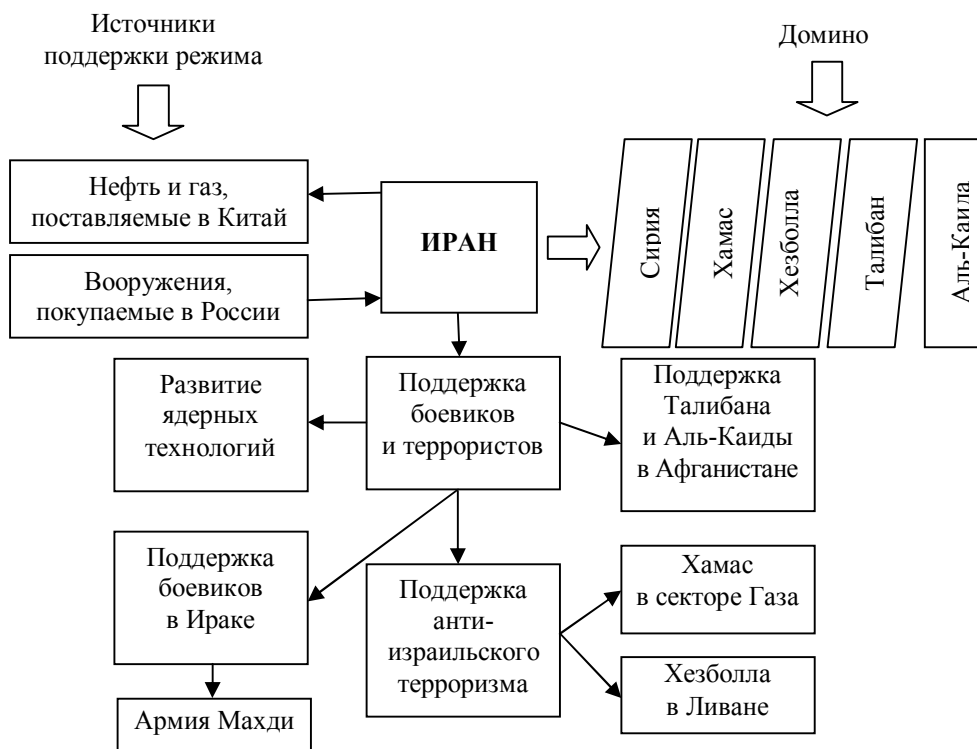

Рис. 3. Иран как стержень государств-изгоев (согласно концепции домино М. Схеффера [21, р. 60])

Таким образом, можно говорить о том, что теория домино гораздо больше, чем просто военно-политическая стратегия США 1950—1960-х гг. в отношении государств Юго-Восточной Азии. Современные политологи пишут об экономической, ядерной и демократических разновидностях данной теории [15, р. 3; 13, р. 9; 24, р. 127]. Следует также учитывать, что США в своей внешнеполитической деятельности активно использовали и модель, представленную на рис. 1, и модель, представленную на рис. 2.

Мировое политико-академическое сообщество являло собой достаточно слаженную когорту в вопросах оценки сущности и значения теории домино в истории международных отношений XX в. В то же время первичный анализ зарубежных публикаций показал присутствие в политических и исторических исследованиях двух дискуссионных вопросов, разделивших данное сообщество на несколько групп.

Дискуссионный вопрос № 1. Можно ли считать теорию домино и принцип баланса сил концептуально схожими категориями в теории международных отношений?

По мнению профессора теологии Дж. Трана, теория домино, так же как и принцип баланса сил, построена на соблюдении строго рациональных правил и установок [28, р. 329]. Профессор юриспруденции Университета Фордхэм Э. ван ден Хааг указывал на то, что математическая трактовка теории домино, связанная со строгими логическим схемами теории игр, близка к принципу баланса сил по рациональным основаниям. Нематематическая трактовка теории домино связана со стратегическими целями и интересами

США и может быть близка к доктрине сдерживания [11, р. 115]. Данный вывод также подтверждают исследования профессора Принстонского университета К. Ачена, по мнению которого теория домино — это часть теории сдерживания [5, р. 142—143].

Дискуссионный вопрос № 2. Можно ли считать теорию домино универсальной теорией или ее применение ограничивается только внешнеполитической деятельностью отдельно взятой державы (США)?

С уверенностью можно сказать, что теория домино прежде всего связана с применением США военной силы в Юго-Восточной Азии в 50—70-х гг. XX в., однако «лежащая в основе этой концепции стратегия является намного более общей... подобные стратегии можно обнаружить и вне сферы международных отношений — например в экономике» [4, с. 227]. В то же время лучшие примеры использования теории домино не имеют прямого отношения к Соединенным Штатам.

Высказывания отдельных представителей мирового политико-академического сообщества не дают исчерпывающего ответа на озвученные выше дискуссионные вопросы.

На первый взгляд рационализм — это единственное сходство, которое возможно между теориями разных уровней (теорией домино и принципом баланса сил). Данное утверждение может быть подкреплено и отчасти скорректировано четырьмя аргументами.

1. Принцип баланса сил в процессе его применения во внешнеполитической практике не гарантирует агенту, его использующему, наличия точного прогноза конечного исхода сложившейся ситуации, поскольку сам принцип учитывает стратегии поведения множества агентов международной среды (см.: [1]).

Теория домино в ее строго математической (теоретико-игровой) интерпретации предлагает только два исхода ситуации, удовлетворяющие агента либо с военно-политической, либо с экономической точки зрения. Простота и изначальная способность теории прогнозировать ход событий сделали ее поистине популярной в американских внешнеполитических кругах.

2. Принцип баланса сил при всей его теоретической проработанности предлагает агенту множество исходов, зависящих от состояния международной среды и поведения других агентов мировой системы. Указанное многообразие действует не в пользу принципа, поскольку, как доказал американский психолог Б. Шварц, чаще всего пугает лицо, принимающее внешнеполитические решения. Основывая свои решения на ограниченном круге альтернатив, что бывает в случае с теорией домино, такое лицо попадет в ловушку парадокса свободы выбора («парадокса Б. Шварца») [22, 23]. И как показала практика, существовать в парадоксе свободы выбора гораздо эффективнее с психологической точки зрения, нежели в состоянии неопределенности при многокритериальном выборе из множества вариантов (см.: [2, с. 36—37]).

3. Большую популярность теория домино приобретала в связи с тем, что ее эффективность могла определяться только самой гипотетической возможностью вмешательства США в развитие событий. От Соединенных Штатов не требовалось каких-либо реальных действий по отношению к недружественному политическому режиму, достаточно было сделать повесткой дня ряда американских СМИ тему вмешательства или поддержки того или иного политического режима.

4. За годы использования стратегии теория домино впитала в себя множество идеологических наслоений, которые способствовали ее излишней противоречивости, дистанцированию практики применения теории от самой теории. Указанная противоречивость привела к наличию в мировом политико-академическом сообществе нескольких групп исследователей, каждая из которых пыталась доказать правоту своих трактовок теории домино. В последнее десятилетие на страницах мировых СМИ все чаще появляется идея об универсальности данной теории отчасти по причинам, указанным в предшествующих пунктах заключительного раздела статьи.

Библиографический список

1. *Зобнин А. В.* К определению принципа баланса сил: опыт неинституционального подхода к международной среде // *Международные процессы*. 2014. № 3. С. 55—69.
2. *Зобнин А. В.* Рациональный выбор — это миф?! : парадокс ограниченного выбора в системе парадоксов : конспект лекции. Иваново : Изд-во ИГИКМ им. Д. Г. Бурьялина, 2014. 44 с.
3. *Иванов Н. С.* Государственный переворот 1954 г. в Гватемале : (к 60-летию операции ЦРУ «Успех») // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2014. Вып. 14. С. 174—190.
4. *Хуви Й.* Теория домино: если падает первая фишка, остальные последуют за ней // *Теория и методы в современной политической науке : первая попытка теоретического синтеза / под ред. С. У. Ларсена*. М. : РОССПЭН, 2009. С. 213—229.
5. *Achen C., Snidal D.* Rational deterrence theory and comparative case studies // *World Politics*. 1989. January. P. 143—169.
6. *Arandia S. R.* Burden of the Cold War: the George H. W. Bush Administration and El Salvador : a Thesis Submitted to the Office of Graduate Studies of Texas A&M University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. College Station (TX), 2010. 135 p.
7. *Beinart P.* The domino theory // *The New Republic*. 1996. 26th February. P. 6.
8. *Betts R. K.* From Cold war to hot peace: the habit of American force // *Political Science Quarterly*. 2012. № 3. P. 353—368.
9. *Butterly L.* Rhetoric and reality — a history of the formation of the domino theory // *History Studies*. 2012. Vol. 13. P. 25—46.
10. *Forsberg E.* Do ethnic dominoes fall? : evaluating domino effects of granting territorial concessions to separatist groups // *International Studies Quarterly*. 2013. Vol. 57. P. 229—240.
11. *Haag E. van den.* The busyness of American foreign policy // *Foreign Affairs*. 1985. September. P. 114—129.
12. *Jervis R.* Domino beliefs and strategic behavior // *Dominoes and Bandwagons : Strategic Beliefs and Great Power Competition in the Eurasian Rimland / ed. by R. Jervis, J. Snyder*. Oxford : Oxford University Press, 1991. P. 30—42.
13. *Ladha R.* A regional arms race : testing the nuclear domino theory in the Middle East // *Online Journal of Southwest Asia and Islamic Civilization*. 2012. Spring. P. 1—9.
14. *Leeson P. T., Dean A. M.* The democratic domino theory: an empirical investigation // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53, № 3 (July). P. 533—551.
15. *Leeson P. T., Sobel R. S., Dean A. M.* Contagious capitalism // *Working Paper of the Mercatus Center at George Mason University*. 2010. March.
16. *Litwak R. S.* Containment // *The Oxford Companion to the Politics of the World / ed. by J. Krieger*. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1993. P. 191—199.

17. *Ninkovich F.* Modernity and Power : a History of the Domino Theory in the Twentieth Century. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 418 p.
18. *Olson J. S., Roberts R.* Where the Domino Fell. Rev. 5th ed. Malden (MA) : Blackwell Publishing, 2008. 336 p.
19. *Quine W. V. O.* From a Logical Point of View. 2nd ed. New York : Harper and Row Publishers, 1963. 190 p.
20. *Rosato S., Schuessler J.* A Realist foreign policy of the United States // Perspectives on Politics. 2011. December. P. 803—819.
21. *Schaffer M. B.* The Iraq experiment and domino theory revisited // Joint Force Quarterly. 2010. April. P. 56—62.
22. *Schwarz B.* Permanent interests, endless threats cold war continuities and NATO enlargement // World Policy Journal. 1997. P. 24—30.
23. *Schwartz B.* The Paradox of Choice : Why More Is Less. New York : Harper Collins, 2004. 288 p.
24. *Selten R.* The chain-store paradox // Theory and Decision. 1978. Vol. 9. P. 127—159.
25. *Slater J.* Dominos in Central America : will they fall? Does it matter? // International Security. 1987. Vol. 12, № 2. P. 105—134.
26. *Slater J.* The domino theory in international politics: the case of Vietnam // Security Studies. 1993—1994. Vol. 3. P. 186—196.
27. *Stratton S. A.* The Ties That Bind : the Domino Theory in American Foreign Policy, 1947—1968 : a Thesis Submitted to the School of Graduate Studies in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Master of Arts. Hamilton : McMaster University, 1989. 152 p.
28. *Tran J.* The Vietnam War as theo-drama: Balthasar, Kenosis, and the Cold war's temporal desperation // Political Theology. 2007. July. P. 319—340.
29. *Vesely M.* Debunking the domino theory // Middle East. 2003. May. P. 2—7.
30. *Walt St. M.* Where do bad ideas come from and why don't they go away? // Foreign Policy. 2011. January—February. P. 50—58.
31. *Whitaker C.* The Domino Theory in the Popular Geopolitics of the U.S. News Media : a Dissertation Submitted to the Department of Geography in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy / the Florida State University. Talahassee, 2011. 279 p.

ББК 85.373(4Фра)

К. А. Юдин

**БЕРНАР БЛИЕ И ТЕАТРАЛЬНО-КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ФРАНЦИИ 1930—1980-х гг.**

Настоящую статью можно считать логическим продолжением ранее предпринятых изысканий в области истории мирового и, главным образом, зарубежного театрально-кинематографического искусства 1930—1980-х гг. Придерживаясь консервативных позиций, автор, сфокусировав основное внимание на конкретной фигуре, признанном мастере французской сцены Бернаре Блие, столетие со дня рождения которого исполнилось в этом году, предпринял попытку осуществить условную стратификацию актерского состава разных поколений, определяемую спецификой амплуа, осуществить максимально доступную реконструкцию кинематографического процесса. Этот процесс рассматривается как феномен консервативно-органичной интеграции всех его субъектов, объединенных общей целью — служения наднациональным и антипартикулярным идейно-эстетическим универсалиям. В соответствии с этим в статье присутствуют биографические данные мэтров, относящихся к так называемой команде второго плана, дается оценка их статуса в системе взаимодействия ансамблево-корпоративного типа.

Ключевые слова: Бернар Блие, консервативный республиканизм, кинематограф Франции, ансамблево-взаимодействие, социально-историческая и криминальная драма, комедия.

The present article can be considered a logical continuation of the previous research undertaken in the history of the world and, mostly, foreign theatrical, cinematic art of 1930—1980-ies. Adhering to conservative positions, the author, focusing attention on a particular figure, a recognized master of the French scene Bernard Blier, the centenary of whose birth was marked this year, made an attempt to carry out a conditional stratification cast of different generations, determined by the specificity of roles, implement maximally accessible reconstruction of the cinematographic process. This process is regarded as a phenomenon of conservative organic integration of all its entities, united by a common purpose — to serve supranational and antiparticularistic ideological and aesthetic universals. It is with this purpose that the article contains biographical data of the masters, belonging to the so-called ‘supporting cast’, an assessment of their status in the system of interaction of ensemble type.

Key words: Bernard Blier, conservative republicanism, cinematograph of France, ensemble interaction, socio-historical and crime drama, comedy.

В январе 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из самых известных и популярных актеров, мэтров французского кинематографа эпохи его расцвета — 1930—1980-х гг. — *Бернара Блие* (11 января 1916 г. — 29 марта 1989 г.). Его по праву можно отнести к мастерам так называемой старой школы, представителям высшей гильдии театрально-кинематографического искусства, чей творческий путь совпал с поистине самыми тревожными и героическими страницами в истории Франции, связанными с генерацией особой атмосферы идейно-мировоззренческой напряженности, мучительными экзистенциальными исканиями, преследовавшими все французское общество как в период военно-политического

противостояния, так и в годы становления нового национально-государственного миропорядка — Пятой республики и идеологии консервативного республиканизма, голлизма.

Именно этот период времени, как отмечено в историографии [1, 3, 5, 6], стал наиболее продуктивным для всех видов творческой активности, и особенно — кинематографического искусства, получившего живой и органический импульс вдохновения в «чистой повседневности». Для созерцающего социально-политическое бытие интеллекта она давала в качестве образца для иллюстрации уже практически готовые *идеальные типы*, диаметрально противоположные по внутренней сущности и обусловленной этим имманентным качеством специфике внешней самопрезентации. Режиссерами разрабатывалась, с одной стороны, традиционная модель-образ «маленького человека», симулякра, бесхребетного, суетливого индивида, мещанина/филистера-обывателя, одержимого прагматико-материалистическим вожделием. С другой — эталон уверенного в себе, поддерживающего воинско-аскетический стиль и этос *героя-нонконформиста*, сохраняющего верность принципам благородного духа — умеренности, дисциплине, благоразумию, культуре бытия и мышления, приводящих в конечном итоге либо к *аполитейе* — аристократическо-мизантропической дистанции от аморфного большинства, либо к самоотверженной борьбе с подрывными силами энтропии, хаосом становления, перманентным и бессмысленным конъюнктурным фланированием, слепой реактивностью на абсурдные «вызовы времени».

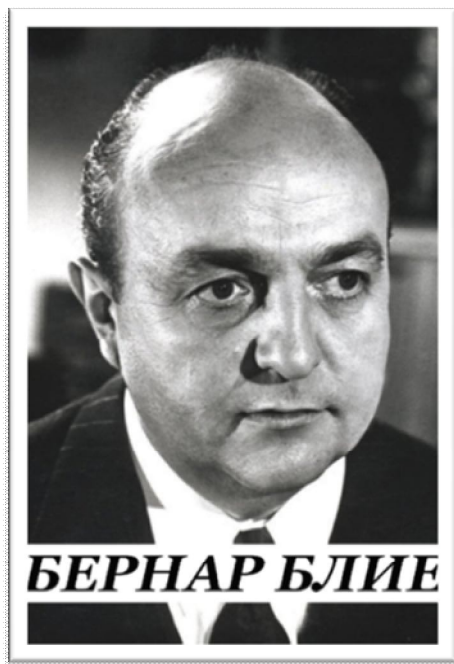
Эту многогранную палитру образов во всех промежуточных модификациях, отличавшихся разной степенью гиперболической иллюстрации, воссоздали на экране и на театральной сцене такие выдающиеся актеры с индивидуальными амплуа и жанровыми приоритетами, как Луи де Фюнес, Бурвиль (Андре Рембур), Фернандель (Фернан Жозеф Дезире-Контанден), Франсис Бланш, Мишель Галабрю, Мишель Серро, Ив Монтан, Пьер Ришар, Ален Делон, Жан-Поль Бельмондо, Жан-Клод Блияли, Жерар Депардьё, Пьер Брассер, Мишель Буке, конечно же, непревзойденные Жан Габен (Жан Алексис Монкорже), Лино Вентура, Жан Маре, Филипп Нуаре, Жан Рошфор. Из старшего поколения «служителей муз» можно вспомнить неподражаемого Мишеля Симона (1895—1975), без сомнения, запомнившегося зрителям в личине эксцентричного героя-правдоискателя из «низов» общества, излишне не теоретизирующего и не рефлексирующего, но всегда уверенно действующего, руководствуясь жизненным опытом и естественными, искренними побуждениями, связанными со стремлением к честности, добросовестному исполнению как служебного, так и семейного долга, какие он демонстрирует в кинокартинах «Господин такси» («Monsieur Taxi», 1952), «Странное желание господина Барда» («L'étrange désir de Monsieur Bard», 1954).

Создаваемые им всегда яркие, колоритные образы на экране, несмотря на их, казалось бы, характерную самодостаточность, не достигли бы всей квинтэссенции художественной, цветовой гаммы, если бы их органично не дополняли блистательные дамы-актрисы. Это легендарные Симона Синьоре, Анни Жирардо, Мишель Морган (Симона Рене Руссель), Мирей Дарк, Милен Демонжо, Клод Жансак, Даниель Дарье, Жана Маркен, Катрин Денев, Миу-Миу (Сильвет Эрри), Жанна Моро, Софи Марсо.

Несмотря как на внешнюю, так и внутреннюю, связанную с силой духа, характером и темпераментом уникальность каждого из названных участников без преувеличения звездно-сакрального пантеона, их творчество объединяет

общая устремленность к глобальной, благородной и фундаментальной цели — через служение Франции, идее национального величия, достигнуть метафизического гуманизма посредством трансляции вечных морально-нравственных и эстетических ценностей. И на пути к этой цели все театральное сообщество, актерская элита, даже сама того не желая и не всегда осознавая, приобретала консервативно-органичную архитектонику. Она интегрировалась в некую корпорацию, предполагавшую выстраивание естественной, обусловленной трансцендентальной наследственностью, задатками и способностями, внутренней социально-интеллектуальной иерархии на фигуры первого плана, второго, и тех, кого в киноведческой литературе принято именовать «эпизодниками», воплощающими периферийные персонажи. Тем не менее вряд ли с этой стратификацией стоит однозначно согласиться, поскольку вполне справедливым можно считать и позицию, согласно которой значительность роли не измеряется ее масштабом, объемом, т. е. временем появления на театральной сцене, и многогранный талант перевоплощений как раз раскрывается именно на микроуровне. Важно отметить, что для ценителей французского кинематографа как своего рода посвященных в эту становящуюся для них сакральной ирреальность, сотканную из визуально-когнитивных образов прошлого, даже эти миниатюрные роли и их исполнители воспринимаются уже не просто как проходящие персонажи из «массовки», а как живые знаки-символы национальной ментальности, запечатленной в устойчивых и самое главное — сразу узнаваемых — типажах.

Но с еще более высокой степенью репрезентативности эти качества проявились в образах и амплуа актерского состава, располагающегося на среднем уровне в общей иерархии, т. е. находящегося между диспозициями ролей первого и второго плана. Это такие признанные мэтры французского кинематографа, как Поль Франкер, Мишель Лонсдейль, Жан Карме, Мишель Дюшессуа, Жюльен Гийомар, Жан Лефевр, Клод Риш, Морис Биро, Жан-Пьер Кассель (Жан-Пьер Крошон), Луи Сенье, Поль Мерисс, Шарль Деннер, Бруно Кремер, Жорж Жере, Жан Пуарэ, Франсуа Перье и многие другие. К их числу, без сомнения, относится и выдающийся французский актер **Бернар Блие**, на персоне которого и будет сосредоточено внимание в настоящей статье.

Бернар Блие родился 11 января 1916 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) в семье французских биологов, однако научно-педагогическое поприще, которое выбрали себе родители, не вдохновило сына: с самых ранних лет Блие чувствовал призвание к творчеству более свободного формата, дарующего простор для дуальных экзистенциальных сценариев. Такой благодатной ареной для самореализации могло стать только театрально-кинематографическое искусство. И поэтому Блие,

не колеблясь, поступает на актерский факультет Парижской консерватории в мастерскую Луи Жюве и настолько глубоко погружается в эту социокультурную реальность, что уже просто не мыслит себе жизни без кинематографа, начиная регулярно сниматься уже с 20-летнего возраста, дебютировав в комедии режиссера Реймонда Руле «Три... шесть... девять» («Trois... six... neuf»), вышедшей на экраны в 1936 г. Следующим штрихом в начинающейся кинокарьере Б. Блие стало вновь эпизодическое участие в картине Марка Аллегре с «говорящим» названием «Простофиля» («Gribouille», 1937).

Именно так, ссылаясь на этот фильм, в киноведческой литературе часто характеризуют сложившееся в довоенные годы амплуа Бернара Блие, которому он в значительной степени был обязан своей внешностью, не вызывавшей противоречивого восприятия: чуть ниже среднего роста, несколько мешковатый, приземистый, с рано обозначившейся лысиной и большими, выразительными глазами — вся эта фактура в совокупности и создавала портрет «типичного добряка».

Однако при этом вряд ли можно согласиться с такой оценкой, ограниченной подобным сравнительным эпитетом, в котором прочитывается намек на якобы имеющую место быть духовную ограниченность героев Блие. Напротив, внешность, выступающая зеркальным отражением характера и внутренней сущности человека, излучавшего искренность и доброжелательность, передавалась всем персонажам Блие, на которых просто невозможно сердиться: такой обаятельностью и естественно-органичной притягательностью в сочетании с высоким профессионализмом исполнения каждой порученной ему роли обладал этот мэтр французского кинематографа. Поэтому есть все основания говорить о воссоздании на экране феномена «маленького человека» в положительном смысле, который является не подрывным элементом-разрушителем, демонстрирующим безрассудный активизм, а личностью, пусть и низшего порядка в общей иерархии, но при этом прочно усвоившей ценности и приоритеты подлинного, консервативно-органичного бытия, которые ретранслируются в доступной для этого уровня экзистенции форме.

Все эти свойства «маленького человека» со знаком «плюс» при интегральном сочетании его лучших качеств в той или иной степени проявились уже в персонажах из ранних актерских работ Бернара Блие, к числу которых относятся в первую очередь две картины М. Карне, по своей художественной направленности принадлежащие к стилю «поэтического реализма». Это «Северный отель» («Hôtel du Nord», 1938), в которой принял участие, кстати, и учитель Блие — Луи Жюве, а также «День начинается» («Le jour se lève», 1939) с Жаном Габеном в главной роли. Именно в этих кинофильмах, как нам представляется, и был сформирован образ «типичного француза», отличающегося в своих когнитивно-поведенческих ориентациях неким идейно-мировоззренческим балансом, что предполагало равную удаленность как от косного замыкания в каком-то «футляре», так и от энтропии, необузданной стихии эмпирического становления. Как справедливо отмечает И. Марголина, «герои Блие року безразличны, зритель у него всегда один — он сам, другие его в упор не видят. И Блие обращает взгляд к самому себе, к собственному одиночеству, миром не принятому и миром не замеченному. Ненужному, тихому, периферийному. Так Блие работает с замиранием реакции, когда триада “страдание — отрешенность — трагедия” отрывается от конкретного действия, когда забыт, исчезает партнер, на которого взгляд

обращен. Глаза Блие превращаются в две планеты на лице, лишенном всякого выражения, планеты на фоне бесконечной пустоты. И это вторая точка невозврата — пустота» [2].

Действительно, персонажи Блие — Проспер Трибо в «Северном отеле» и Гастон в «День начинается» словно обладают органичным иммунитетом и невосприимчивостью по отношению ко все более накаляющейся атмосфере духовного напряжения, когда остальные герои ведут борьбу с терзающим их экзистенциальным страхом, связанным с ощущением бессмысленности и пустоты жизни, представляющей собой лишь обман и разочарование. Неудачная попытка совершить самоубийство двух молодых людей, пришедших к отрицанию воли к жизни, духовное омертвение бывшего вора, познающего всю тщетность социальных перевоплощений и внешних личин, не спасающих его от призраков прошлого, а, наоборот, только изъясняющих настоящее мрачное существование, наконец, почти шекспировская рефлексия — внутренний монолог, произносимый Франсуа (героем Габена) после устранения развратного филистера Валентина — все это как бы проходит мимо персонажей Бернара Блие, поражающих своей непосредственной невозмутимостью, исполняющих заурядный социальный долг (простого товарища, оценивавшего лишь физическую выносливость его сослуживца, почтальона и по совместительству донора, гордящегося, что он отдает свою кровь тем, кто в ней не только не нуждается, но, напротив, стремится избавиться от бремени жизни).

В дальнейшем этот образ «маленького человека», или, что более благозвучно и точно отражает его суть, «человека повседневности», но, конечно, в разных дискурсивных модификациях, демонстрирующего свое примирение со сложившимся положением вещей, Б. Блие развивает и в более поздних кинокартинах, таких как «Манеж» («Manèges», 1950) с Симоной Синьоре, «Я был им три раза» («Je l'ai été trois fois», 1952), «Когда вмешивается женщина» («Quand la femme s'en mêle», 1957), «Ранним утром» («Les petits matins», 1962), «Суп» с Анни Жирардо («La bonne soupe», 1964), «Великолепный рогоносец» («Il magnifique cornuto», 1964).

Все эти фильмы в целом объединяет гинекократическая тема, когда герой Б. Блие и его спутники прямо или косвенно становятся объектами манипуляции со стороны порочных представительниц женского пола, рассматривающих мужчин исключительно как марионеток — источников материального обеспечения и гарантов социального статуса, необходимого для внешнего прикрытия духовного убожества и бесформенности. Так, в фильме «Я был им три раза» персонаж Блие, месье Анри Вердье, полностью капитулирует перед обманом со стороны жены и ее любовника-актера, легко нейтрализующего гнев мужа с помощью внушения ему необходимости стоически принять все как неизбежную данность от имени служителя культа — кардинала, в костюме которого он переоделся; в фильме с Анни Жирардо («Суп») герой Б. Блие также терпит экзистенциальное фиаско, будучи поставленным в замешательство циничным саморазоблачением мадам Поль по поводу фиктивности всех чувств, являвшихся не более чем коварным притворством, проявившимся в том, что она моментально избавилась от него после того, как получила в собственность целое бистро. Все это наконец-то позволило мадам Поль навсегда обеспечить себе «тарелку супа», что стало долгожданной кульминацией последовательного

расширения масштабов гинекократического паразитизма, вдохновленного заветами ее матери.

Не исключением из этого ряда является и картина режиссера Ива Аллегре «Когда вмешивается женщина», в которой Б. Блие исполнил роль месье Феликса — робкого и нерешительного почтового работника, не растерявшегося при появившейся возможности попросить гангстера, нового спутника его бывшей жены, помочь отомстить за смерть своей подруги. В результате многочисленных трагикомических перипетий цель оказывается достигнутой, а Феликс, не обращая внимания на все неприятности, которые доставило «преступной компании» решение этого дела, с безмятежной улыбкой прощается со всеми действующими лицами и уезжает к себе в пригород.

Наконец, в фильме «Ранним утром» Блие, несомненно, запомнился в роли месье Рэмо, одного из попутчиков молодой особы, путешествующей на Лазурный берег, который подвозит ее на уже ставшем национальным брендом Франции в сфере автомобильной промышленности «двухлошадном» Ситроене 2CV, выпускавшемся с 1948 по 1990 г., пользовавшемся огромной популярностью не только за технические параметры «эконом-класса», но и за то, что стал символом внутреннего мира и консервативности Пятой республики, призывавшей своих граждан к благоразумию и умеренности во всем, в том числе и в материальных приобретениях.

Таким образом, мы получаем возможность убедиться в том, насколько многогранным может быть даже такой, казалось бы, второстепенный и проходящий образ. Однако перевоплощения в «маленького человека» в театре и кино стали своеобразным трамплином для дальнейшего раскрытия таланта Бернара Блие, продемонстрировавшего уже в фильмах 1940—50-х гг. способность к профессиональной конвертации в режиме реального театрального действия в героико-драматическое амплуа. Яркими примерами феномена экзистенциальной аналогии (восхождения) в образе стали кинокартины «Набережная Орфевр» («Quai des Orfèvres», 1947) и «Манеж» (1950).

Так, в первой ленте, снятой режиссером Анри-Жоржем Клузо, Блие исполнил роль, фактически близкую персонажу Ж. Габена в ранее упомянутом «День начинается»: здесь перед нами предстает воинственный защитник чести своей жены — танцовщицы из театра-варьете — от посягательств со стороны старого развратника Бриньона, который завлекает к себе молодых девушек, ловко играя на их слабостях — стремлении сделать головокружительную карьеру в киноиндустрии благодаря надежному протекторату. Морис, администратор того же варьете (Блие), не желая терпеть эти закулисные интриги против своей подруги, сначала в резкой форме угрожает Бриньону расправой, а затем решается на его физическое устранение. Однако трагическому исходу манифестации аффектов не суждено было сбыться: в это время Бриньона убивают грабители, а Морис, как и его жена, по очереди побывавшие на месте преступления, оказываются в «духовной клетке» — эклектично-антонимичного сочетания чувств облегчения, взаимного подозрения и осуждения и одновременно искреннего стремления защитить друг друга, доходящего до такой степени, что они невольно содействуют настоящим преступникам, предоставляя ложные показания и вводя в заблуждение полицию, что придает пикантную насыщенность всей этой драматической интриге.

Такое же экзистенциальное перерождение претерпевает и герой Блие — Робер — в фильме «Манеж». На наших глазах внешне кажущийся инфантильно доверчивым человеком Робер находит в себе мужество преодолеть чрезмерную доброту и малодушие. Автомобильная катастрофа, в ходе которой его жена оказывается навсегда парализованной, прикованной к больничной койке, становится именно тем жизненно необходимым потрясением, после которого наступает словно некое пробуждение ото сна романтических иллюзий, за покровом которых скрывается фальшь, лицемерие, циничный расчет двух женщин-злодеек, надругавшихся над чувствами Робера и признающихся в этом лишь только после сурового возмездия, сопряженного со страхом лишиться источника дохода.

В считанные минуты Робер словно становится другим человеком, преисполненным чувством собственного достоинства. Он покидает «поле битвы» с гордо поднятой головой человека прозревшего, заявляя двум особям женского пола — жене и ее матери (в исполнении двух звезд французской сцены — Симоны Синьоре и Жаны Маркен) об их ничтожности и обреченности за эти козни на вечные страдания. «К тебе больше не подойдет ни один мужчина, ни один, даже я», — говорит Робер, и это звучит как судебный приговор, смертельный удар гинекократическому спруту. Эти работы в кино, а также уже достаточно солидный фильмографический задел предшествующего периода, конца 1930-х — середины 1940-х гг., когда Б. Блие себя зарекомендовал как молодой и перспективный актер-профессионал, отличающийся фактурной внешностью, с течением времени приобретающей еще более выразительную рельефность, привлекли внимание режиссеров, оценивших уже описанные драматические дарования.

Со второй половины 1940-х гг. и вплоть до конца 1980-х гг. ведущими жанрами, в которых оказывается задействованным Б. Блие, становятся военно-уголовная и социально-историческая драма. Ему поручаются важные с точки зрения художественной композиции роли полицейских комиссаров, руководителей спецслужб, ветеранов-героев Сопротивления, чиновников разного уровня. Самыми значительными кинокартинами из первой категории, на наш взгляд, являются следующие: «Перед потопом» («Avant le déluge», 1954), «Черное досье» («Le dossier noir», 1955), «Поворот дверной ручки» («Retour de manivelle», 1957), «Мари-Октябрь» («Marie-October», 1959), «Убийца» («Le tueur», 1971), «Чужой кровью» («Par le sang des autres», 1974), «Труп моего врага» («Le corps de mon ennemi», 1976), «Золотая ночь» («Nuit d'or», 1976), «Черная серия» («Série noire», 1979); вторая категория — это аутентичные экранизации или талантливо концептуализированные с перенесением действия в другое временное и социокультурное измерение картины, снятые по мотивам русской и зарубежной классики — произведений Ф. М. Достоевского, В. Гюго, А. Камю, или свободная художественная историческая ретроспектива. К ним относятся: «Преступление и наказание» («Crime et châtiment», 1956), «Отверженные» («Les misérables», 1958), «Игрок» («Le joueur», 1958), «От человека к людям» («D'homme à hommes», 1948), «Жерминаль» («Germinal», 1963), «Товарищи» («I compagni», 1963), «Бесы» («Les possédés», 1987).

Так, фильм «Перед потопом» представляет собой криминальную драму с достаточно мрачным исходом, в которой Блие исполнил роль отца семейства Марселя Нобле, никак не ожидавшего, к каким трагическим результатам приведут распространяемые им, а также другими родителями панические

опасения по поводу якобы скорого перерастания начавшейся в 1950 г. корейской войны в третью мировую. Впечатлительные молодые люди принимают это всерьез и, чтобы успеть перед неминуемым «апокалипсисом» насладиться жизнью на «райском острове», с целью добычи средств идут на ограбление, а затем совершают и несколько убийств, в том числе жестокое умерщвление своего товарища, который оказывается утопленным в ванне только за то, что рассматривался ими как «политически неблагонадежный элемент», потенциальный предатель-сионист. В конце картины эффектным зрелищем становится сцена суда, на котором в качестве обвиняемых, только разве что не возводимых на скамью подсудимых, предстают и родители. Марсель Нобле (Б. Блие), преисполненный горя, недоумения, отчаяния от осознания своей доли ответственности за нагнетание этого «военного психоза» и в то же время не утративший надежды на снисхождение к его дочери, являющейся соучастницей преступлений, с похоронным видом присутствует на процессе.

Другой великолепной психолого-драматической ролью Б. Блие стал созданный им персонаж — бывший участник группы Сопротивления, а после войны, в мирное время, адвокат Жюльен Симоне в кинофильме режиссера Ж. Дювивье «Мари-Октябрь». Это, пожалуй, один из лучших так называемых ансамблевых фильмов середины 1950-х гг., в котором приняли участие мэтры французского кинематографа 1930—1980-х гг.: Лино Вентура, Робер Дальбан, Поль Франкер, Серж Реджани, Ноэль Роквер, Поль Мерисс, Поль Гер, Даниель (Жак) Ивернель, но самое главное — ныне еще здравствующая блистательная Даниель Дарье (р. в 1917 г.) и другие.

В доме Мари Дюмолен, ранее носившей подпольное прозвище Мари-Октябрь, собирается вся команда товарищей по оружию, борцов за независимость Франции, с конкретной целью — выяснить, кто 15 лет назад, в 1944 г., выдал их группу гестапо и убил лидера — Кастиля. Режиссером превосходно сконструирована обстановка эскалации психологического напряжения, перерастания восприятия встречи как памятно-ностальгического вечера в мучительную коллективную рефлексию-самокритику, добровольно-принудительно организованное следствие с перекрестным допросом, в котором каждый выступает одновременно и обвинителем, и потенциальным «чуждым элементом», врагом, если убедительно не докажет свою непричастность к предательству.

Все эмоциональные оттенки, начиная от активной самозащиты, негодования даже от одной мысли, допускающей его возможное причастие к этому позорному делу, и до праведно-испепеляющего взора и нескрываемого презрения к разоблаченному бывшему товарищу — все это отразилось в богатейшей мимике Б. Блие, превосходно изобразившего стремительные экзистенциальные метаморфозы, неизгладимым образом повлиявшие на внешний, физиономический облик человека, искренне потрясенного этим выявленным фактом морального двурушничества.

Непривычно brutальные образы Б. Блие удалось создать и в остальных названных картинах. Это роль уверенного в эффективности своих методов дознания комиссара Плантави в фильме режиссера Дени де Ля Пателльера «Поворот дверной ручки», в котором он расследует запутанное дело о самоубийстве, замаскированном под убийство, с целью получения страховки по завещанию. Далее из фильмографии 1970-х гг. можно вспомнить про яркие криминальные драмы, такие как «Убийца» (1971) и «Чужой кровью» (1974), в которых раскрывается тема противостояния двух антагонистических миров,

экзистенциальных измерений — тех, кто находится вне закона, психически неуравновешенных преступников-рецидивистов, и преданных борцов за порядок и справедливость, мужественно отражающих все изощренные атаки темных сил уголовного мира.

В первом фильме Б. Блие исполнил роль начальника секретной службы в тандеме с комиссаром полиции Гуеном (Жан Габен), во втором — мэр города (Б. Блие) на глазах у всех прекращает криминальную энтропию и либерально-гуманистические колебания остальных участников драмы и собственноручно расправляется с безумным террористом — стреляет в него из дувствольного ружья, что воспринимается как справедливое и заслуженное возмездие. Под пафосно-меланхолические гармонии композитора Франсиса Лэя мэр удаляется с «поля битвы» как герой-победитель, избавивший общество от чуждого элемента, настолько ничтожного, что не заслуживает даже публичной казни — гильотины.

Кинофильмы, снятые по мотивам русской и зарубежной классики, и социально-исторические драмы вряд ли нуждаются в специальных комментариях в плане разбора сюжетов, которые не теряют авторской идейной направленности даже при творческих интерпретациях. Однако поскольку предметом нашего исследования являются в первую очередь визуальные типажи, образы, то невозможно не остановиться на блестящем исполнении Б. Блие роли инспектора Жувера в одноименной экранизации романа В. Гюго «Отверженные», а также Антуана Монестье — образа-аналога А. Свидригайлова, героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», действие которого переносится во Францию 50-х гг. XX в. Как нам представляется, портрет мелкобуржуазного развратного дельца-антиквара, упивающегося своими легкими победами над душами и телами молодых девушек, живущего по простой «формуле» — «порядочность означает быть гнусным без жульничания» — превосходно воссоздан Блие, максимально с учетом специфики своей фактуры приблизившись к аутентичному литературному прототипу, сочетающему фальшивую доброту и услужливость с низменными помыслами, прочитывающимися в каждом жесте этого человека: «Глаза были как-то слишком голубые, а взгляд их как-то слишком тяжел и неподвижен. Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице» [4]. Впоследствии, уже на закате кинокарьеры и жизненного пути, Б. Блие снялся в совместном французско-польском проекте — экранизации еще одного произведения Ф. М. Достоевского — «Бесы» (1987, режиссер Анджей Вайда).

Во всех этих кинематографических работах Блие продемонстрировал настоящую виртуозность профессионала широкого спектра, способного к мгновенным мимико-жестикуляционным вариациям, подчеркивающим богатство и противоречивость внутреннего мира создаваемого им образа, который нельзя охарактеризовать однозначно ни положительно, ни отрицательно. Все это стало закономерным следствием эволюции амплуа «человека повседневности», которое нашло свое применение и в комедийном жанре. С конца 1950-х гг. и вплоть до конца 1980-х гг. Бернар Блие становится чрезвычайно востребован как ведущий актер номинально «второго плана», но в композиционно-концептуальном фокусе являющийся отнюдь не проходной фигурой, а, напротив, персонажем, генерирующим свою систему координат, с которой вынуждены были считаться остальные участники «игрового поля» театрально-кинематографической сцены.

Настоящим призванием Блие становятся в силу уже выше озвученной специфики его личностных качеств криминальные комедии. Среди лучших фильмов 1960—1980-х гг. можно отметить кинокартины: «Месть простофиль» («Le Cave se rebiffe», 1961) режиссера Ж. Гранжье, в которой Блие исполнил роль мелкого мошенника, бывшего владельца дома терпимости, мечтающего получить большой куш с помощью изготовления фальшивых денег, эксплуатируя чужие таланты и знания; «Дядюшки-гангстеры» («Les tontons flingueurs», 1963), «Барбузы — секретные агенты» («Les Barbouzes», 1964), «Ресторан господина Септима» («Le grand restaurant», 1966), «Она не пьет, не курит, не клеит парней, но она... болтает» («Elle boit pas, elle fume pas, elle drague pas, mais... elle cause!», 1969), «Пусть звучит этот вальс» («Laisse aller... c'est une valse», 1971), «Высокий блондин в черном ботинке» («Le grand blond avec une chaussure», 1972), «Двурушник» («Le faux-cul», 1975), два фильма Пьера Ришара — «Рассеянный» («Le distrait», 1970) и «Я ничего не знаю, но скажу все» («Je sais rien, mais je dirai tout», 1973), «Целую, до понедельника» («Bons baisers... à lundi», 1974), наконец, из поздних фильмов — «Твист снова в Москве» («Twist again à Moscou», 1986). Это очередная пародия, иногда перерастающая в откровенный и даже неумеренный гротеск на деятельность спецслужб — разведывательных управлений и их многочисленных агентов, готовых пойти на самые искусные и невероятные по степени оригинальности и эпатажности ухищрения, перевоплощения для успешной «оперативной разработки» личности, становящейся объектом наблюдения. Этой же тематике посвящены кинокартины режиссеров Жоржа Лотнера — «Дядюшки-гангстеры», «Барбузы — секретные агенты», Ива Робера — «Высокий блондин в черном ботинке», а также Роже Анена — «Двурушник» с участием Бернара Блие.

Важно отметить, что последнему было уготовано стать не только одним из самых популярных актеров Франции эпохи «славного тридцатилетия» (середины 1940-х — середины 1970-х гг.), но и мэтром другой страны-участницы объединенного кинематографического альянса — «Gaumont international» — Италии. Начиная с конца 1950-х и до конца 1980-х гг. Блие снялся в более чем 20 фильмах известнейших итальянских режиссеров, таких как Луиджи Дзампа, Марио Моничелли, Этторе Скола, Энрико Олдоини, Антонио Пьетраджели, Луиджи Коменчини, Дино Ризи и других, его партнерами по съемочной площадке выступали не менее известные мэтры итальянского киноискусства — Витторио Гассман, Альберто Сорди, Марчелло Мastroяни, Паоло Вилладжо, Нино Манфреди, Уго Тоньяцци.

Среди лучших работ Блие и созданных им ярких, запоминающихся образов можно назвать следующие кинокартины: «Большая война» («La grande guerra», 1959), «Великолепный рогоносец» (1964), «Вопрос чести» («Una questione d'onore», 1966) с Уго Тоньяцци, в сатирическом ключе раскрывающие коллизии, обусловленные криминально-патриархальными нравами, царящими на Сардинии; далее — это великолепная экзистенциальная драма, снятая по мотивам романа А. Камю режиссером Лукино Висконти «Посторонний» («Lo straniero», 1967), в которой Блие исполнил роль адвоката из консульства, назначенного французу Артуру Мерсо (Марчелло Мastroяни), убившего в порыве психоневротического аффекта араба в Алжире и осужденного на смертную казнь не столько за убийство, рассматриваемое лишь как один эмпирический эпизод, сколько якобы за патологическую черствость, аморальное безразличие и равнодушие, продемонстрированные

им во время похорон матери, что было расценено как явный признак медленно пробуждающейся и раскрывающейся «преступной натуры» хладнокровного мизантропа, не способного ни к каким положительным эмоциям.

Из поздних картин 1980-х гг. заслуживают внимания: «Вернись, Эудженио» («Voltati Eugenio», 1980) режиссера Луиджи Коменчини, «Очередь» («Il turno», 1981) Т. Черви, «Любовная страсть» («Passione d'amore», 1981) Этторе Сколы, «Безумец на войне» («Scemo di guerra», 1985) Д. Ризи, «Под китайским рестораном» («Sotto il ristorante cinese», 1987) Бруно Боццетто, «Мошенники и мы» («I ricari», 1987) М. Моничелли. За роль душевнобольного, но забавного пожилого человека, пребывающего в собственной системе мировоззренческих координат (здесь Блие вновь вернулся, но в оригинальном концептуальном фокусе к амплу «маленького человека», не восприимчивого ко всему масштабу экзистенциальных страстей) — дяди Гуго в комедии Марио Моничелли «Надеемся, что будет девочка» («Speriamo che sia femmina», 1986) Б. Блие был удостоен премии «Давид Донателло», а в 1989 г. — почетной премии «Сезар» за творчество в целом.

Отдельно следует упомянуть про картины постмодернистской, сюрреалистической направленности, в которых тема протеста против буржуазного «общества потребления», заурядности, ханжества, мелочного морализма перерастает в другую крайность — откровенный эпатаж, авантюризм, лицедейство и псевдодеятельность, напоминающую театр абсурда. Именно в таком ключе построены эксцентрические комедии в нескольких частях Марио Моничелли, Пьетро Джерми «Мои друзья» («Amici miei», 1975) и «Мои друзья — 3» («Amici miei — Atto III»), снятой режиссером Нанни Лойем в 1985 г., в которых Блие создал уже знакомый образ доверчивого старика, становящегося объектом для во многом черного юмора, экстравагантных и порой жестоких розыгрышей со стороны компании «друзей» в исполнении Уго Тоньяцци, Гастоне Москина, Адольфо Чели, Филиппа Нуаре и других.

Приверженцем кинематографического стиля «новой волны», восходящего в своих парадигмальных ориентациях к левой идеологии, стал сын Бернара Блие — *Бертран Блие*, снявший ряд фильмов, в которых принял участие и его знаменитый отец вместе с мэтрами французского кинематографа — Жаном Рошфором, Жаном Карме, Жаном-Пьером Марье́лем, Жераром Депардьё, Клодом Пье́плю: «Покой» («Calmos», 1975), «Холодные закуски» («Buffet froid», 1979), в которых Бернар Блие в первом случае выступил в составе «протестной команды», объявившей войну всем общепринятым ценностям, а во втором — исполнил роль полицейского инспектора Морвандье, втянутого в общий фарс, связанный с событийной энтропией — чередой психоделических случайностей, совпадений, из которых выстраивается иррациональная цепь накладывающихся друг на друга сюжетных линий.

Самым ярким и колоритным из числа последних работ Б. Блие стал фильм режиссера Э. Олдоини «На всю катушку» («Una botta di vita», 1988), снятый за год до смерти актера и ставший, по существу, квинтэссенцией его жизненного кредо, заключающегося в непрерывной органичной актуализации личности, что означало для Б. Блие подлинное «бытие в действии» [9, с. 45] вопреки всем преградам — возрасту, здоровью, житейским проблемам повседневности: как мы знаем из его биографии, даже экстремальные условия — военная мобилизация в пехотный отряд в 1940 г., австрийский лагерь

для военнопленных, после пребывания в котором Блие похудел на 27 кг, не сломили в нем силу духа, непреодолимую тягу к служению искусству кино. Вернувшись из плена, Блие без промедления включается в работу с таким ритмом, который он поддерживал до последней минуты своей жизни.

Аналогичную выдержку он показывает и в этой кинокартине. В блестящем дуэте с Альберто Сорди Б. Блие недвусмысленно продемонстрировал свое отношение к старости, разрушительное влияние которой начинает сказываться только тогда, когда наблюдается психологическое соответствие между возрастом физиологическим и духовным. Этого «рокового баланса» всеми силами старались избежать герои Блие и Сорди — немолодые уже синьоры Мондардини и Баттистини, решившие вырваться из оцепеняющей атмосферы провинциальной обыденности, «тряхнуть стариной», организовав автомобильное турне к побережью, во время которого соревнуются в обаятельности перед женщинами, принимают участие в вечеринках и разного рода развлекательных мероприятиях. При этом синьор Мондардини своим культурным этосом, проявляющимся в тактичности, воспитанности, благоразумии, искренности, намерений и побуждений, скромности, и прочими достоинствами заметно выделяется на фоне своего нового знакомого-компаньона Баттистини — старого филистера, не стесняющегося хвастаться своими несуществующими военными подвигами, в ходе которых он якобы потерял ногу, и позволяющего себе держаться слишком непринужденно там, где это совершенно неуместно, не имеющего представления о пунктуальности и такте, удивляя своей прямолинейностью типичного простолюдина, выводящего из себя даже такого терпеливого интеллигента, как Мондардини.

Последняя картина «Паганини» («Paganini», 1989), вышедшая на экраны незадолго до смерти актера (29 марта 1989 г.), — это весьма оригинальная интерпретация истории жизни и творчества великого композитора Паганини, созданная режиссером Клаусом Кински. Блие исполнил роль отца Каффарели. В этом финальном «аккорде» прочитывается трагический символизм: умирающий от неизлечимого недуга (рак) актер в последнем шедевре со своим участием принимает «священный» сан.

В целом, завершая реконструкцию историко-психологического портрета выдающегося актера Франции периода расцвета Пятой республики Бернара Блие, важно еще раз обратить внимание на те фундаментальные качества, которые присущи не только ему, но и многим представителям кинематографической элиты той эпохи, а именно: скромность, достоинство и честь. Эти качества, не сравнимые с притворным лицедейством, искусственными эмоциями филистеров на сцене, воплощающих свою собственную обывательскую сущность, иногда разбавляемую не менее неестественными судорожно-конвульсивными ужимками — неотъемлемой составляющей современной левацко-постмодернистской режиссуры, актеры сохраняли, даже участвуя в коммерческих проектах.

«Старая гвардия» независимо от индивидуального амплуа, жанровой принадлежности проектов, уровня участия (первый, второй план и т. д.) выступала как органичная корпорация, представителей которой можно считать подлинной *театрально-кинематографической интеллигенцией*, существующей как *трансцендентальная общность*, единение которой проистекает из служения наднациональным и надындивидуальным принципам, имеющим высшее узаконение и включающим в себя идейную и поведенческую дисциплину — стиль и образ жизни; благородный дух — мужество,

героический менталитет, отторгающий любые чужеродные влияния, в первую очередь субъективно-индивидуалистические; взвешенность и автономную интеллектуальную пронизательность, перерастающую в осознанную позицию служения истине, обладающей единым, универсальным, интегральным характером; равнодушие и разумную дистанцию ко всему внешнему, преходящему, количественному [7, 8]. Таким подлинным интеллигентом, признанным мэтром французского кинематографа был и Бернар Блие.

Библиографический список

1. *Аристарко Г.* История теорий кино / пер. с итал. Г. Богемского. М. : Искусство, 1966. 356 с.
2. *Марголина И.* Бернар Блие: не герой // Сеанс. 2016. 26 янв. URL: <http://seance.ru/blog/bernard-blier-portrait/> (дата обращения: 14.04.2016).
3. *Садуть Ж.* Всеобщая история кино : в 6 т. Т. 6 : Кино в период войны / под ред. С. И. Юткевича. М. : Искусство, 1963. 469 с.
4. Свидригайлов Аркадий Иванович. Литературный портрет. URL: http://www.fedorostoevsky.ru/works/characters/Svidrigailov_A_I/ (дата обращения: 10.03.2016).
5. *Юдин К. А.* Западноевропейская консервативная политическая традиция в зеркале французского кинематографа эпохи голлизма (1959—1969 гг.) // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1—2 (5—6). С. 80—83.
6. *Юдин К. А.* Луи де Фюнес и кинематограф Франции эпохи «славного тридцатилетия» : от Шарля де Голля до Франсуа Миттерана : опыт историко-философского анализа // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 3 (15). С. 64—77.
7. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* «Интеллигенция» и «интеллектуалы»: историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 108—120.
8. *Юдин К. А., Бандурин М. А.* Интеллигенция как социально-интеллектуальная сила: идейно-теоретическая топография. История и современность // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2. С. 56—66.
9. *Эвола Ю.* «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб. : Наука, 2005. 192 с.

АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЗЕМСТВА КРЕСТЬЯНСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ В НАЧАЛЕ XX в. (На примере Владимирской и Костромской губерний)

Статья посвящена деятельности губернских и уездных земств Владимирской и Костромской губерний по развитию крестьянского хозяйства. Автор рассматривает работу агрономов и других земских служащих, оказывавших помощь крестьянам — общинникам и единоличникам. Анализируются такие направления, как внедрение удобрений и кормовых трав в севооборот, устройство сельскохозяйственных складов, организация специальных курсов и лекций, распространение сельскохозяйственной литературы в деревне.

Ключевые слова: земство, крестьянское хозяйство, агрономия, сельскохозяйственная техника, сельскохозяйственные склады, минеральные удобрения, животноводство, кормовые травы.

The article is devoted to the activities of provincial and district zemstvo of Vladimir and Kostroma guberniyas in farm development. The author examines the work of agronomists and other zemstvo employees, assisting peasants' communities and individual farmers. The author analyses such issues as the introduction of fertilizers and forage grasses in crop rotation, agricultural warehouses device, organization of special courses and lectures, distribution of agricultural literature in the village.

Key words: zemstvo, peasants' farms, agriculture, agricultural engineering, agricultural warehouses, chemical fertilizers, livestock, forage grasses.

В результате Земской реформы 1864 г. в российской провинции были созданы совершенно новые для нашей страны органы местного самоуправления — земские собрания и земские управы. Эти структуры имели всесословный характер, в них принимали участие, пользуясь активным и пассивным избирательным правом, как привилегированные сословия, так и непривилегированные, в том числе крестьяне, которые еще за три года до этого преобразования находились в полурабском состоянии. Разумеется, главную роль в земствах играл наиболее образованный слой населения, принадлежавший к благородному сословию, особой активностью отличались дворяне с прогрессивными взглядами. Именно они часто председательствовали в губернских и уездных собраниях, являлись членами управ.

Положение о земских учреждениях предусматривало, что функции органов местного самоуправления делились на обязательные и необязательные. К первым относилось строительство и содержание путей сообщения (дорог и мостов), участие в финансировании некоторых местных государственных учреждений. Однако земства увидели свою главную миссию в исполнении функций, являвшихся для них факультативными, — в строительстве и содержании школ, библиотек, больниц и других социально-культурных учреждений.

Многие земцы были убеждены в том, что при повышении грамотности крестьян и снижении уровня их заболеваемости материальное благосостояние сельских жителей будет расти: грамотные и здоровые крестьяне станут более интенсивно заниматься своим хозяйством и возросшая отдача сделает их более зажиточными. К концу XIX столетия успехи земства в ликвидации неграмотности были налицо, также благодаря усилиям земского медицинского персонала выросла продолжительность жизни крестьян, сократилась заболеваемость и детская смертность. Но эти положительные сдвиги не соответствовали ожиданиям земцев и не оказали прямого воздействия на доходы крестьянских хозяйств. Несмотря на повышение образовательного уровня, менталитет сельских жителей продолжал оставаться консервативным, они были мало восприимчивыми к тем новшествам, которые в это время появлялись в сельскохозяйственном производстве и уже применялись в некоторых помещичьих имениях. Местные общественники поняли, что необходимо целенаправленно подталкивать крестьян к изменениям в агротехнике, действовать на них конкретными примерами, предоставлять по мере надобности те или иные льготы.

Для того чтобы понять сущность изменений, которые начали происходить при содействии земцев в крестьянском хозяйстве в начале XX в., необходимо кратко охарактеризовать состояние среднестатистического крестьянского хозяйства на рубеже позапрошлого и прошлого столетий. Почвы в изучаемой нами нечерноземной полосе были неплодородными — супесчаными, суглинистыми, подзолистыми. Большинство сельских жителей продолжали практиковать на них трехпольную систему — традиционный севооборот, который достался им в наследство от глубокого средневековья. Техника для обработки земли также была примитивной: изготовленные из дерева соха и борона, цепы, косы, серпы и т. п. Основной тягловой силой оставались крестьянские лошади. У бедняков и середняков они в большинстве своем были низкорослыми и малосильными, что было следствием беспорядности и плохой кормовой базы.

Естественно, что находившееся в таком положении крестьянское хозяйство не могло отвечать требованиям рыночной экономики, которая в пореформенное время входила в хозяйственную жизнь не только городской, но и деревенской России. Необходимо было максимально быстро переходить от натурального хозяйства — к производившему продукцию на рынок. При этом надо учесть, что крестьянам все больше денег требовалось для уплаты государственных и местных налогов, а также выкупных платежей. Для получения денежных средств перед ними открывались два пути. Первый — отправляться на фабрику на заработки, второй — интенсифицировать свое хозяйство в деревне. Сельчан, предпочитавших первый путь, во Владимирской и Костромской губерниях было немало, так как это были индустриальные регионы, в которых издавна развивалась текстильная промышленность. Однако в деревне не меньше было крестьян, которые не планировали уходить в город, а старались в меру разумения и возможностей сделать более производительным свое хозяйство. Именно таким селянам и была адресована агрономическая помощь земских органов, которую они начали оказывать на рубеже XIX—XX вв.

Для эффективного содействия крестьянскому хозяйству необходимо было привлечь к этому квалифицированных специалистов, в частности агрономов со специальным средним или высшим образованием. С появлением

в штатном расписании органов местного самоуправления таких специалистов возник феномен, получивший название «агрономическая организация».

В Костромской губернии создание такой структуры началось в 1903 г., когда губернское земское собрание постановило пригласить на работу во все уезды лиц с высшим агрономическим образованием. В связи с тем что бюджет губернского земства был не безразмерным, решили ежегодно обеспечивать такими специалистами по три уезда. В 1904 г. они появились в Кинешемском, Макарьевском и Ветлужском уездах, в 1905 г. к ним прибавились Костромской, Кологривский и Галичский. Затем из-за бюджетного дефицита в этом процессе наступил трехлетний перерыв, а в 1908 г. были приглашены агрономы еще в Юрьевецкий, Нерехтский и Варнавинский уезды [1, с. 24].

Задачи работы земских агрономов удачно и емко сформулировал выдающийся русский экономист Н. Д. Кондратьев, который в 1915 г. выпустил книгу, посвященную деятельности Кинешемского земства. Он отмечал: «Агрономы должны бороться с косностью крестьянского населения в области сельского хозяйства и прививать более совершенные приемы ведения его; они должны стремиться к развитию с<ельско>хозяйственных знаний населения, способствовать установлению наилучшего землепользования и развитию кооперативов» [13, с. 363].

В отличие от Костромской губернии, где инициатором создания агрономической организации выступило губернское земство, во Владимирской губернии почин исходил снизу и почти на десятилетие раньше. В Шуйском земстве агроном начал работать еще в 1896 г., в 1901—1902 гг. эти должности были учреждены еще в нескольких уездах, в том числе в Судогодском. В 1903 г. Александровское, Вязниковское, Муромское и Меленковское земства также присоединились к этому процессу [14, с. 3—4, 6, 20].

Довольно скоро практика показала, что одного агронома на уезд (который тогда был в два-три раза больше современного муниципального района) явно недостаточно. Поэтому в штатном расписании уездных земств появились участковые агрономы. Здесь напрашивается совершенно однозначная аналогия: как в земской медицине почти с самого начала ее функционирования существовали участки, во главе каждого из которых стоял врач, так и в агрономии уезды стали делиться на такие же территориальные единицы.

В Костромской губернии только в далеком Чухломском уезде участок был один, его возглавлял уездный агроном. В Юрьевецком и Нерехтском уездах было по два участка, в Костромском, Кинешемском, Кологривском и Ветлужском — по четыре [2, с. 15]. Шуйский уезд Владимирской губернии был разделен на три участка. Центр первого из них находился в Шуре, сюда входило шесть густонаселенных волостей — Авдотьянская, Ивановская, Кохомская, Елюнинская, Сергеевская и Якиманская. Центрами двух других участков были крупные торгово-промышленные села Тейково и Васильевское [5, с. 127; 7, с. 6].

Финансирование должностных лиц агрономической организации в различных губерниях строилось по-разному. Во Владимирской жалование агрономов выплачивалось из трех источников — из бюджетов губернского и уездного земств, а также из столицы, из Департамента земледелия, входившего в Главное управление землеустройства и земледелия; причем больше всего расходов падало на долю уездного земства [10, с. 56]. В Костромской губернии уездных агрономов полностью содержало губернское земство; половину жалования участковых агрономов платили из пособия, отпускаемого

на губернию Департаментом земледелия (30 600 руб.), другая половина зарплаты финансировалась равными долями из губернского и уездного земских бюджетов (по 15 300 руб. от каждого). Земцы надеялись, что столичные власти по мере расширения сети участков агрономов будут расширять финансовую помощь, но в 1912 г. Департамент земледелия предупредил, что большие по размерам суммы он дать не может, так как Министерство финансов отпуск денег ограничило [1, с. 25; 2, с. 15—16]. Назревала Первая мировая война — очень значительные средства приходилось тратить на укрепление обороноспособности государства.

Далеко не везде земские гласные с энтузиазмом одобряли финансирование этой новой для земства сферы деятельности. В Вязниковском уезде депутаты собрания сначала несколько лет сопротивлялись и не хотели отпускать средства на наем агронома. Наконец в 1903 г. работникам земской управы все же удалось убедить гласных, и Вязниковское земство последовало примеру своих соседей [12, с. 52, 116—118].

Агрономы занимались развитием не только крестьянского полеводства, но и животноводства. В земской практике еще не было специалистов, которые именуется сейчас зоотехниками, поэтому в тот период агроном представлял собой специалиста весьма широкого профиля. Следует сразу оговориться, что в рамках данной статьи деятельность органов местного самоуправления по развитию крестьянского животноводства не рассматривается, так как это земское поприще, как нам представляется, может стать темой отдельного исследования.

Перед началом хозяйственного года каждый земский агроном составлял развернутый и предметный план своей деятельности. Этот документ направлялся как в губернское, так и в соответствующее уездное земство для утверждения. Со своей стороны местные управы регулярно давали агрономам те или иные поручения на основании решений ежегодных собраний. Доклады о проделанной за год работе поступали от специалистов также в органы местного самоуправления уездного и губернского уровней, они рассматривались на очередных собраниях, проходивших, как правило, осенью, по завершении очередного хозяйственного года. Ежегодно в Костромской губернии издавался сборник таких отчетов, поступивших из различных уездов [1, с. 26—27].

Кроме упомянутых выше должностных лиц, в структуру агрономической организации со временем вошли и специалисты по более узким отраслям сельского хозяйства. В начале XX в. земство стало уделять внимание более эффективному использованию лугов для кошения травы и выпаса скота. В связи с этим в Костромское губернское земство был приглашен через столичный Департамент земледелия специалист по луговодству В. В. Зарецкий. Однако он был не в состоянии заниматься проблемами всей обширной губернии. Поэтому вскоре в помощь ему были выделены четыре инструктора: Попов обслуживал Галичский и Буйский уезды, Соколов — Юрьевецкий, Пучинов — Ветлужский, Кибардин — Кинешемский. Сам В. В. Зарецкий, помимо обязанностей в губернском масштабе, занимался внедрением передовой луговой агротехники в Костромском и Нерехтском уездах. С 1912 г. стали приглашаться на работу в земство мастера по луговодству. В отличие от губернского специалиста и инструкторов, имевших высшее образование, мастера заканчивали только курсы по луговодству и являлись специалистами низшего звена. Обычно они работали в качестве помощников инструкторов

[2, с. 72—73, 118]. В состав земской агрономической организации входили также заведующие и продавцы сельскохозяйственных складов.

На рубеже XIX и XX вв. земства ежегодно проводили губернские съезды врачей, на которых медики выступали с конструктивными просьбами и предложениями по улучшению обслуживания населения. Большинство таких ходатайств земские собрания рано или поздно удовлетворяли. Несколько позже аналогичную форму привлечения «третьего земского элемента» к принятию решений стали практиковать в области агрономии. Так, в Костроме в конце 1907 г. прошел губернский агрономический съезд. Он продолжался больше недели: как видно, у специалистов было что обсудить вместе с работниками губернской земской управы. В Шуйском и некоторых других уездах Владимирской губернии устраивались уездные агрономические совещания. На одном из них, в частности, было принято решение о том, чтобы увеличить число агрономических участков с трех до четырех и открыть такое новое подразделение с центром в городе Иваново-Вознесенске [1, с. 15; 5, с. 314—315].

В нечерноземной полосе, к которой относился регион Верхней Волги (в него обычно включают Владимирскую, Костромскую, Ярославскую и иногда Тверскую губернии) основной отраслью крестьянского хозяйства являлось полеводство. Несмотря на неплодородие земли и невысокие урожаи, именно оно, а не животноводство прежде всего кормило крестьян. Последнее для подавляющего большинства крестьян находилось на втором плане. Лошади и коровы у них были малорослыми, слабосильными и низкопродуктивными; коз, овец и свиней в российской деревне сто лет назад заводили немногие селяне. Это объяснялось не только беспородностью животных, но и крайне слабой кормовой базой. Травы на лугах и паровых полях было немного, ее не хватало для полноценного обеспечения животных зеленым кормом летом и сеном зимой.

Для повышения материального благополучия крестьян земство решило внедрить в крестьянских хозяйствах посевы специальных кормовых трав, которые могли обеспечить сельскохозяйственных животных питательным кормом в стойловый период. Земцы хорошо понимали, что любое насильственное вмешательство извне в налаженный веками алгоритм хозяйственной жизни крестьян было недопустимо. Поэтому органы местного самоуправления действовали постепенно и осторожно, используя сначала «угловое», а потом «правильное» травосеяние. Эти два термина прочно вошли в обиход в начале XX в. Первый из них означал, что крестьяне выделяли под клевер, тимopheевку или другую траву небольшой участок земли («угол»), скажем размером в половину или четверть десятины. Этот посев воспринимался сельскими жителями как экспериментальный. Угловое травосеяние могло продолжаться год, два или три, пока крестьяне не убеждались в его пользе и не переходили к травосеянию правильному. Это означало, что для посева трав выделялось особое поле, которое становилось неотъемлемой частью севооборота. Обычно с переходом к правильному травосеянию практиковавшееся в русской деревне дедовское трехполье уступало место более прогрессивному четырехполью.

Первые попытки посева кормовых трав, предпринятые по инициативе земства, в западной части Шуйского уезда были сделаны в 1903 г. Аналогичные эксперименты в Покровском уезде начались также в 1903 г., когда на угловое травосеяние решились крестьяне одного из селений. В 1904 г. угловые посевы трав здесь практиковались в 2 селениях. В 1906 г. в уезде было уже 2 селения с правильным травосеянием, в 1907 г. — 4 селения

с правильным и 10 — с угловым. Как видно из этих цифр, при рациональной постановке дела передовые технологии все же завоевывали признание крестьян, хотя и не слишком динамично [9, с. 22].

1907 г. оказался решающим в процессе внедрения кормовых трав во многих уездах Костромской губернии. Здесь оно начало вводиться в 1903 г., и за четыре года (1903—1906) правильным травосеянием было охвачено 127 селений. В дальнейшем за один только 1907 г. к нему перешли 108 селений, в которых клевером заняли 2455 десятин — больше, чем за предыдущие четыре года. Наиболее успешно продвигалось внедрение кормовых трав в Костромском уезде, немного отставал от него Кинешемский. На третьем месте со значительным отставанием находился отдаленный Варнавинский уезд [1, 9—11]. К началу Первой мировой войны в числе уездов, дальше других продвинувшихся в развитии травопольной системы, по-прежнему находился Кинешемский. Здесь в 1914 г. уже около 120 селений перешли к правильным посевам кормовых трав, прежде всего — клевера [13, с. 364].

Клевер и тимopheевка стали наиболее распространенными кормовыми травами на крестьянских полях, однако не единственными. Кроме них использовались: вика, лисохвост, ежа, люцерна, люпин синий и желтый, мятлик луговой. Но все они не могли конкурировать по продуктивности и популярности с клевером [10, с. 40].

Для внедрения кормовых трав в крестьянское хозяйство органы местного самоуправления не останавливались перед серьезными финансовыми затратами. С 1903 г. Костромское губернское земство стало отпускать деньги для бесплатной раздачи крестьянам семян клевера и тимopheевки при переходе их к так называемому травопольному обороту. Многократное увеличение расходов на эти цели в связи с распространением травосеяния заставило Костромское губернское земство поставить вопрос об их сокращении в связи с тем, что крестьяне уже привыкли к посевам кормовых трав, в полной мере оценили их выгоду и готовы были купить семена. Особенно наглядно эти результаты были видны в Костромском, Нерехтском и Кинешемском уездах, где земство предложило отпускать семена хотя и за полную стоимость, но в кредит на два года. В Юрьевецком, Кологривском, Варнавинском и Макарьевском уездах решено было выдавать семена в кредит со значительной скидкой в связи с тем, что успехи травосеяния там были несколько скромнее, чем в лидировавшей тройке уездов, упомянутых выше. В Чухломском, Ветлужском, Буйском, Галичском и Солигаличском уездах очень мало селений перешли на новый севооборот, поэтому здесь решили продолжить бесплатную раздачу. Эти меры экономии земских средств объяснялись тем, что их брали на безвозмездный отпуск семян из так называемого продовольственного капитала губернского земства, а к 1907 г. он был в значительной степени исчерпан. Только за счет бесплатной раздачи семян этот фонд уменьшился на 45 тыс. руб. [1, с. 14—16].

Отношение крестьян к бесплатной и льготной раздаче семян было разным в различных губерниях и уездах. Костромские земцы с удовлетворением отмечали, что в Костромском и Нерехтском уездах сельчане «ведут себя сознательно» и вовремя погашают выданные им ссуды. С другой стороны, Покровское уездное земство сетовало на то, что крестьяне неисправны в платежах за выданные в кредит семена. В связи с этим в Покровском уезде земское собрание вынуждено было изменить условия кредитования крестьян натурой. Выдача семян производилась по большей части на правильное, а не на угловое

травосеяние. На угловое выдавали всего по 10 фунтов семян на одно хозяйство и только один раз, на повторный посев трав семена предоставлялись уже за наличные. Исключение делалось для тех, чей прежний посев погиб от неблагоприятных погодных условий или потрав скотом [1, с. 15—16; 9, с. 21—22].

На крестьян больше воздействовали не беседы специалистов по агрономической тематике и не прочтенные ими брошюры, а конкретные факты, причем увиденные ими собственными глазами. Поэтому земские специалисты первоочередное внимание уделяли демонстрации эффективности тех или иных агротехнических новшеств, которые они предлагали. В Покровском уезде несколько волостей отличались низким качеством почв. Некоторые местные жители полностью забрасывали здесь земледелие, занимаясь ремеслами или же отправляясь в отход. Агрономы предложили крестьянам развивать животноводство и сеять для этого кормовые травы. Убеждениям губернского агронома первыми вняли в 1903 г. жители деревни Скородумка, которые получили семена клевера и посеяли их. Урожай его оказался очень богатым, что позволило содержать больше скота. Это, в свою очередь, оказало положительное влияние на развитие земледелия: крестьяне стали вывозить на поля больше навоза, что повлекло за собой повышение урожайности. Крестьяне соседних со Скородумкой селений, наблюдая этот видный невооруженным взглядом прогресс, вскоре последовали примеру предприимчивых участников этого эксперимента [8, с. 31].

Годом позже по инициативе земства был введен правильный севооборот в деревнях Александровка, Елисейково и Жердево того же Покровского уезда. У них уродился не только отличный клевер, но и овес, посеянный на тех же полях после этой кормовой травы. Клевер, снова посеянный после овса, также дал богатый укос, несмотря на неважную суглинистую и супесчаную почву. Под влиянием этих примеров в 1905 г. пожелали перейти к аналогичному севообороту крестьяне соседних деревень Свинцово, Жары, Павликово и Павлово [8, с. 23].

По мере распространения посевов клевера возрастали цены на семенной материал. Кроме того, земства не могли удовлетворить все просьбы крестьян об отпуске семян бесплатно или в кредит, так как финансовые возможности органов местного самоуправления были ограничены, а поприщ деятельности у земства было немало — здравоохранение, просвещение, ремонт дорог и мостов и т. п. Земства решили научить крестьян тому, как самим добывать семена из собранного ими урожая. Например, в Покровском уезде в деревне Александровке в 1908 г. были установлены клеверная терка с трехконным приводом и сортировальная машина. Сюда крестьяне из соседних селений приезжали для того, чтобы протереть свои семена до кондиций, нужных для посева. Крестьяне данной местности на время оказались своего рода монополистами, производя семенной материал не только для себя, они продавали его и в другие волости. Помимо упомянутой выше передовой технологии, некоторые селяне использовали традиционный способ получения семян: головки клевера сначала сушили на печке, а потом толкли в ступке [9, с. 23].

Рассматривая развитие травосеяния в российской деревне, следует особо указать, что оно носило преимущественно *общественный* характер, на что не раз обращали внимание земские органы в своих изданиях. Это означало, что собрание крестьян-общинников своим приговором отводило то или иное поле из фонда общей для всех земли под посев трав, а потом жители по справедливости делили между собой урожай. Кинешемская земская управа

однажды попросила особых привилегий (бесплатная раздача семян, льготный кредит) для крестьян-отрубников, вышедших из общины в ходе столыпинской аграрной реформы. Однако Костромской губернский агрономический съезд отклонил это ходатайство со следующей мотивировкой: данная мера «является совершенно несправедливой по отношению к прочим частным владельцам и крестьянам-общинникам» [1, с. 13, 18—19]. Такую негативную позицию по отношению к крестьянам, вышедшим из общины на отруба и хутора, можно объяснить тем, что некоторые гласные и особенно штатные работники земств стояли на неонароднических позициях. Они и гласно, и негласно выступали против столыпинских аграрных преобразований, которые разрушали общину, являвшуюся одним из краеугольных камней в неонароднической социальной доктрине.

Повторим: в нечерноземной полосе, к которой принадлежали Владимирская и Костромская губернии, уровень плодородия почв был низким. В сочетании с примитивной традиционной агротехникой это было причиной очень невысоких урожаев практически всех культур, использовавшихся в крестьянском полеводстве. Крестьяне для повышения урожайности применяли почти исключительно органические удобрения: навоз, иногда золу. Однако скота, который был основным «производителем» навоза, у сельского населения было мало. Лишь в Кинешемском уезде, где залегали и добывались фосфориты (а также в некоторых соседних, например в Макарьевском), использовалось это минеральное фосфорное удобрение. Местное население применяло его, хотя и не повсеместно, примерно с середины 1890-х гг. [2, с. 35].

Земские органы, вплотную взявшиеся за улучшение крестьянской агрономии, одно из важных направлений своей деятельности увидели во внедрении в повседневную хозяйственную жизнь деревни минеральных удобрений. На рубеже XIX—XX вв. крестьяне познакомились с ними впервые, поскольку до этого неорганика употреблялась только в помещичьих хозяйствах, да и то далеко не во всех.

В отношении минеральных удобрений около ста лет назад (до революции и в первые годы советской власти) употреблялся практически забытый сейчас термин «удобрительные туки», который означал в широком смысле любые удобрения и в более узком смысле — удобрения минеральные. Ассортимент их был значительно уже, чем в современном сельском хозяйстве. В Шуйском уезде использовались: суперфосфат, другие «фосфорные туки», чилийская селитра, гипс и томас-шлак. Последний представлял собой отходы металлургии и являлся одним из видов фосфорного удобрения [9, с. 156].

Вопросы об использовании удобрений регулярно рассматривались на собраниях губернских и уездных земств в общем контексте агрономических мероприятий, эта тема поднималась в начале XX в. практически ежегодно в докладах участковых агрономов. Костромское губернское земство на сессию 1912 г. вынесло специальный доклад «О распространении минеральных удобрений в Сокольском районе Макарьевского уезда», в котором рассмотрело как положительный, так и отрицательный опыт, имевшийся в этой сфере в нескольких волостях упомянутого уезда [2, с. 35].

Интерес к использованию удобрений в разных земствах был неодинаковым. Статистические данные свидетельствуют о том, сколько средств было истрачено на эти цели в различных уездах Владимирской губернии. В Александровском уезде в 1905 г. земство издержало на это 600 руб., в Суздальском — 350, Гороховецком — 300, Юрьевском — 250, Шуйском

и Покровском — по 150, Муромском — 100, Судогодском — всего 50 руб. [8, с. 16].

Снабжение крестьян удобрениями взяли на себя губернские земства. Например, в Покровском уезде в 1908 г. в 62 крестьянских хозяйствах было выдано 28 пудов суперфосфата, 103 пуда томас-шлака, 68 пудов костяной муки. При этом органы местного самоуправления вовсе не предполагали заниматься благотворительностью. «Туки» только сначала предоставлялись бесплатно и в небольших объемах для того, чтобы крестьяне убедились в их пользе. В дальнейшем местные жители получали их не даром, а покупали на земских сельскохозяйственных складах. Бесплатно удобрение выдавалось крестьянину только в виде эксперимента на одну восьмую или даже на одну шестнадцатую часть десятины, чаще всего — под озимую рожь. В находившийся рядом совершенно одинаковый по площади и по качеству почвы участок «туки» не вносились. Земство ставило следующее обязательное условие: урожай с этих двух участков убирали одновременно и тут же сравнивали для того, чтобы определить эффективность проведенного агрономического мероприятия [11, с. 32; 9, с. 24].

При внедрении удобрений земства учитывали местные условия. Так, в одной части Покровского уезда плодородие почвы было выше, в другой — заметно ниже. Поэтому крестьяне здесь порой забрасывали часть своих надделов. По инициативе уездных земцев они стали снова вводить эти земли в оборот для посева кормовых трав с внесением удобрений [11, с. 31]. В юго-восточной части Макарьевского уезда, центром которой являлось расположенное около Волги село Сокольское, крестьяне на рубеже XIX—XX вв. активно осваивали пустующие земли. Для целины они весьма успешно использовали фосфориты, залегавшие в южной части Костромской губернии. Однако когда практически все пустующие земли были освоены, фосфориты перестали быть столь эффективными, какими были на целине. При содействии земства здесь стала вноситься в почву костяная мука, которая оказалась более действенной на так называемых старопахотных землях [2, с. 35].

В немалой степени внедрению минеральных удобрений мешал хозяйственный консерватизм сельских жителей. В той же юго-восточной части Макарьевского уезда крестьяне, привыкшие за несколько лет к использованию костяной муки, не хотели отказываться от нее в пользу совершенно нового для них томас-шлака, хотя он по цене был дешевле, да и практические опыты, поставленные в селе Ковернино, должны были убедить их в эффективности нового «тука» [2, с. 36]. В Покровском уезде некоторые крестьяне, получив бесплатно удобрение для демонстрации его эффективности, говорили, что при внесении в почву оно очень «пылит» и им не хочется возиться с ним. Из этого земские работники сделали вывод, что в качестве «демонстраторов» следует подбирать крестьян более просвещенных и «эластичных» [8, с. 16].

Опыты применения минеральных удобрений, проводившиеся в хозяйствах местных крестьян, добровольно становившихся «демонстраторами», показывали высокую эффективность нововведений. В Покровском уезде в 62 хозяйствах, применявших суперфосфат, томас-шлак и костяную муку под озимую рожь, прирост урожая на следующий год достигал, как минимум, 10 % и, как максимум, — 50 %. У одного из крестьян того же уезда в 1905 г. применение суперфосфата дало прирост по соломе в 57 %, а по зерну — 131 % [8, с. 20; 9, с. 25].

Земства одной из своих задач ставили регулярное снабжение крестьян усовершенствованной сельскохозяйственной техникой, сортовыми семенами, минеральными удобрениями и другими сельскохозяйственными товарами, которые в повседневном крестьянском быту до конца XIX в. почти не употреблялись. Купить эти и другие вещи можно было на земских сельскохозяйственных складах, которые один за другим стали открываться в уездной глубинке в начале прошлого столетия.

Проследим процесс их возникновения на примере двух уездов разных губерний. До 1904 г. крестьяне Вязниковского уезда вынуждены были обращаться за сельскохозяйственными орудиями, семенами и удобрениями на открывшиеся раньше склады в соседних уездах — в Ковров и Шую. 16 апреля 1904 г. в Вязниках был создан свой уездный склад. Фактически, как и в других местах, это был магазин, здесь под открытым небом и в сараях были размещены для всеобщего обозрения различные машины и орудия, которые можно было не только осмотреть, но и испытать в деле. Через год такое же заведение появилось в селе Палех, фактически являвшемся центром северной части уезда. Летом 1906 г. Мугреевский волостной сход принял решение просить Вязниковское уездное земство открыть такой склад в селе Мугреев-Никольском. Земство изъявило на это согласие, поставив условие: товары будет закупать у оптовиков и производителей склад в Палехе, а затем часть их направлять в Мугреево [3, с. 62—64]. В Нерехтском уезде склад сначала был открыт в уездном центре. Затем начали возникать заведения, которые имели статус его отделений. Для них были определены крупные населенные пункты: фабричные поселки Серeda и Писцово, железнодорожная станция Арменки и село Острецово [16, с. 276—286].

В отчетах Нерехтской земской управы сохранились данные об ассортименте товаров, продававшихся в Писцовском отделении уездного сельскохозяйственного склада. Крестьяне охотно разбирали здесь сортовые семена: рожь Лысковскую, овес Шатиловский, гречу, просо, а также льняное семя, вику, клевер и тимофеевку, огородные и цветочные семена. Для повышения урожайности продавались различные минеральные удобрения. Среди сельскохозяйственных орудий повышенным спросом пользовались плуги, бороны, кочкорезы, сеялки, сортировки, льномялки, косилки конные. На складе крестьянин мог приобрести также самые обычные орудия труда, как сельскохозяйственные, так и плотницкие: косы, серпы, точильные бруски, лопаты, вилы, грабли, лейки, пилы, топоры. К сожалению, в России сельскохозяйственное машиностроение было недостаточно развито, в связи с этим поставщиками того же склада, как и многих других, являлись в основном иностранные компании: Торговые дома «Мутнер» в Будапеште и «Людвиг Нобель» в Петербурге, международная компания жатвенных машин из США. Среди значимых отечественных поставщиков можно назвать только Воткинский завод, снабжавший земские склады по всей стране качественными плугами [15, с. 225—236; 16, с. 322].

Обороты сельскохозяйственных складов неуклонно возрастали. В 1901 г. на губернском земском складе в Костроме было продано товаров на 57 тыс. руб., в 1903 г. — 84 тыс., в 1904 г. — 112 тыс., в 1905 г. — 99 тыс., в 1906 г. — 102 тыс., в 1907 г. — 140 тыс. руб. Временный спад в этой динамике можно объяснить обострением революционного движения в 1905—1906 гг., к этим событиям в 1906 г. добавился к тому же ощутимый неурожай. В принципе,

неурожай сказался и на продажах в следующем, 1907 г. Например, в 1906 г. в Костроме земство продало 1700 плугов, а в 1907 г. — только 1200.

Анализируя данные о реализации товаров за несколько лет, следует констатировать, что на первом месте в стоимостном выражении стояли сельскохозяйственные машины и орудия, затем шли семена кормовых трав, сахар для подкормки пчел и семена зерновых культур. С каждым годом рос спрос на строительные товары, в том числе на кровельное железо. Как видно, деревянные избы, крытые соломой, в начале XX в. быстро уходили в прошлое, большинство домов в сельской местности были крыты тесом, дранкой, многие стояли «под железом». В 1907 г. с Костромского губернского склада было отпущено товаров уездным управам на 38 тыс. руб., крестьянам — на 85 тыс., местным помещикам — на 9 тыс., за пределы губернии — на 5 тыс. руб. Со временем уездные управы стали закупать товары не на губернском складе, а у непосредственных производителей или столичных поставщиков. Таким образом, роль губернского склада как оптового распределителя постепенно утрачивалась [1, с. 27, 29—30, 32—33, 37, 41].

Разумеется, торговые операции на земских складах производились так, чтобы земство не терпело убытков от своих коммерческих операций. В то же время погоня за прибылью по определению не являлась целью местных органов самоуправления. Например, на складах в Покровском уезде наценки, с которыми продавались машины, семена, удобрения и т. п., по сравнению со стоимостью их покупки у производителей или оптовиков были минимальными. Товары, стоившие менее 50 коп., продавались с наценкой в 10 %, от 50 коп. до 1 руб. — 7 %, от 1 до 3 руб. — 5 %, от 10 до 20 руб. — 2 %. Только косы, пользовавшиеся повышенным спросом у крестьян, продавались с наценкой в 15 %. За счет этих наценок земство даже не получало доходов, оно просто компенсировало свои расходы по доставке товаров на склад [11, с. 34—35].

Земства учитывали, что большинство крестьян не обладали материальными возможностями, чтобы купить сложную и дорогостоящую технику. Поэтому органы местного самоуправления открывали прокатные пункты, в которых крестьяне могли взять на короткий срок то или иное орудие труда. Например, в Иваново-Вознесенске первоначально на таком пункте можно было взять технику на время совершенно бесплатно, а когда крестьяне привыкли к ее использованию, была введена очень небольшая плата. Здесь для жителей соседних с городом сел и деревень имелись: американский плуг Говарда, плуг шведский Липгарда, косилка завода Мак-Кормика, клеверная сеялка Кроуна, семирядная сеялка завода Гельферих-Саде, саморазбрасывающая жнейка Адрианса, а также дисковые бороны и пр. За прокат плуга или бороны взималась плата по 10 коп. в день, за сеялку — 25 коп., а за двухконную косилку — 40 коп. Как нам представляется, цены были весьма умеренными. Для пахоты и боронования в весенний сезон крестьянину требовалось около недели. Путем несложных арифметических расчетов можно вычислить, что прокат двух орудий труда на это время стоил примерно 1,5 руб. При этом нужно учесть, что при использовании новой техники качество обработки почвы улучшалось очень значительно по сравнению с тем, когда использовалась соха или доставшаяся от дедов примитивная деревянная борова [4, с. 188—190; 5, с. 143, 145—146; 6, с. 171—172].

Агрономы при поддержке губернских и уездных органов местного самоуправления вели среди крестьян разъяснительную работу, которую условно

можно назвать агропропагандой. В это понятие входило устройство различных курсов, лекций и показательных опытов, бесплатная раздача брошюр и листовок.

Наиболее глубокие и прочные знания по новым для них агротехнологиям крестьяне могли получить на специальных курсах, которые устраивались не только в уездных центрах, но и в крупных селах. Их организовывали обязательно вне рамок сельскохозяйственного сезона, т. е. с ноября по апрель, поскольку в летнюю страду слушателей не удалось бы найти. В апреле 1912 г. были устроены курсы по «кормодобыванию» в деревне Кузьмино Меленковского уезда Владимирской губернии. Основная тематика курсов — максимально эффективное использование лугов для улучшения кормовой базы сельскохозяйственных животных. Лекторами здесь были не только местные земские агрономы А. К. Богданович и Д. М. Панкратов, но и приглашенные со стороны специалисты по луговодству и культуре болот Л. А. Панасюк, Л. А. Чугунов и В. К. Зотов. Занятия проводились по 4—5 часов в день, а предметы, которые преподавались на курсах, были следующими: общее земледелие — 12 часов, травосеяние — 6, луговодство — 16, однолетние кормовые травы — 4, культура болот — 5, а всего — 43 часа.

Лекции на курсах читались в доступной для крестьян форме, в ходе их демонстрировались усовершенствованные сельскохозяйственные орудия (плуги, бороны, культиваторы), гербарии луговых трав, образцы семян, удобрений, настенные таблицы, а также туманные картины, т. е. выполненные на стекле слайды, демонстрировавшиеся через так называемый волшебный фонарь (диапроектор). Практические занятия проводились на участке размером в полдесятины около той же деревни Кузьмино Меленковского уезда. На эти курсы записалось 22 слушателя, причем все они аккуратно посещали занятия. Излишне говорить, что обучение было бесплатным. Аналогичные курсы были проведены для крестьян в 1912 г. во Владимире, Коврове и селе Пестяки Гороховецкого уезда [2, с. 12—13].

В губернском центре Владимире курсы проводились ежегодно в феврале — марте. На них принимались не все желающие, а только те, кто был командирован уездными земскими управами. В 1912 г. их было 48 человек, логично предположить, что каждый уезд (их в губернии было 12) делегировал 4 человека. Причем не принимались те, кто прослушал лекции на этих курсах в предыдущие годы. Кроме того, по линии губернской землеустроительной комиссии, занимавшейся столыпинскими аграрными преобразованиями, была выделена особая квота для 11 крестьян, «перешедших к индивидуальному владению землей», т. е. для выделившихся из общины отрубников и хуторян. Таким образом, курсы посещали 59 человек. Занятия продолжались 19 дней по 5 часов ежедневно. Больше всего (36 %) было крестьян в возрасте от 26 до 35 лет, на втором месте была возрастная группа от 36 до 50 лет (24 %) [2, с. 67—68].

Кроме курсов, которые давали слушателям комплексные знания, уездные и участковые агрономы, а также другие специалисты проводили в крупных селах регулярные (раз в неделю, раз в две недели) чтения (лекции). В Шуйском уезде агроном В. И. Машеров в зимний сезон 1912/13 г. (с октября по март) проводил беседы в населенных пунктах рядом с Иваново-Вознесенском — в Авдотьино, Богородском, Колянове, Беяницах. Чтения, проходящие на базе местных земских школ, посещали от 20 до 40 крестьян. По отзыву лектора, слушали его внимательно [5, с. 152—153].

В Кинешемском уезде в кабинетах уездных и участковых агрономов были созданы небольшие библиотечки — крестьяне могли познакомиться с научно-популярной литературой по тем или иным отраслям сельского хозяйства [13, с. 363].

К сожалению, в земских материалах сохранилось не так много свидетельств о конкретных результатах агропропаганды. Костромское губернское земство констатировало, что чтения, проведенные специалистами в Костромском, Нерехтском, Юрьевецком уездах, заинтересовали крестьян, некоторые общины приняли решения о переходе к более эффективным методам хозяйствования, чаще стали поступать в земства соответствующие ходатайства от хуторян. В Шуйском уезде регулярное проведение чтений привело к массовому переходу от привычного трехполья к более прогрессивной четырехпольной системе [5, с. 152—153; 2, с. 77].

Подведем некоторые итоги работы земства в области агрономии. Она стало приоритетной для большинства земств значительно позднее, чем другие сферы его деятельности, — просвещение, здравоохранение, ветеринария, дорожное строительство. Опыт, накопленный на этих поприщах, был в той или иной мере использован при создании и функционировании агрономической организации. Это касалось и финансирования тех или иных программ, и создания агрономических участков по образу и подобию участковой земской системы в области медицины.

Опорными пунктами деятельности земства в рассматриваемой нами сфере стали сельскохозяйственные склады, которые нередко выполняли также функции прокатных пунктов. Здесь крестьяне могли купить или взять в прокат и традиционные, и «инновационные» орудия труда, приобрести сортовые семена, удобрения, а также просто получить дельный совет. Посещали склады как зажиточные крестьяне, которые порой покупали машины стоимостью в десятки рублей, так и бедняки, которым была нужна всего лишь простая лопата или коса, но по невысокой цене. Такие склады земство старалось максимально приблизить к покупателю, поэтому открывало их не только в уездных центрах, но и в крупных селах.

Первостепенное внимание в области агрономии органы местного самоуправления обратили не на зернопроизводство, которое было главным в крестьянском хозяйстве, а на внедрение в севооборот специальных кормовых трав, которые почти не использовались крестьянами. За счет этого земцы надеялись дать толчок развитию животноводства, которое находилось в российской деревне в явно неудовлетворительном состоянии. Низкий уровень крестьянского животноводства особенно бросался в глаза на фоне благоустроенных ферм, которые встречались в некоторых помещичьих имениях. Крестьянские луга и выпасы давали мало корма для скота, а посевы клевера и других трав, внедрявшихся земством, напротив, надежно обеспечивали крупный и мелкий рогатый скот запасами на стойловый период его содержания. Благодаря травопольной системе в российской деревне стал появляться совершенно новый для нее севооборот — четырехполье вместо традиционного трехполья. Как показывала практика, при такой комбинации культур и урожаи зерновых, посеянных по клеверу, были высокими.

Пропагандистская работа, которую вело земство по внедрению новой техники и новых агротехнологий в крестьянское хозяйство, к сожалению, охватывала довольно узкий круг сельских жителей — десятки и сотни из десятков и сотен тысяч человек, проживавших в том или ином уезде,

губернии. Крестьяне больше верили не устному или печатному слову, а наглядным примерам. Только увидев конкретную выгоду на участке у односельчанина, они начинали применять новшества в своих хозяйствах.

В этой связи нужно отметить, что передовые орудия труда и технологические новшества в сфере агрономии применяло в начале XX в. пока меньшинство крестьян. Большинство продолжало трудиться по старинке, с интересом или же равнодушно наблюдая за тем, как предприимчивые соседи используют минеральные удобрения, усовершенствованные машины или же сеют на своих землях клевер и тимофеевку. Для деятельности земства в этой сфере оставалось в полном смысле этих слов необъятное поле деятельности. Однако начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, а потом революция 1917 г. сначала затормозила, а потом полностью остановила работу земства на этом полезном поприще.

Библиографический список

1. Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1907 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1908. 87 с.
2. Доклады Костромской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию сессии 1912 года. По агрономическому отделу. Кострома, 1913. 381 с.
3. Журналы Вязниковского уездного земского собрания 1906 г. с приложениями. Владимир, 1906. 239 с.
4. Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйского уездного земского собрания 1912 г. Шуя, 1912. 627 с.
5. Журналы и доклады очередного и чрезвычайного Шуйского уездного земского собрания 1913 г. Шуя, 1914. 664 с.
6. Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1907 г. Владимир, 1908. 324 с.
7. Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1914 г. Шуя, 1915. 39 с.
8. Журналы очередного Покровского уездного земского собрания 1904 года. Владимир, 1905. 174 с.
9. Журналы очередного Покровского уездного земского собрания 1907 года. Владимир, 1908. 184 с.
10. Журналы очередного Покровского уездного земского собрания 1911 года. Владимир, 1912. 214 с.
11. Журналы очередной сессии Покровского уездного земского собрания 1904 года. Владимир, 1904. 44 с.
12. Журнал очередных и экстренных Вязниковских уездных земских собраний 1903 г. Владимир, 1904. 284 с.
13. *Кондратьев Н. Д.* Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии : (социально-экономический и финансовый очерк). Иваново : Ивановская газета, 2002. 496 с.
14. Отчет Владимирской губернской земской управы по агрономическим мероприятиям за 1903 год. Владимир, 1904. 68 с.
15. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1909 г. Кострома, 1909. 262 с.
16. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1912 г. Кострома, 1913. 357 с.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (октябрь 1917 г. — начало 1921 г.)

Рассмотрена статистика энергоснабжения населения г. Иваново-Вознесенска за годы Первой мировой войны и период, предшествовавший Гражданской войне и интервенции (октябрь 1917 — весна 1918 г.). Проанализированы усилия местных властей и специалистов энергетического хозяйства города по локализации негативных последствий Гражданской войны и разработке перспективного роста коммунальной энергетики региона.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, Советская власть, коммунальная энергетика.

We consider the energy statistics of Ivanovo-Voznesensk's population during the years of the First World War and the period preceding the Civil War and intervention. Analyzed are the efforts of local authorities and experts of the energy economy of the city to localize the negative effects of the civil war. They also thought about the development of a long-term growth plan of the region's energy utilities.

Key words: World War I, the Civil War, the Soviet power, municipal power.

В отечественной историографии весьма живуч шаблонный подход к оценке экономической составляющей жизни регионов в период Первой мировой войны и установления Советской власти на местах. Тем более востребованным является интенсивный и непредвзятый подход исследователя к источникам, которые могут дать реальную историческую картину происходившей на промышленном пространстве битвы местных властей и специалистов с надвигавшейся экономической разрухой, в частности в сфере энергоснабжения предприятий и населения крупных хозяйствующих субъектов в те переломные годы.

В г. Иваново-Вознесенске вплоть до национализации монополия в указанной области жизнеобеспечения предприятий и населения находилась в руках Товарищества механических изделий, действовавшего на акционерной основе. Как правление Товарищества механических изделий распоряжалось своим энергетическим хозяйством, как обслуживало нужды города? Начнем с показа производственных показателей предприятия. Итак, им было снято с шин местной электростанции для абонентов: в 1911/12 гг. — 247 000 кВт·ч электроэнергии, 1914/15 гг. — 568 896 кВт·ч, 1915/16 гг. — 743 071 кВт·ч, 1916/17 гг. — 999 486 кВт·ч, 1917/18 гг. — 749 071 кВт·ч [1, ф. 2, оп. 2, д. 651, л. 58 об.]. Заметим, что операционный год для электростанции продолжался с мая текущего по апрель следующего года включительно.

Как видим, существенный спад выработки приходится на 1917/18 операционный год: откат произошел до уровня производства 1915/16 гг. Статистика показывает, что Первая мировая война, наоборот, подхлестнула развитие коммунальной энергетики города (выработка энергии выросла почти в 2 раза). В целом до Февральской революции отпуск энергии потребителям вырос в 4 раза. Таковы были впечатляющие успехи «малой» энергетики в дореволюционном Иваново-Вознесенске.

Данная статистика в целом верно отражает общий вектор развития городской энергетики в те годы, но не дает цельной и достоверной картины работы станции и сети в 1917 г. и в первые месяцы Советской власти (осень 1917 г. — весна 1918 г.). В связи с этим считаем необходимым воспользоваться другим статистическим источником: ответом администрации станции на запрос исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов от 16 мая 1918 г.

Таблица 1

**Выработка энергии электрической станцией г. Иваново-Вознесенска
за май 1916 г. — март 1918 г. [1, ф. 2, оп. 2, д. 651, л. 62 об.]**

Месяц, год	Отпуск энергии по показаниям счетчиков, всего (кВт·ч)	Снято с шин электростанции для	
		абонентов, всего (кВт·ч)	нужд самой станции (кВт·ч)
Май 1916 г.	49 747	56 728	1 579
Июнь	50 577	57 978	1 561
Июль	45 924	59 016	1 990
Август	77 357	72 240	2 000
Сентябрь	59 744	67 281	1 698
Октябрь	82 013	86 058	1 453
Ноябрь	99 861	109 290	2 300
Декабрь	112 231	124 906	2 796
Январь 1917 г.	99 037	111 157	2 400
Февраль	88 766	93 190	1 920
Март	82 617	89 577	1 896
Всего за операци- онный год	847 874	927 415	21 593
Май 1917 г.	58 733	69 790	2 000
Июнь	51 036	65 740	2 073
Июль	48 616	62 627	838
Август	77 440	75 009	3 000
Сентябрь	63 902	72 818	3 106
Октябрь	67 124	71 992	3 135
Ноябрь	65 474	73 796	3 357
Декабрь	72 605	86 252	2 999
Январь 1918 г.	69 777	79 200	2 768
Февраль — март	77 363	91 541	4 405
Всего за операци- онный год	652 070	749 071	27 681

Первые выводы из таблицы: в мае 1917 г. — марте 1918 г. наметился спад в производстве электроэнергии на 19,2 % (по сравнению с маем 1916 г. — мартом 1917 г.), в отпуске энергии потребителям — на 23,1 %, увеличилось потребление энергии самой станцией — на 28,2 %. В связи с этим потери электроэнергии составили 16,1 % общей выработки (в предшествующем году — 10,7 %).

Когда начался спад, в чем причина этого негативного процесса? Статистика дает ответ — с октября 1917 г. Причем темпы спада производства энергии нарастали как снежный ком: за октябрь — декабрь 1917 г. сокращение составило более 20 % (по сравнению с октябрём — декабрем 1916 г.), а в январе — марте 1918 г. — 41 % (по сравнению с январем — мартом 1917 г.); отпуск энергии потребителям (по счетчику): если за май — сентябрь 1917 г. увеличение составило 34 % (по сравнению с маем — сентябрем 1916 г.),

то в октябре — декабре 1917 г. произошел резкий спад на 30,6 % (по сравнению с октябрём — декабрем 1916 г.). А в январе — марте 1918 г. свертывание объемов отпускаемой энергии составило 45,6 % (по сравнению с январем — мартом 1917 г.), т. е. почти на 50 %. В то же время на нужды самой электростанции за май — декабрь 1917 г. потребление энергии выросло на 1/3 (по сравнению с маем — декабрем 1916 г.), в том числе за октябрь — декабрь 1917 г. — на 45 %. Потери энергии: в целом за май 1917 г. — март 1918 г. составили 16,1 % (для сравнения: в мае 1916 г. — марте 1917 г. — 10,7 %).

Главной причиной спада производства электрической энергии и отпуска ее потребителям на рубеже 1917/18 гг. являлась поразившая режим экономическая депрессия, остановившая деятельность таких крупных потребителей энергии, как снарядное отделение механического завода, фосгенный и химический заводы, другие механические предприятия и мастерские. А ведь так называемая «моторная нагрузка» составляла обычно 58 % всего объема отпуска энергии потребителям (для сравнения: отпуск энергии в январе 1917 г. для моторов составлял 60 414 кВт, в январе 1918 г. — 25 940 кВт; с ноября 1916 — 1917 г. среднемесячное потребление энергии предприятиями сократилось с 55 995 до 23 542 кВт·ч) [1, ф. 2, оп. 2, д. 651, л. 56].

С уменьшением общей нагрузки ухудшился и такой показатель, как потери электроэнергии, причем потери имели тенденцию к росту до 15—20 % объема выпускаемой продукции к весне — лету 1918 г.

Другая причина — резкое увеличение расходов на выработку 1 кВт·ч энергии.

Таблица 2

Расходы предприятия на выработку электроэнергии для потребителей города в 1914/15 гг. — март 1918 г. [там же, л. 58—58 об.]

Показатели	1914/15 гг.	1915/16 гг.	1916/17 гг.	1917 г. — 1 марта 1918 г.	Март 1918 г.
Выработка энергии, тыс. кВт·ч	568,896	743,071	999,486	689,081	59,99
Общие затраты на производство, руб.	51 240	68 952	102 774,45	166 930,44	25 441
в том числе:					
на зарплату	18 903,64	19 946,35	23 881,94	91 542,37	15 714
на топливо	8 145,6	18 525,32	26 808,96	37 258,2	3 627,63
на налоги и страховку	8 596,04	8 730,65	10 614,02	15 500	4 100
Стоимость 1 кВт·ч, коп.	9,0	9,28	10,28	24,23	42,41
в том числе:					
нагрузка стоимости зарплат на тариф	3,32	2,68	2,39	13,29	26,2
нагрузка стоимости топлива на тариф	1,43	2,49	2,68	5,41	6,05
нагрузка стоимости налогов и страховки на тариф	1,51	1,17	1,06	2,27	7,0

Как видим, расходы на выработку электрической энергии в марте 1918 г. выросли более чем на 300 % по сравнению с 1916/17 гг. и на 100 % по сравнению с 1917/18 гг. Львиная доля этих затрат (более 50 % суммы) шла на увеличение зарплаты — на 1000 % (по сравнению с 1916/17 гг.) и на 100 % (по сравнению с 1917/18 гг.). Далее увеличивались затраты на топливо соответственно на 125 и 12 %, на уплату налогов и страховых пособий — соответственно на 560 и 210 %. Кроме того, цены на запчасти, подсобный материал для ремонта и эксплуатации возросли к весне 1918 г. в 2—3 раза [1, ф. 2, оп. 2, д. 651, л. 58].

Пересмотр тарифов в сторону увеличения не поспевал за стремительным ростом цен на топливо и материалы. Так, увеличенный еще Временным правительством с 1 декабря 1917 г. тариф с 30 до 45 коп. на 1 кВт·ч, а на моторы — с 25—30 до 34—42 коп./кВт·ч уже не покрывал текущие расходы местной электрической станции. В среднем к марту 1918 г. расход на выработку 1 кВт·ч составил 51 коп. (при тарифе 42 коп.), и это не считая необходимых затрат на амортизацию и капитальный ремонт машин и оборудования сети. Одним словом, предприятие на рубеже 1917—1918 гг. работало себе в убыток, по сути на износ. К лету 1918 г. себестоимость 1 кВт·ч энергии без учета амортизационных отчислений и затрат на капитальный ремонт уже составила 68,62 коп. Но и в этом случае не соответствовала реальным потребностям электростанции (нужды предприятия к тому времени выросли еще на 20 %). Руководство станции (инженер-механик Ив. Пантелеев) уже ставило перед местной властью вопрос о подъеме тарифа хотя бы до 82,35 коп. за кВт·ч [там же, л. 58—59].

К моменту начала широкомасштабной Гражданской войны иваново-вознесенская энергетика хотя и находилась в затруднительном положении, но в техническом отношении имела достаточный запас прочности. Ее уязвимыми местами были не физический и моральный износ оборудования, отсутствие квалифицированных кадров по эксплуатации и уходу за ним, а проблемы общего характера, связанные с наступлением времени дефицитной экономики (и в производстве, и в сфере распределения).

Период Гражданской войны и интервенции был тяжелейшим в истории функционирования городской электрической сети. И дело тут не в маломощности энергосилового хозяйства (3 дизель-мотора и 3 генератора, из них 2/3 оборудования уже эксплуатировалось 8 лет), а в тяжелом экономическом кризисе в стране и регионе. Ведь основой городской энергосистемы изначально являлась фабрично-заводская энергетика, главными потребителями которой были промышленные предприятия (более 58 % всего отпуска энергии). Депрессивное состояние промышленных заведений было причиной и следствием стремительно раскручивавшейся инфляции со всем ее «букетом неприятностей» — нехватка денег, материалов, топлива, заказов, социальная напряженность в обществе и т. д.

Одним из ярких проявлений деловых качеств нового руководства в это время стал четко выраженный классовый с большим зарядом популизма курс решения рабочего вопроса. По сути это была попытка переложить на плечи производства вопросы социального обеспечения фабрично-заводского населения. Так, еще в январе 1918 г. были установлены новые расценки труда и всем работающим на электростанции было выплачено дополнительное вознаграждение с 15 сентября 1917 г. согласно нормам, принятым согласительной комиссией из представителей Общества фабрикантов и заводчиков и профсоюзом

текстильщиков. В конце апреля 1918 г. прожиточный минимум был еще повышен на 2,25 руб. в день, считая с 15 февраля старого стиля, дополнительная прибавка также была распространена на работников станции. В итоге увеличение зарплаты персонала произошло на 1000 % (по сравнению с 1916/17 гг.) и на 100 % (по сравнению с 1917/18 гг.).

Одновременно с повышением зарплаты на предприятие был возложен ряд новых обязательных сборов: 3 % со всей суммы выплаченного вознаграждения за труд в пользу кассы безработных, 10 % выплаченной суммы — в пользу больничной кассы и 2 % — в пользу контрольных комиссий. Вырос и городской налог с имущества (в 10 раз), составив 50 000 рублей в год с электрической станции. И это при росте цен на материалы для ремонта и правильной эксплуатации на 200—300 % и тенденции роста стоимости топлива с 3 до 6—10 руб. за пуд. К тому же в скором времени ожидалось введение очередного 15 %-го сбора с выплаченной зарплаты [1, ф. 2, оп. 2, д. 651, л. 56].

В письме исполкому городского Совета рабочих и солдатских депутатов (от 30 апреля 1918 г.) правление Товарищества било тревогу по этому поводу, предлагало свои расчеты по задействию текущих мер удержания предприятия на плаву, в рабочем состоянии. Прежде всего властям предлагались расчеты по составлению сметы расходов на предстоящий осветительный сезон 1918/19 гг., которые необходимо было привязать к тарифу на отпуск электрической энергии потребителям.

Таблица 3

Статьи расходов электрической станции г. Иваново-Вознесенска, заложенные в тариф на отпуск потребителям энергии в сезон 1918/19 г.
[там же, л. 58—59]

Показатели статей расхода, заложенных в тариф	Тариф на отпуск энергии, коп.
Расходы на содержание персонала станции	26,2
15 %-й сбор с зарплаты	3,93
Налоги и страховые выплаты	7,0
Расходы на топливо	20,17
Расходы на ремонтный материал, подсобный материал	6,32
Капремонт дизель-моторов и оборудования сети	5,0
<i>Итого</i>	68,62

Предполагалось, что с учетом удорожания составляющих статей тарифа в среднем на 20 % тариф должен был составить 82,35 коп. на 1 кВт·ч, энергии (не считая расходов на амортизацию и непредвиденные расходы). Заметим, что расчеты ориентировались на рыночные издержки тогдашней переходной экономики. Здравым было со стороны специалистов включение в тариф расходов на текущий и капитальный ремонт энергосилового хозяйства. Смета имела и социальную ориентированность: по минимуму учитывались предстоящие расходы. Составители сметы смирились с ускорением процесса физического износа наличного оборудования, понимая бедственное состояние промышленности и населения региона.

Расчеты правления Товарищества механических изделий не ограничивались лишь интересами своего предприятия. Так, оно предполагало (при условии утверждения тарифа в 82,35 коп./кВт·ч) установить более низкий тариф для технических нужд (предприятий) — до 75 коп./кВт·ч, для абонентов же — более высокий тариф — 1,12 руб./кВт·ч, но с предоставлением

скидки в 40 % для освещения улиц (67,2 коп./кВт·ч) и 30 % для городских зданий и общественных учреждений (78,4 коп./кВт·ч). Таким образом, 2/3 отпускной энергии шло по льготному тарифу, а 1/3 — для частных домовладений, кстати, их насчитывалось 440 — по максимальному тарифу (1,12 руб./кВт·ч). О продуманности расчетов, предлагаемых специалистами энергопредприятия Совету рабочих и солдатских депутатов, говорит факт совпадения предполагаемых данных и реальных показателей производства выработки энергии в 1918 г. (до 600 000 кВт·ч).

Ответом исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов стала резолюция от 13 мая 1918 г. о поручении экономическому отделу Совета вынести свое заключение по расчетам и проблеме увеличения тарифа на отпуск электроэнергии [1, л. 59 об.]. Экономический отдел Совета своим решением от 25 июля 1918 г. признал обоснованность расчетов и нового тарифа на отпуск энергии потребителям. В связи с этим исполком Совета рабочих и солдатских депутатов постановлением от 5 августа 1918 г. принял решение ввести с 1 июля 1918 г. плату за энергию в размере 82,35 коп./кВт·ч [там же, л. 59 об., 64].

Данное решение не говорило однозначно в пользу того, что власти целиком приняли тактику действий правления Товарищества механических изделий по удержанию электростанции и сети в рабочем состоянии. Есть основания предполагать, что весной — летом 1918 г. руководство города и губернии делало акцент на прорывные, радикальные пути решения проблем электрификации г. Иваново-Вознесенска и других промышленных центров края. В этом одна из причин торможения с ответом на письмо Товарищества механических изделий от 30 апреля и дополнительной записки от 1 июня 1918 г. [там же, л. 57]. В подходах к данной проблеме логика действий местных властей тогда не была свободна от настроений эйфории, популизма, страдала профессиональной некомпетентностью. Попытаемся это обосновать.

На учредительном съезде Советов Иваново-Кинешемского промышленного района (21—24 апреля 1918 г.) на фоне главного вопроса в повестке дня — образование новой губернии из сопредельных территорий Костромской и Владимирской губерний — был поднят и другой вопрос: строительство крупной районной электростанции (пароэлектроцентрали) на базе Рубского озера. Это был удачный ход местных большевиков, ведь с помощью так называемой «энергетической приманки» можно было преодолеть колебания фабрично-заводского населения районов, прилегавших к Иваново-Шуйскому ядру строящейся «красной губернии». В тех условиях это был чистейший пиар, но пиар, сыгравший иллюзорную роль бальзама для энергетических язв местной промышленности, все более заходившей в тупик из-за стремительной дороговизны нефтепродуктов. Большевики преподнесли делегатам съезда желанную перспективу изменений к лучшему, правда, не обоснованную экономическими расчетами. Но тогда этого и не требовалось, ведь главным вопросом на съезде была перекройка административно-территориальной карты бывшей Российской империи. Начавшаяся Гражданская война и интервенция обеспечили властям «цивилизованный отход» от своего обещания.

Другой радикальный шаг к решению проблемы электрификации города — поднятие вопроса о национализации местной электростанции. На заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов от 8 июля 1918 г. было вынесено решение обратиться в Совнарком с ходатайством об издании декрета о национализации электрической станции, а также давалось поручение экономическому

отделу Совета произвести подбор служащих станции. И лишь потом давалось поручение экономическому отделу Совета «выяснить действительное состояние дел электрической станции и финансовый вопрос» [там же, д. 779, л. 4].

Местные власти беспокоило то, что правление Товарищества механических изделий для сохранения своего контроля над электрической станцией и сетью выделило энергетическое хозяйство в самостоятельное предприятие с основным капиталом 325 000 руб. Такое разделение не давало возможности Совету рабочих и солдатских депутатов применить в действие декрет СНК о национализации от 28 июня 1918 г. В июле того же года местный Совет направил ходатайство в ВСНХ с просьбой распространить действие декрета на данное предприятие. Им подчеркивалось при этом, что данное предприятие имеет для города первостепенное значение в связи с присоединением рабочих пригородов к городу и обострением проблемы его электрификации [там же, л. 7]. К сожалению, не удалось в источниках найти указание на получение такого разрешения из Центра, но известно, что это случилось на рубеже 1918—1919 гг.

В наибольшей степени компетентность власти демонстрировалась в вопросе расширения сети уличного освещения и электрификации советских и общественных учреждений, распределительных пунктов городского продовольственного отдела. В обращении отдела общего управления к правлению Товарищества (от 9 августа 1918 г.) говорилось, что у власти есть стремление усилить освещение городских улиц путем замены на некоторых улицах керосинокалильных фонарей на электрические и постановки на ранее не освещаемых объектах светильников. Давалось поручение Товариществу составить смету на устройство электрического освещения на улицах: Ново-Дмитриевская (от ул. Почтовой до Ярмарочной), Воробьевская (до 5-й Ильинской), Часовенная (до старого кладбища), Кокуй (до ул. Краснопрудской), Соковская, Б. Шереметьевская, 2-я Троицкая, Шуйская на Ямах (от Александровской до Б. Шереметьевской ул.), Мурашкинский переезд (от 2-й Троицкой до Опрянина оврага), Дербеневская дамба (от Александровской улицы до фабрики «Российская Республика»), Всевятская (от Николаевской улицы до Небурчиловской богадельни), Ильинская улица на Графской земле (от Б. Шереметьевской ул. до р. Талки). Давалось указание, что там, где нет подземных кабелей канализации тока, проводка должна идти по воздушным линиям. Так власть отреагировала на многочисленные просьбы жителей ряда улиц г. Иваново-Вознесенска начать электрификацию их жилищ [там же, д. 651, л. 82; д. 773, л. 18, 20, 48, 54].

Но столкнувшись с горькой действительностью (техническая слабость местной электростанции, тотальный дефицит оборудования, запчастей, приспособлений, материалов), местные власти стали давать себе отчет в нереальности ими же провозглашенных мероприятий, по крайней мере без поддержки Центра. Из послания отдела общего управления городского Совета рабочих и солдатских депутатов в губернский СНХ (от 21 августа 1918 г.): по причине отсутствия у Товарищества механических изделий подземного кабеля составлена смета прокладки воздушных линий. Для постановки предполагаемых 42 фонарей требуется 211 столбов (18 аршин высоты), 422 изолятора, 422 крюка ($\frac{3}{4}$ дюйма), 95 пудов медного голого провода сечением 10 кв. мм, 42 арматуры для 1000 свечовых ламп, 42 кронштейна и 1260 метров стального оцинкованного троса, 42 лампы (по 1000 свечей на 110 Вт). Но у товарищества нет этих материалов, а освещение города является «насущнейшей необходимостью». Далее в документе содержалась просьба направить в ВСНХ ходатайство

с просьбой разрешить представителям Товарищества заказать это оборудование на центральных складах [там же, л. 78].

10 сентября 1918 г. городской Совет рабочих и солдатских депутатов в обращении к техническому отделу Иваново-Вознесенского губернского СНХ официально признает, что нет возможности осветить электричеством даже некоторые магистральные улицы в пригородах (Б. Шереметьевская, Ильинская на Графской земле). Причина — «...технические условия существующей электрической станции, изменить которые в настоящее время не представляется никакой возможности». Вслед за этим дается предписание, реализация которого стала главным направлением в энергетической практике властей в течение всей Гражданской войны и начала новой экономической политики (НЭП), — рассмотреть возможность «использовать некоторые фабрично-заводские предприятия в смысле получения от них электрической энергии для уличного освещения». В частности, предполагалось для освещения улиц Б. Шереметьевской и 1-й Ильинской на Графской земле, зданий 1 и 2-го Ямских училищ воспользоваться мощностями фабрик Товариществ Витова и Гандуриных. Содержалась просьба к техническому отделу губернского СНХ рассмотреть это предложение в развитии, в смысле использования потенциала других предприятий для освещения улиц города. Известно, что на заседании исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов от 23 сентября 1918 г. были утверждены первые сметы для реализации этих начинаний, представленные секцией электротехников и Товариществом механических изделий, на общую сумму 24 410 руб. [там же, л. 89, 91].

Это было здоровое и, главное, первое реальное начинание местной власти в сфере электрификации г. Иваново-Вознесенска. Но Гражданская война и интервенция вкупе с повсеместной разрухой и развалом хозяйственных связей не позволили приступить к его реализации. Приходилось довольствоваться тем, что уже имелось в наличии. Более того, приходилось прибегать к отчаянным усилиям к недопущению стремительного развала городской энергетики. По крайней мере, это удавалось делать до зимы 1918/19 г.: с января по декабрь 1918 г. было снято с шин электростанции 754 000 кВт·ч энергии (для сравнения: за соответствующий период 1917 г. — 972 743 кВт·ч, т. е. спад составил 22,5 %). Этот показатель выглядел не столь трагично на фоне полного развала системы керосинокалильного освещения в городе. Из ответа заведующего коммунального отдела исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов (от 15 ноября 1918 г.) Совету 2-й Кладбищенской улицы: «ввиду отказа в керосине для освещения улиц со стороны отдела по топливу ГСНХ, в наступившем зимнем сезоне керосинокалильного освещения в городе вовсе не будет» [там же, д. 773, л. 55]. Напомним, в это время в Иваново-Вознесенске насчитывалось 142 керосинокалильных фонаря [там же, л. 61].

Любопытно послание руководства электрической станции в исполком Совета рабочих и солдатских депутатов от 6 декабря 1918 г. В нем давались не только общие итоги работы предприятия в календарном 1918 г., но и содержался анализ текущих условий функционирования электростанции и сети. Начиналось оно со скрытого упрека властям в инертности усилий по сохранению энергосистемы в городе. Так, лишь 5 августа 1918 г. исполком Совета утвердил тариф в 82,35 коп./кВт·ч, но еще до этого утверждения началось систематическое повышение цен на материалы и рабочие руки. Общие расходы возросли в связи с повышением норм оплаты труда работников станции на 50 % с 1 сентября 1918 г. (согласно декрету СНК и в связи с доведением

стоимости моторной нефти до 12,5 руб. за пуд (весной 1918 г. цена составляла 3 руб. за пуд). Эти обстоятельства самым негативным образом сказались на себестоимости 1 кВт·ч: она выросла до 89,69 коп. С учетом же потерь электроэнергии и нужд самой станции (а это 22 % всего отпуска продукции) средняя себестоимость 1 кВт·ч энергии достигла 1,15 руб. Таким образом, и в 1918 г. предприятие работало в убыток себе, точнее, за счет форсированного износа своего оборудования и сети [там же, д. 651, л. 93—95].

В послании содержались рекомендации по исправлению данной ситуации в 1919 г. В связи с тем что в 1918 г. наметилась тенденция уменьшения потребления энергии на предприятиях и, наоборот, повышения ее потребления городскими зданиями и общественными учреждениями, предлагалось назначить более низкий тариф на моторы — 1 руб./кВт·ч, для частных абонентов — 1,55 руб./кВт·ч, городских зданий и общественных учреждений — 1,85 руб./кВт·ч (скидка 30 %), уличное освещение — 93 коп./кВт·ч (скидка 40 %). На этот раз исполком Совета рабочих и солдатских депутатов отреагировал достаточно быстро: на заседании от 16 декабря 1918 г. постановил ввести новый тариф для частных абонентов с 1 декабря 1918 г., для городских и общественных учреждений — с 1 января 1919 г. [там же, л. 98].

Грозные события 1919 г. резко ухудшили условия выживания городской энергосети. Замерла деятельность электростанции на фабрике Зарядье. Пуск электрической станции на Малой Дмитриевской мануфактуре лишь смягчил тяжелейшие последствия остановки крупной фабрично-заводской электроустановки города. Вся тяжесть задачи сохранения, хотя бы в крайне ослабленном состоянии, целостности городской энергосистемы легла на электрическую станцию № 1 на базе механического завода бывшего Товарищества механических изделий. Суммарная мощность ее генерирующей установки составляла 550 кВт·А. По данным за 1920/21 гг., отпуск электрической энергии потребителям со станций № 1 и 2 составил 819 000 кВт·ч (для сравнения: в 1917 г. — 933 000 кВт·ч, 1916 г. — 952 000 кВт·ч) [2, 1926, 7 нояб.].

Комплекс проблем, присущих экономическому кризису и военному времени, радикально сказался на функционировании электрических станций города. Их работа потеряла ритмичный характер, скорее стала эпизодической, т. е. зависела от местных объективных и субъективных обстоятельств (чаще от дефицита материалов текущего ремонта и топлива). В этих условиях стремительно нарастал показатель износа конструктивных частей всей энергосистемы. Износ машин принимал угрожающий характер. Имеются данные на 1923 г. По мнению машиниста Нещеткина, этот показатель достиг 75 %. По крайней мере, к концу Гражданской войны показатель физического износа находился в пределах 50—66 % [там же, 1923, 24 нояб.].

Таким образом, копились факторы, изнутри подрывавшие всю городскую энергетику. Противостоять им было невозможно. Война убийственно воздействовала на данную сферу коммунального хозяйства г. Иваново-Вознесенска. Это осознавали и персонал станций, и власти, и жители города. Только этим можно объяснить, что сразу же после решающих побед в Гражданской войне и с наступлением мирной передышки (на рубеже 1919—1920 гг.) вновь начинает активно обсуждаться вопрос о строительстве крупной парозлектроцентрали на базе Рубского озера. Напомним, что первые проекты ее строительства были разработаны специалистами губернского СНХ и направлены на утверждение в Центр еще в 1918 г. Теперь Электрострой Главкомгосоора (Главный комитет государственных сооружений) вернулся к той документации,

внес в нее свои коррективы и передал в комиссию Г. М. Кржижановского (ГОЭЛРО). План электрификации России, принятый на VIII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.), предусматривал и строительство Рубской РЭС мощностью 80 000 кВт [там же, 1922, 19 июля].

По плану электрификации предусматривалось проложить кольцевую воздушную линию напряжением 11 500 вольт, которая должна была проходить последовательно через г. Иваново-Вознесенск, Середу, Плес, Семигорье, Новки, Кинешму, Вичугу, Родники, Шую и обратно на станцию [там же]. В нашу задачу не входит описание истории постройки Рубской РЭС. Отметим только, что данное мероприятие напоминало плохо подготовленную (особенно в финансовом плане) «кавалерийскую атаку» на местном энергетическом фронте. Эта стройка есть хрестоматийная иллюстрация краха усилий центральной и местной властей на переходном этапе от политики военного коммунизма к закладыванию инфраструктурной системы НЭПа. В частности, скудость средств материальных и людских вела к перманентному пересмотру проектов строительства и снижению показателя мощности задуманного предприятия (с 80 000 до 20 000 кВт).

НЭП внес свои коррективы — ориентировал власти и хозяйственников на восстановление имевшихся энергосиловых установок на базе фабричных производств для последующего эффективного использования пара и полученной электроэнергии для освещения производственных и городских зданий. К такому мнению пришла комиссия по электрификации губернии в составе М. А. Короткова, профессора А. А. Борнемана, А. И. Побединского, Н. А. Рябова и других в марте 1922 г.

К началу 1921 г. городская энергетическая система подошла в чрезвычайно ослабленном, измученном состоянии. Был исчерпан тот запас прочности технической и технологической, который подметили московские эксперты еще в декабре 1914 г. Но были и позитивные моменты, взятые на учет местной властью, специалистами и персоналом электрической станции, — это опыт (правда, неудачный, но поучительный) радикального решения проблем на принципах ударничества, кампанейщины и директивного распределения имевшихся материальных и финансовых средств; это и удачный опыт деятельности Ударного комитета в конце 1920 — начале 1921 г., давший жизнь новой концепции оживления и развития энергосистемы г. Иваново-Вознесенска на принципах товарно-денежных отношений, экономической целесообразности.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области.
2. Рабочий край : орган Иваново-Вознесенского губернского и городского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, губкома ВКП(б) и губпрофсовета.

ББК 63.442.14(2)

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ САХТЫШ Х

Представлены материалы раскопок стоянки Сахтыш Х, расположенной на берегу реки Койки близ Сахтышского палеозера. Большую часть их составляют обломки сосудов льяловской культуры. Была найдена керамика верхневолжской и поздневолосовской культур, бронзового и раннежелезного веков. Имеется также представительная серия каменных орудий. Стоянка была сезонным лагерем рыбаков и охотников и посещалась эпизодически. Хотя в эпоху бронзы здесь могло быть стационарное поселение.

Ключевые слова: стоянка Сахтыш Х, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, керамика, каменные орудия.

The materials of excavated the Sakhtysh X site on the bank of Koika river near Sakhtysh paleo-lake are presented. The majority of them are the sherds of the Lyalovo culture. The pottery of the Upper Volga and late Volosovo culture, the Bronze and Early Iron Ages also were found. There is also a representative series of stone tools. The site was a seasonal camp of the fishers and hunters and was attended episodically. Although in the bronze age this place could have been a permanent settlement.

Key words: the site Sakhtysh X, Neolithic, Bronze and Early Iron Ages, pottery, stone implements.

Стоянка Сахтыш Х расположена на южном берегу бывшего озера, ныне торфяника Сахтыш. Она находится на левом берегу реки Койки (старое название — Кийка) при ее истоке из озерного водоема (примерно в 150 м к северо-востоку от пересечения спрямленного русла реки с магистральным каналом № 2), в одном километре к северо-западу от поселка Четвертый участок Леушинского торфопредприятия и 1,3 км к востоку от села Сахтыш.

Памятник открыт Е. Л. Костылёвой в 1993 г., а через год, в 1994 г., на нем были проведены небольшие полевые работы, в ходе которых в различных пунктах стоянки заложены три шурфа, каждый площадью 2 × 2 м, определен характер культурных напластований, мощность и протяженность культурного слоя.

В июле 1995 г. изучение памятника было продолжено [7]. Основная, прибрежная часть древнего поселения, ныне заросшая лесом и кустарником, сильно разрушена магистральным каналом и старой мелиоративной канавой, которые пересекают его территорию в направлении юго-запад — северо-восток. Напольная часть памятника сохранилась относительно хорошо и представляет в настоящее время ровную, открытую площадку с густой травой, которую ежегодно скашивает подсобное хозяйство Леушинского торфопредприятия, разрушая тем самым тяжелой техникой верхние горизонты культурного слоя.

Раскоп площадью 48 кв. м был заложен на юго-западной окраине стоянки, в районе шурфа № 1, который вошел в сетку квадратов. Раскопки проводились по общепринятой методике. Вся площадь раскопа была разбита на равные участки (квадраты) со стороной 2 м каждый и пронивелирована.

Как показали отметки, исследуемая площадка имела слабовыраженный наклон (от 10 до 28 см) в западном и юго-западном направлениях. После расчистки участка от дерна работы велись тонкими зачистками по условным глубинам мощностью в 5 см.

Стратиграфия

Стратиграфия на большей части раскопанного участка была однообразной и выглядела следующим образом:

— дерн с поддерновым слоем — 10—15 см; дерн плотный, а поддерновый слой — рыхлая коричневая, местами оторфованная супесь;

— серо-коричневая оторфованная супесь — 8—10 см; она более плотная, чем перекрывавший ее поддерновый слой;

— плотная осуглиненная супесь с небольшими рыже-бурыми округлыми пятнами от вертикально стоявших растений (рогоза, камыша, кустарника) — 10—15 см;

— серо-коричневая осуглиненная супесь с ортшейнами и ортзандами — 15—20 см;

— материк — серо-желтый суглинок и песок с ортзандами.

Несколько иная литология зафиксирована в наиболее низком, юго-западном углу раскопа, что обусловлено процессами заболачивания прибрежной части поселения. Здесь под дерновым слоем шел буро- и темно-коричневый торф мощностью 20—25 см, подстилаемый в нижней части песком, под которым находилась желто-серая супесь толщиной 10—20 см.

В 1996 г. стоянка исследовалась вновь [9]. К ранее вскрытому участку был прирезан новый, площадью 56 кв. м. Таким образом, общая раскопанная часть памятника составила 112 кв. м. Стратиграфия вскрытого участка повторила стратиграфию раскопа 1995 г., незначительно варьируя в мощности слоев.

Четких остатков строительных и хозяйственных конструкций не обнаружено. Принятое в 1995 г. за край жилищного котлована эпохи бронзы небольшое понижение, «читавшееся» в профиле одной из стенок раскопа, оказалось всего лишь западиной древней поверхности.

Общее количество артефактов, собранное за два сезона, исключая отходы производства и зоофакты, составило чуть более пяти тысяч единиц.

Керамика

Культурный слой, залегающий в различных литологических горизонтах (которые указывали на различные временные отрезки заселения памятника), стратиграфически не был расчленен стерильными прослойками, поэтому одновременные материальные остатки залежали вперемешку. Степень перемешанности была различной в разных пунктах раскопа, но статистические подсчеты по глубинам массовой категории находок керамики (4899 экз. плюс восемь развалов сосудов) в целом отражают культурно-хронологическую стратиграфию Сахтышского микрорегиона.

На глубинах до отметки –30 см зафиксирован пик встречаемости фрагментов сосудов эпохи раннего железного века со слабопрофилированными стенками, плоскими днищами (округлых практически нет) и сетчатой поверхностью, украшенной редкими рядами ямчатых вдавлений и «жемчужинами».

Черепки представлены 274 экз. Часть из них относится к двум сосудам. Один был крупных размеров, имел сетчато-штрихованную поверхность.

Под венчиком — ряд «жемчужин» и округлых ямок, между ними — два ряда тычковых вдавлений. Редкие ямки имелись и на тулове сосуда. Примесь к глине — обильная крупная дресва. На внутренней поверхности — четкие следы обработки крупнозубчатым орудием. Большинство обломков от этого сосуда было найдено на глубине 20—25 см. Отдельные фрагменты встречались и на других глубинах.

Второй сосуд эпохи раннего железа был меньших размеров, имел более выпуклые стенки. Под его венчиком шел ряд «жемчужин» и округлых ямок между ними, ниже — зубчатый орнамент в виде параллельных горизонтальных полос и зигзага между ними. По тулову сосуда располагались редкие ряды округлых ямок. Внешняя поверхность имела следы легкой штриховки (заглаживания). Основной примесью была крупная обильная дресва. Большинство черепков этого сосуда, как и первого, было встречено на глубине 20—25 см.

Наибольшая массовость находок керамики эпохи бронзы наблюдалась чуть ниже, до отметки –35 см, где собрано почти 795 из 1035 фрагментов (77 %), а также обнаружены четыре развала сосудов (около 380 обломков).

Типологически вся керамика эпохи бронзы распадается на три группы: ложнотекстильную, абашевидную (чирковско-сейминскую) и фатьяноидную (рис. 1). Наиболее представительна коллекция абашевидных черепков. Ложнотекстильных и фатьяноидных найдено значительно меньше. Наконец, чуть более половины фрагментов этого периода — 204 экз. — сильно измельчены и неорнаментированы, что не позволяет достаточно точно определить их культурную принадлежность.

Фатьяноидная керамика наиболее тонкостенна и изящна, с мелкой минеральной примесью (или песка, или сильно измельченной дресвы) и с богатыми шнуровыми, зубчатыми и тычковыми орнаментами. Из двух графически реконструируемых сосудов один сравнительно небольшой, округлодонный, с невысокой, слегка раструбной шейкой (рис. 2, 1). Диаметр его венчика составляет около 12,5 см, толщина стенок ровная — 5—6 мм. Орнамент на шейке выполнен четырьмя одиночными параллельными рядами отпечатков шнура, а по тулову — зубчатым штампом в виде взаимопроникающих заштрихованных ромбов. Обломки от этого сосуда были собраны на двух горизонтах — 15—20 и 20—25 см.

Фрагменты второго фатьяноидного сосуда были рассеяны на большей площади и в целом залежали чуть ниже — на глубинах 20—25 см и 25—30 см. Он имел S-видный профиль и шаровидное тулово со слегка уплощенным днищем (рис. 2, 3). Диаметр горла — около 17 см, толщина стенок колеблется в пределах 5—6 мм. Примесь — мелкая дресва. Орнаментация выполнена отпечатками очень тонкого шнура, идущими в три параллельных ряда по краю венчика, и тонкого мелкозубчатого штампа, которым орнаментировано $\frac{3}{4}$ тулова сосуда. Орнаментальная композиция состоит из горизонтального (волнообразного) пояса оттисков короткого зубчатого штампа, расположенного под отпечатками шнура. Ниже идут три трехрядных горизонтальных зигзага, затем два горизонтальных ряда из вертикальных коротких зубчатых отпечатков. И завершает композицию еще один трехрядный горизонтальный зубчатый зигзаг. Срез венчика этого сосуда, как и первого, украшен косыми гребенчатыми оттисками.

Абашевидная керамика представлена обломками сосудов с зубчатой орнаментацией и примесью крупной дресвы; толщина стенок составляет 5—7 мм.

В квадратах 7 и 8 на глубине 21—25 см был обнаружен компактный развал абашевидного сосуда (отдельные его фрагменты найдены в квадратах 1 и 2 на глубине 20—25 см и в квадрате 3 на глубине 25—30, а также в первом шурфе 1994 г.). Сосуд имеет достаточно высокую раструбную шейку и полуяйцевидное тулово с приостренным дном (рис. 2, 4). Диаметр устья и высота самого сосуда почти одинаковые, около 30 см. Примесь — обильная крупная дресва, причем плохо промешанная. Обжиг сильный. Шейка и плечики ангобированы и имеют не ярко-желтый цвет. Низ сосуда шероховатый, темного цвета с серыми пятнами. Толщина стенок варьует от 6 до 8 мм.

Сосуд орнаментирован в верхней трети оттисками тонкого зубчатого штампа. Композиция орнамента проста — ритмичное чередование горизонтальных поясов, составленных из косо поставленных коротких отпечатков, прямых сплошных (двух-трех) линий и двух- или трехрядных зигзагов. Срез венчика украшен косыми гребенчатыми оттисками, образующими зигзаг.

Ложнотекстильная керамика менее выразительна, но хорошо узнаваема, а порой мало отличима от посуды раннежелезного века. Она также относительно тонкостенна (6—7 мм), с примесями песка или дресвы, хорошего обжига и грязно-желтых расцветок. Изготовлена достаточно грубо, внешняя поверхность часто имеет сетчатые отпечатки, поверх которых нанесен несложный орнамент в виде простых рядов ямчатых вдавлений, иногда в сочетании с оттисками короткого гребенчатого штампа. На единичных обломках, главным образом венчиков, под срезом располагается одиночный пояс «жемчужин» (негативы глубоких ямочных вдавлений с внутренней стороны).

Волосовская керамика — 198 обломков. Больше всего ее встречено на глубинах 25—30 см. В слое обломки залежали рассеянно или небольшими скоплениями. Черепки в большинстве своем мелкие, особенно из верхних пластов. Все они пористые, с органическими примесями. Толщина стенок — 7—12 мм. Преобладает зубчатый орнамент, среди которого sporadически встречаются рамчатые отпечатки. Из орнаментальных композиций наиболее распространены вертикальные зигзаги (рис. 3). Типологически эта керамика может быть отнесена к развитому и позднему этапам волосовской культуры.

Протоволосовская керамика — 20 экз. Она сравнительно немногочисленна и представлена обломками стенок с ямчатыми и короткими гребенчатыми вдавлениями. Основные примеси к глине — песок, дресва, мелкая раковина. Последняя выщелочена и просматривается на поверхности обломков в виде неглубоких пустот с плоским дном. На внешней поверхности некоторых черепков имеются следы заглаживания. Если сравнивать их с классической протоволосовской керамикой стоянки Ивановское II, то отличия разительны как по гамме орнаментов, так и по количеству черепков¹.

Льяловская керамика — самый представительный комплекс в коллекции. По особенностям орнаментации и технологии изготовления она распадается на две неравные группы: с редкоямочным и ямочно-гребенчатым орнаментами. Обломки встречались на всех глубинах, но больше всего в интервале отметок –25 — –45 см.

¹ На той же стоянке Ивановское II, только во втором раскопе на болоте площадью 188 кв. м, было собрано 2966 экз. протоволосовской посуды. Это, пожалуй, одна из представительных среди опубликованных и документированных коллекций, собранных на территории Волго-Клязьминского междуречья [8].

Редкоямочная керамика, относящаяся к позднему этапу развития льяловской культуры, представлена 428 экз. Она залегала в слое разрозненно. Больше всего ее встречено на глубинах 30—35 и 40—45 см. Все обломки имеют примесь мелкой дресвы и песка. Толщина стенок — 6—7 мм. Орнамент выполнен округлыми или овальными ямками и представляет собой разреженные горизонтальные пояса, в которых ямки располагаются линейно или в виде зигзага, или носит усложненный геометрический характер из чередующихся ромбов и треугольников.

Ямочно-гребенчатая керамика — 2559 экз. — встречалась по всей площади раскопа и толще культурного слоя, но наибольшая ее часть отмечена на глубинах 30—35 см. По орнаментации и по примесям эта группа керамики довольно разнообразна (рис. 4). Примеси все минеральные — дресва или песок, однако их плотность и крупность в тесте сильно колеблются. Толщина стенок варьирует от 6 до 10 мм. По характеру рисунков ямочно-гребенчатая керамика разделяется на следующие группы:

- с однообразным ямочным орнаментом;
- ямочным орнаментом, разделенным поясами оттисков наклонного или вертикального гребенчатого штампа;
- ямочным орнаментом и поясами сплошного горизонтального зубчатого штампа;
- ямочным орнаментом в сочетании с поясами как наклонного (вертикального), так и горизонтального гребенчатого штампа;
- ямочным орнаментом, перекрытым ромбической решеткой, составленной из гребенчатых оттисков;
- гребенчато-ямочным орнаментом, где ряды ямок служат разделительными зонами между частыми рядами наклонного или вертикального гребенчатого штампа.

Преобладают два первых типа орнамента: обломки с поясами из наклонной или вертикальной гребенки представлены 948 экз., а фрагменты только с ямочным орнаментом — примерно 700 экз.

На границе квадратов 6 и 9 на глубине от 34 до 40 см шло мощное скопление ямочно-гребенчатой керамики (около 300 фрагментов); отдельные черепки встречались и ниже, до отметки –50 см. При разборе скопления выяснилось, что все они принадлежат развалам трех сосудов, имевших крупные размеры и, скорее всего, полуяйцевидную форму.

К первому сосуду относятся 102 обломка с орнаментом из 2—3 рядов белемнитных ямок, чередующихся с одиночными поясами наклонного гребенчатого штампа (рис. 5). Второму сосуду принадлежало 67 черепков. Его орнаментация состояла из 6—7 рядов глубоких ямок, разделенных поясами наклонного мелкозубчатого штампа. К этим двум сосудам относятся еще 90 мелких фрагментов, орнаментированных только ямками.

От третьего сосуда сохранилось всего 42 черепка (главным образом верхней части) с гребенчато-ямочной орнаментацией и обильной примесью дресвы, причем использовалась не гранитная дресва, а кварцитовая. Отдельные фрагменты от этого сосуда были найдены в разбросе.

Льяловская керамика стоянки Сахтыш X, несомненно, относится к различным периодам развития культуры, однако значительная фрагментарность и перемешанность в культурном слое не позволяют с большей долей уверенности разделить ее на хронологические фазы. Затруднительно это сделать и статистически.

Обломки верхневолжской посуды в коллекции представлены 412 черепками, которые были сильно «распылены» по вертикали. Больше всего их встречено на двух горизонтах: 25—30 и 30—35 см. Примерно одна треть собрана в нижележащих пластах. На этом в целом сравнительно небольшом материале не выявляется какой-либо строгой закономерности в ее распределении по глубинам.

Преобладают мелкие неорнаментированные обломки, а также фрагменты, украшенные различными видами зубчатого штампа, относящиеся к позднему периоду развития верхневолжской культуры (рис. 5).

Большая часть керамики орнаментирована длинным зубчатым штампом (в том числе пунктирным). 57 обломков не имеют никакого орнамента. Остальные фрагменты украшены преимущественно короткозубчатыми оттисками и тычковыми вдавлениями. На трех черепках встречен прочерченный орнамент. Полностью отсутствует ложношнуровой.

Основные примеси к глиняному тесту сосудов — шамот и мелкий песок в различных вариациях.

Таким образом, как и на всех многослойных памятниках сахтышского комплекса, включающих неолитические слои, доминирует керамика льяловской культуры, составляющая более половины (58,9 %) от общего числа найденных черепков. На втором месте стоит керамика эпохи бронзы (21,1 %), далее идут верхневолжская (8,4 %), керамика эпохи раннего железа (5,0) и волосовская (4,0 %). Менее 1 % приходится на долю обломков протоволосовской посуды.

Типологически и морфологически все эти керамические комплексы аналогичны материалам, известным по раскопкам соседних многослойных стационарных поселений Сахтыш I, II и VIII², часть жителей которых, очевидно, селилась здесь (на Сахтыше X) на время сезонной охоты или рыбной ловли. Хотя не исключено, что в эпоху поздней бронзы на Сахтыше X было некое подобие стационарного поселения. На это как будто бы указывает, с одной стороны, относительное обилие керамической посуды того времени, а с другой — многочисленные столбовые ямки на поверхности материка, прорезавшие неолитические отложения. Правда, что-то «сконструировать» из-за их хаотичного расположения невозможно.

Поделки

Поделок из глины пять. Это — обломанный грузик подпирамидальной формы с уплощенной верхушкой диаметром 4,5 см и вогнутым основанием, со сквозным отверстием диаметром 5 мм (рис. 7, 1). Вторая поделка — обломок дисковидного предмета (крышки?) толщиной 7—10 мм с одной слегка вогнутой стороной, диаметром около 10—11 см, с примесью мелкой органики. Обломками представлены также неопределимая поделка (ручка?) и крохотный диск из стенки горшка, лишенного рисунка.

² К сожалению, результаты исследования базовых сахтышских поселений в научной печати освещены частично. Отдельными статьями в полном объеме изданы лишь материалы Сахтыша III и VII [1, 10, 11]. Информационно были представлены находки с Сахтыша I и II [3, 4, 5]. Как отдельные комплексы опубликованы: неолитический верхневолжский Сахтыша VIII [6] и керамические артефакты эпохи бронзы Сахтыша I и II [2]. Прочие публикации посвящены отдельным находкам и ритуально-погребальным объектам сахтышских памятников (ввиду их многочисленности ссылаться на них не будем).

Единственный целый глиняный артефакт — керамический тигель миниатюрной формы с округлым донцем; изготовлен из глины без видимых примесей, толщина стенок не превышает 3 мм, обжиг сильный, цвет черный, высота составляет всего 2 см, а диаметр по венчику — 2,5 см (рис. 8, 1).

Единственным предметом, изготовленным из железа, является поясная (или подпружная) пряжка с четырехугольной рамкой, без язычка. Правый торец на всю длину имел вид крюка. Подобные сахтышским аксессуарами нам неизвестны (рис. 7, 2).

Орудия труда и заготовки

Орудий труда, их обломков и заготовок за два года раскопок найдено всего 366 экз. Доминируют изделия, изготовленные на кремневых отщепках, осколках и нуклеидных кусках. Из них серийно представлены скребки (90), ножи (40), перфораторы (22), резцы (15), струги (5) и наконечники стрел (17).

Среди последних выделяются три целых экземпляра. Они треугольной формы, два из них полностью обработаны струйчатой ретушью по обеим плоскостям, а один — полностью со спинки и частично с брюшка, где мелкими фасетками подправлены лишь острие и основание. Два относятся к так называемым башнеобразным (рис. 9, 1), третий — к «с вогнутым основанием» (рис. 10, 4).

Один наконечник представлен иволистной формой, он тонкий и узкий, двусторонне обработанный (рис. 10, 1). От второго подобного сохранилась только срединная часть. Прочие наконечники — листовидных очертаний, мелкие, двусторонне обработанные (рис. 10, 5; 11, 1, 3, 8; 12, 22; 13, 10). Чуть более половины найдены сломанными.

Аналогичную обработку (т. е. с двух сторон) имеет и небольшой наконечник дротика миндалевидной формы (рис. 11, 11).

Наиболее многочисленны и разнообразны скребки. Почти все изготовлены на отщепках, некоторые на сломанных орудиях (рис. 9, 3—5; 10, 6, 8, 11, 13—17, 19; 11, 2, 6, 7, 16—18, 20, 22; 13, 3, 5, 8, 11, 12, 14). Доминируют концевые, ретушированные одновременно по концу заготовки и одному из боковых краев. Формы лезвий различны: прямые, прямые скошенные, полудуговые и собственно дугвые. Выделяется небольшая группа дисковидных скребков относительно крупных размеров с краевой ретушью по периметру (рис. 13, 14) и мелких циркульных (рис. 10, 14). Их, по нашему мнению, следует считать раннеолитическими и смело связывать с верхневолжским керамическим комплексом. Особняком в коллекции «стоят» скребки почти правильной треугольной формы с тщательно обработанными сплошной ровной ретушью спинками и вторично подправленными высокими лезвиями (рис. 8, 17; 9, 4).

Перфораторы чаще всего с выделенными плечиками, двусторонне обработанные, хотя встречаются в единичных экземплярах и нечеткие формы с ретушью лишь на рабочем конце (рис. 8, 11, 12; 9, 9; 10, 7, 21, 23; 11, 10, 21). Абсолютно нет классических изделий с ретушированной с обеих сторон рукоятью и оформленными резцовыми сколами жал.

Струги изготовлены на узких высоких отщепках с полностью обработанными сплошной ретушью спинками или с ретушью только по вогнутым длинным краям, которые легко можно принять за режущие инструменты (рис. 8, 4, 5; 11, 4; 12, 8).

Одно орудие комбинированное — струг-резец (рис. 9, 7).

Почти все резцы — на углу сломанной заготовки, обычно нуклевидного куска, один — срединный (рис. 10, 12; 11, 15). Еще у одного сломанного изделия (наконечника стрелы) есть резцовый скол, но он чисто технического происхождения.

Заготовками для ножей служили тонкие пластинчатые отщепы. У них обычно со спинки приострен один из длинных краев, реже — оба (рис. 8, 14, 16; 9, 2; 10, 18; 12, 5, 19; 13, 5).

Прочие категории немногочисленны: скобели — 3 экз., обломок долота с вторичной обработкой из опокovidного кремня и топор. Последний — подпрямоугольной формы с двусторонней оббивкой и частичной шлифовкой (рис. 9, 8).

Кремневых орудий на ножевидных пластинках — 44 экз. Это — обломок перфоратора (рис. 8, 13); несколько фрагментов, по-видимому, черешков наконечников стрел, обработанных по краям крутой ретушью (рис. 12, 23; 13, 1); концевые скребки (рис. 10, 2, 9; 11, 6; 12, 1, 4; 13, 6, 16); один цельный концевой скребок в комбинации с ножом (рис. 12, 17); один резец (рис. 10, 10); пластинки с обработкой по краям и со следами от работы, служившие ножами или вкладышами (рис. 10, 24, 25; 11, 5, 9, 13, 14; 12, 24; 13, 4, 15); восемь сечений правильной огранки без обработки являлись потенциальными вкладышами.

Каменных орудий и поделок — 42 экз. Среди них: шлифовальные плитки и их обломки из розового и лилового песчаника; заготовка деревообрабатывающего орудия, грубо оббитого с двух сторон; обломок шлифованной заготовки (стамески?); зашлифованная с двух сторон маленькая подтреугольной формы плитка (заготовка подвески?); курант; небольшой камень со следами обработки; обломок шлифованного тесла (рис. 13, 13) и крупный продольный скол со шлифованного рубящего орудия.

Из орудий особый интерес представляет зубчатый штамп. Для него исходным материалом послужила сланцевая плитка грязно-зеленого цвета неправильной формы в плане. Она специально не обрабатывалась за исключением одного края, который примерно на треть его длины имеет поперечные надпилы, в результате чего образовались зубцы (рис. 11, 19).

Костяных и роговых орудий — 4 экз. Столь малое количество их объясняется тем, что кость в культурном слое памятника почти не сохраняется. Найденные изделия представлены крайне невыразительными обломками от двух неопределимых орудий, фрагментом обушковой части узкого рогового тесла (рис. 8, 9) и обломком многогранного узкого острия.

Наконец, последняя категория находок, использовавшаяся в качестве орудий (эрзац-орудий), но не отнесенная к типологически выраженным типам инструментария, — отщепы и осколки случайных форм с нерегулярной ретушью или следами сработанности по краям. Их в коллекции 81 экз.

Отходы производства и зоофакты

Кремневых отходов производства встречено около 500 экз. Доминируют бесформенные мелкие отщепы и осколки, нуклевидные куски и термические обломки из местного валунного кремня. Единичны ножевидные пластинки без видимых следов обработки или использования, ребристые пластины, резцовые сколы и нуклеусы (примерно 10 экз.). Последние небольших размеров, полностью сработанные, одноплощадочные,

подпризматической или подконической формы, с негативами снятия пластин или одновременно пластин и отщепов (рис. 9, 6; 13, 9).

К отходам производства также отнесены один скол с каменного изделия и пара небольших сколов со шлифованных орудий.

Костей млекопитающих обнаружено всего 176 экз. Более трети из них найдено в нижней свите культурного слоя. Все зоофакты очень плохой сохранности, сильно фрагментированы и практически недиагностичны. Отрывочно определить видовой состав охотничьей добычи удалось лишь по находкам нескольких зубов. Это — лось, медведь и кабан.

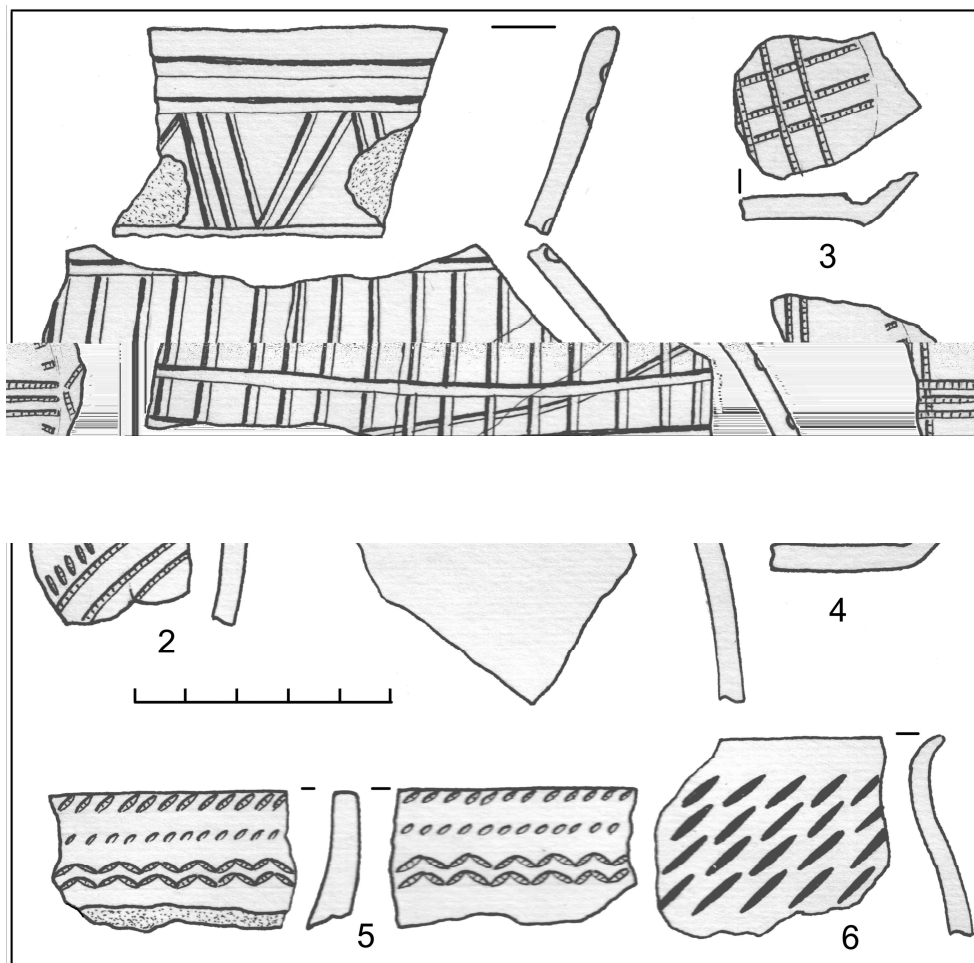

Рис. 1. Стоянка Сахтыш X. Керамика эпохи бронзы

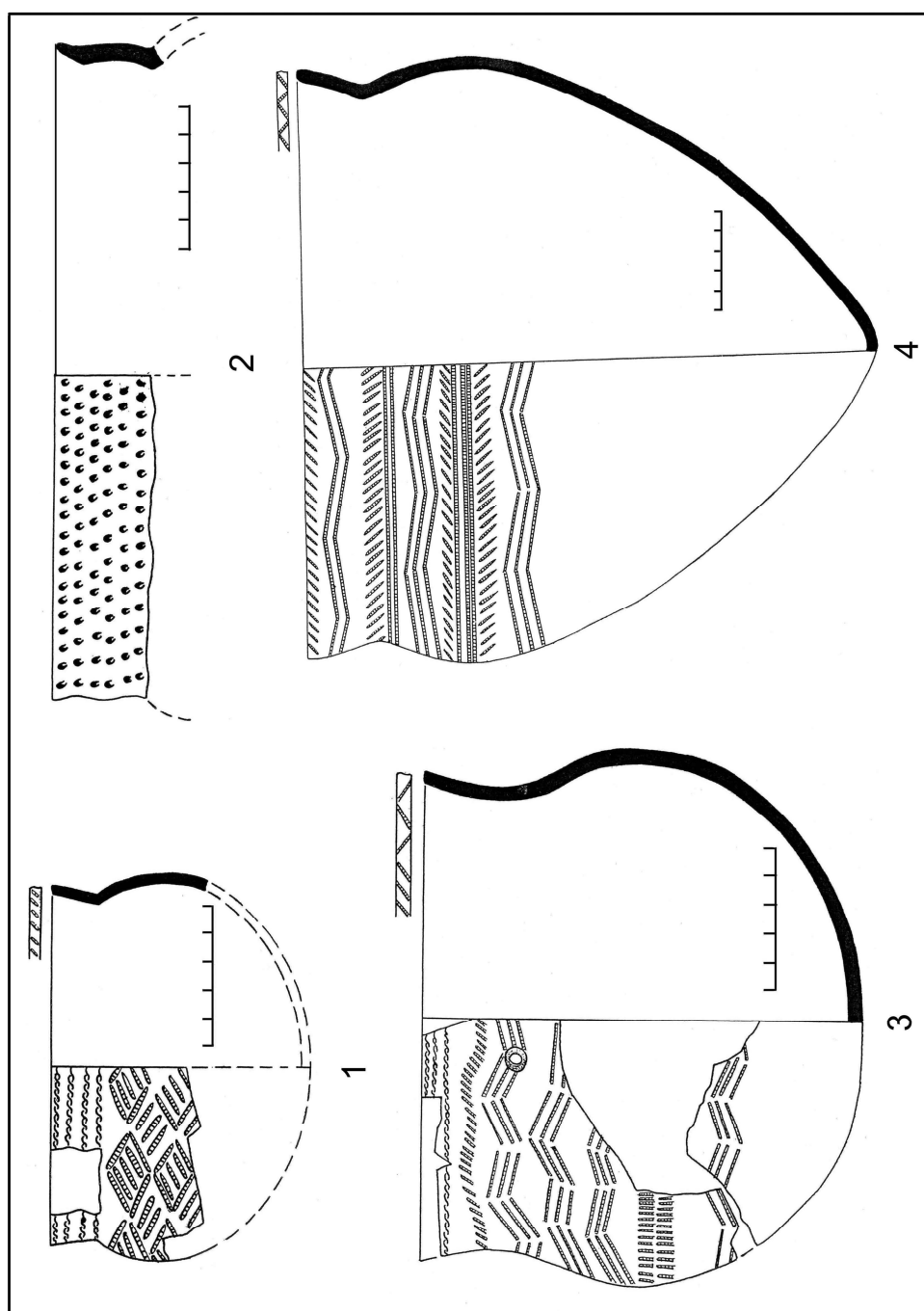

Рис. 2. Стоянка Сахтыш X. Сосуды эпохи бронзы

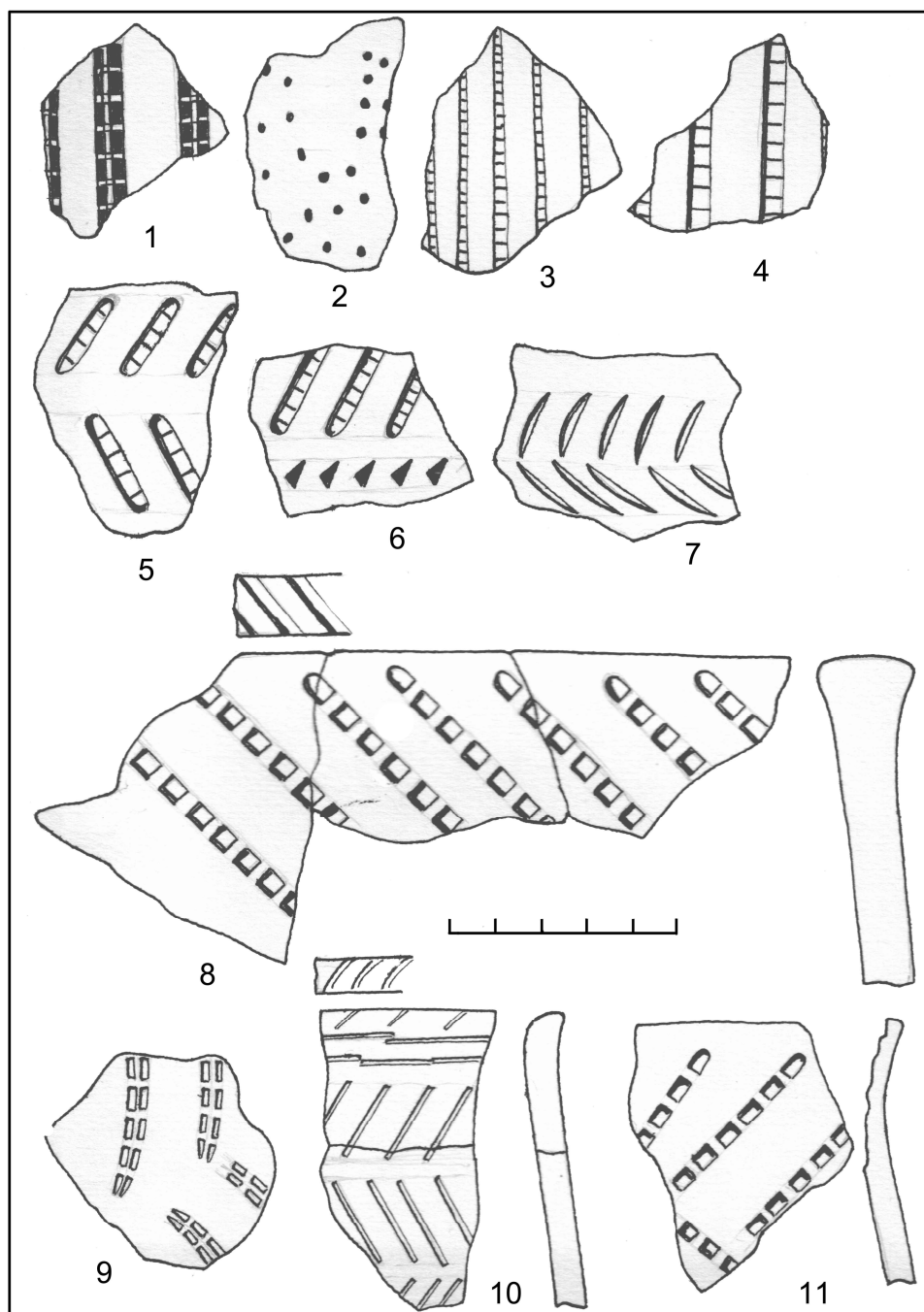

Рис. 3. Стоянка Сахтыш Х. Керамика волосовской культуры

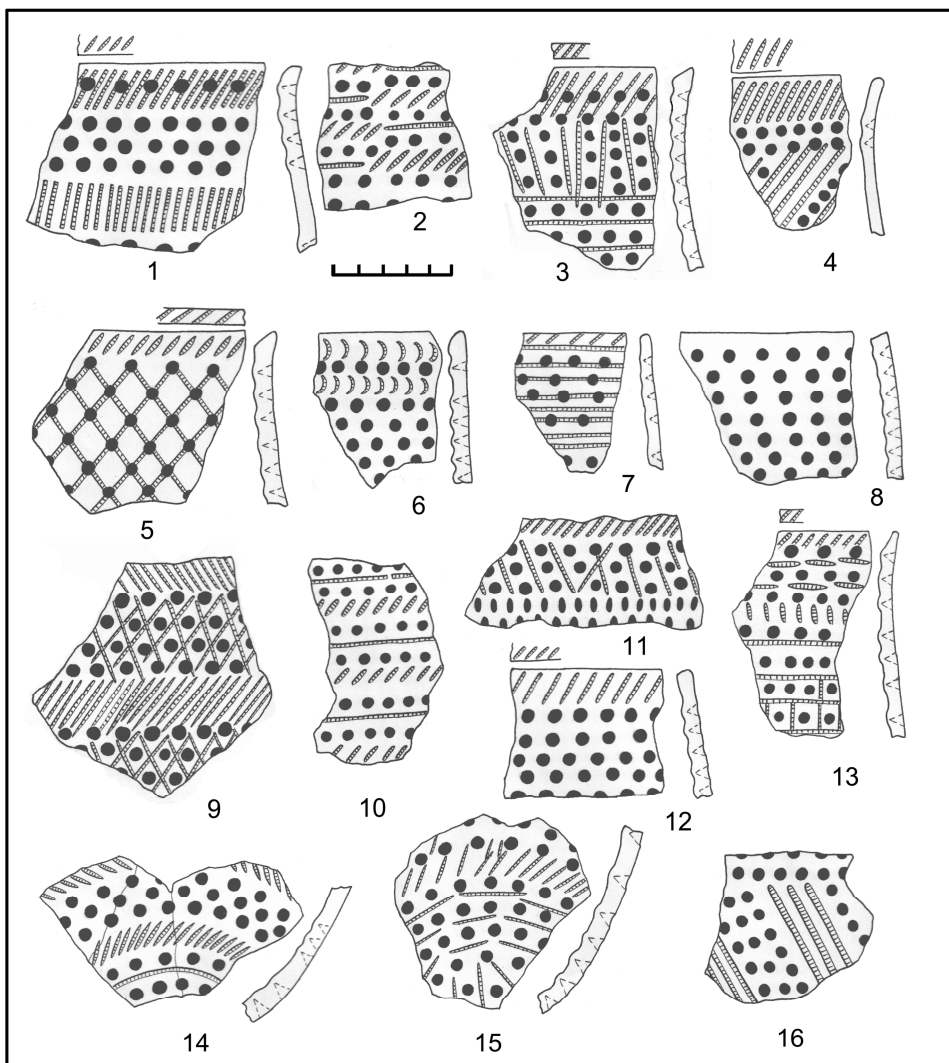

Рис. 4. Стоянка Сахтыш X. Керамика льяловской культуры

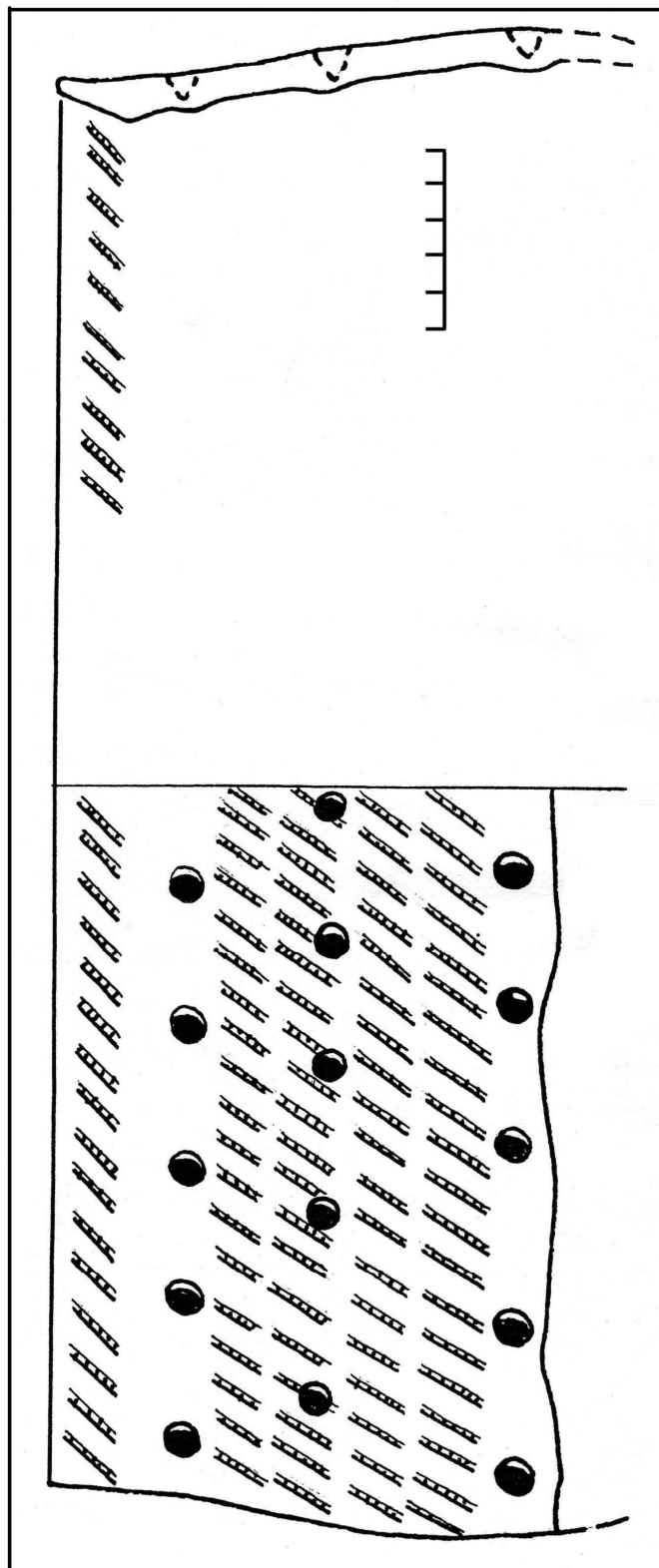

Рис. 5. Стоянка Сахтыш X. Графическая реконструкция верхней части развала сосуда льяловской культуры

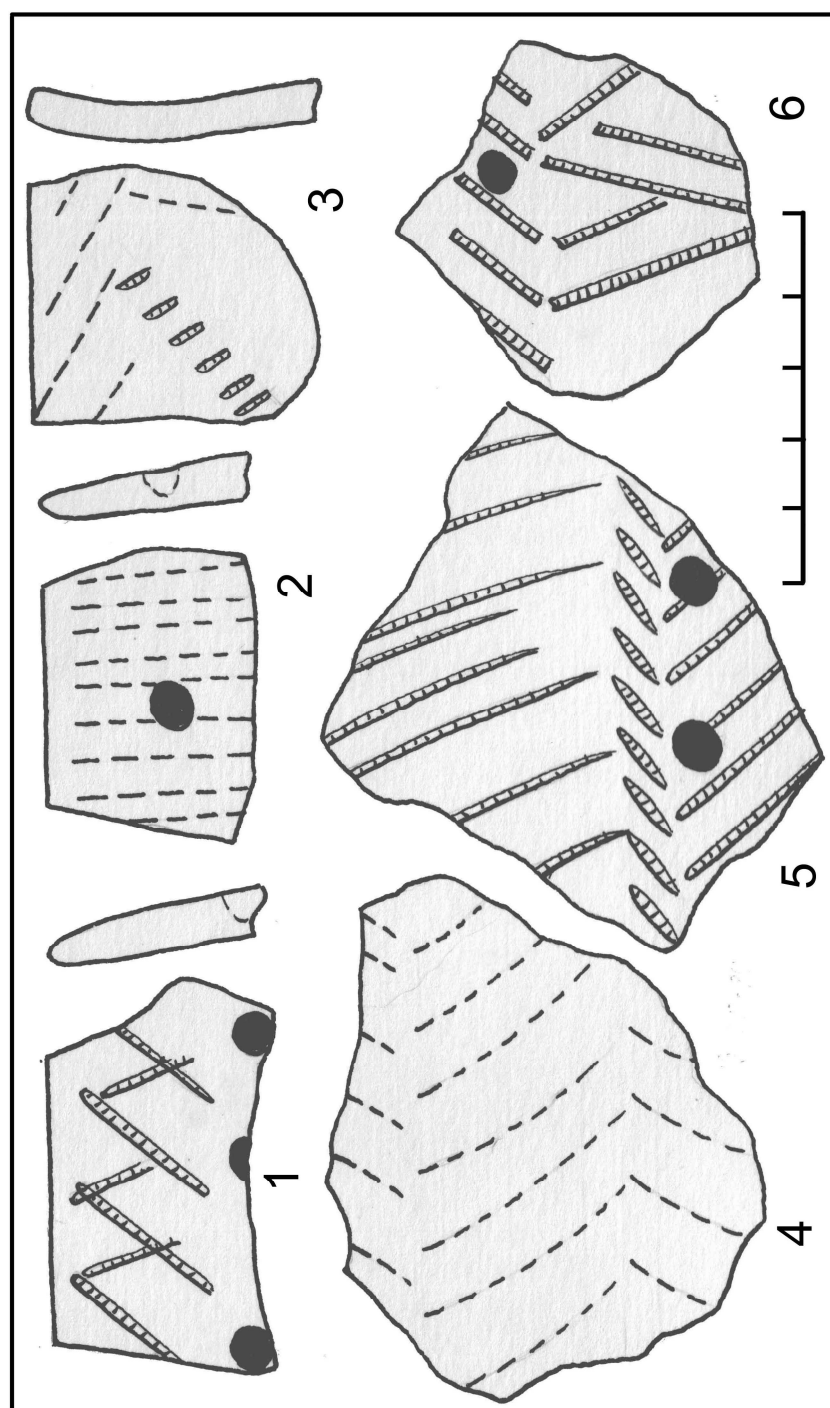

Рис. 6. Стоянка Сахтыш X. Керамика верхневолжской культуры

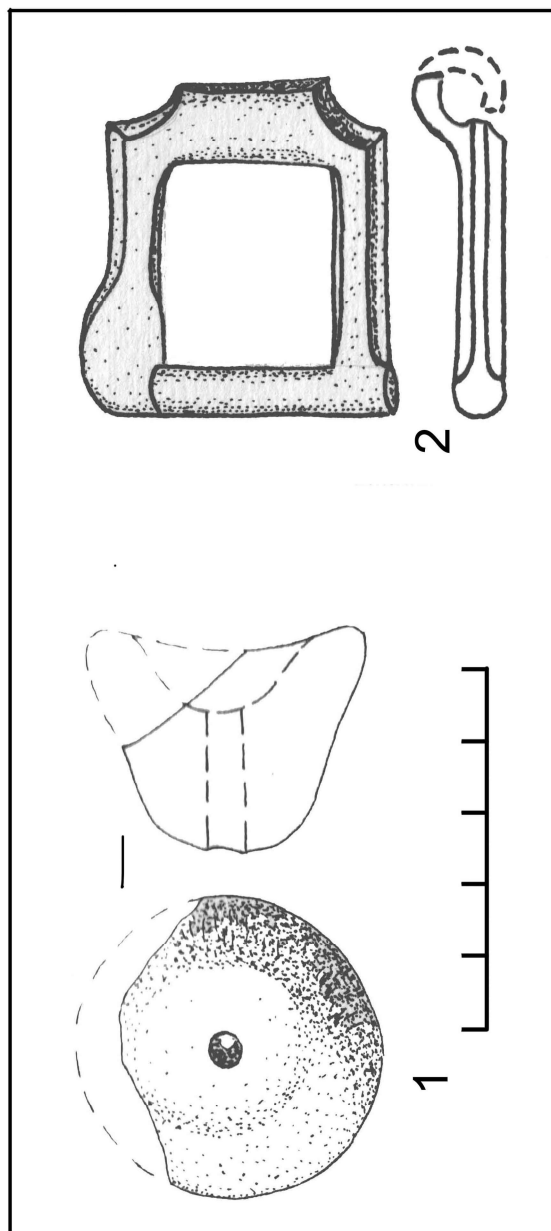

Рис. 7. Стоянка Сахтыш X: 1 — грузик (глина), 2 — пряжка (железо)

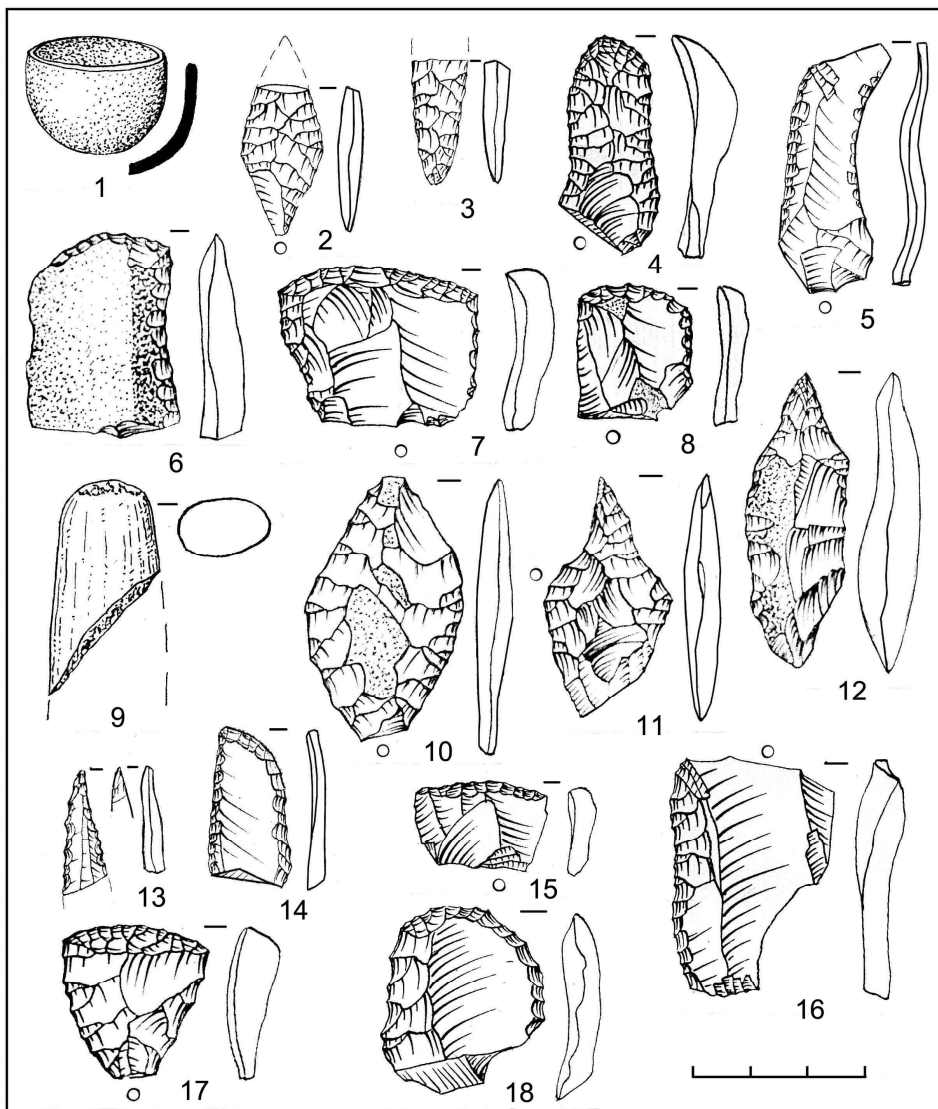

Рис. 8. Стоянка Сахтыш X. Поделки и орудия из глины (1), рога (9) и кремня (2—8, 10—18)

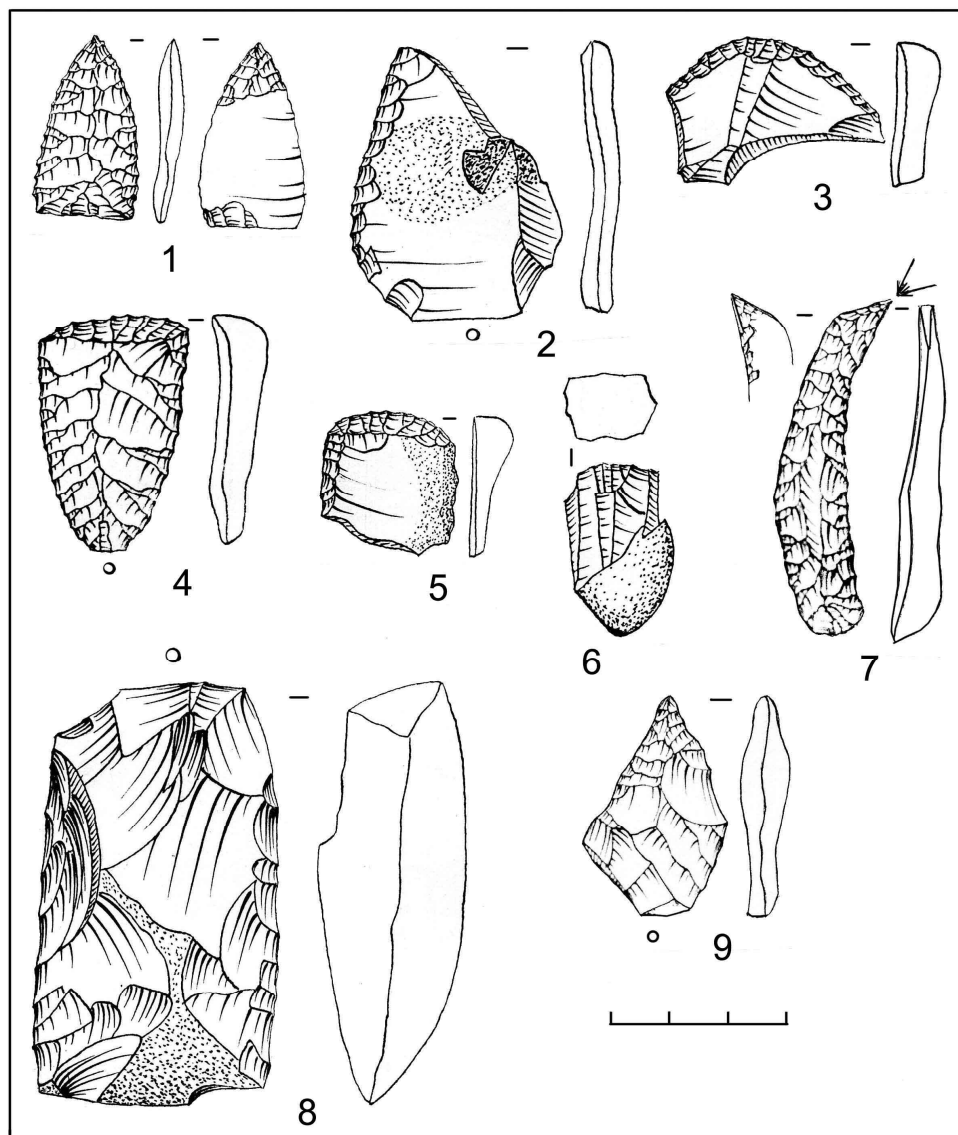

Рис. 9. Стоянка Сахтыш X. Нуклеус (6) и орудия из кремня

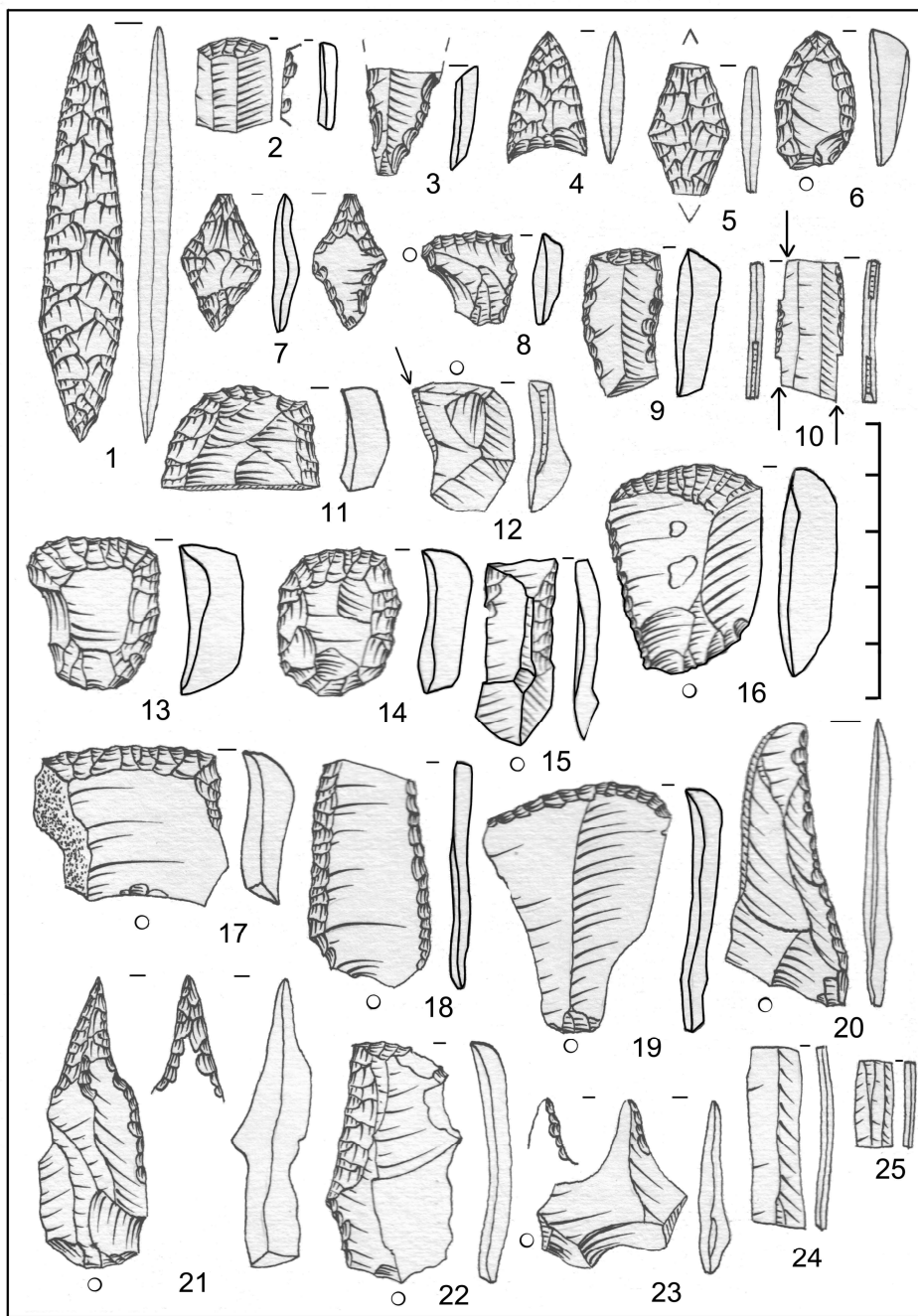

Рис. 10. Стоянка Сахтыш X. Орудия из кремня

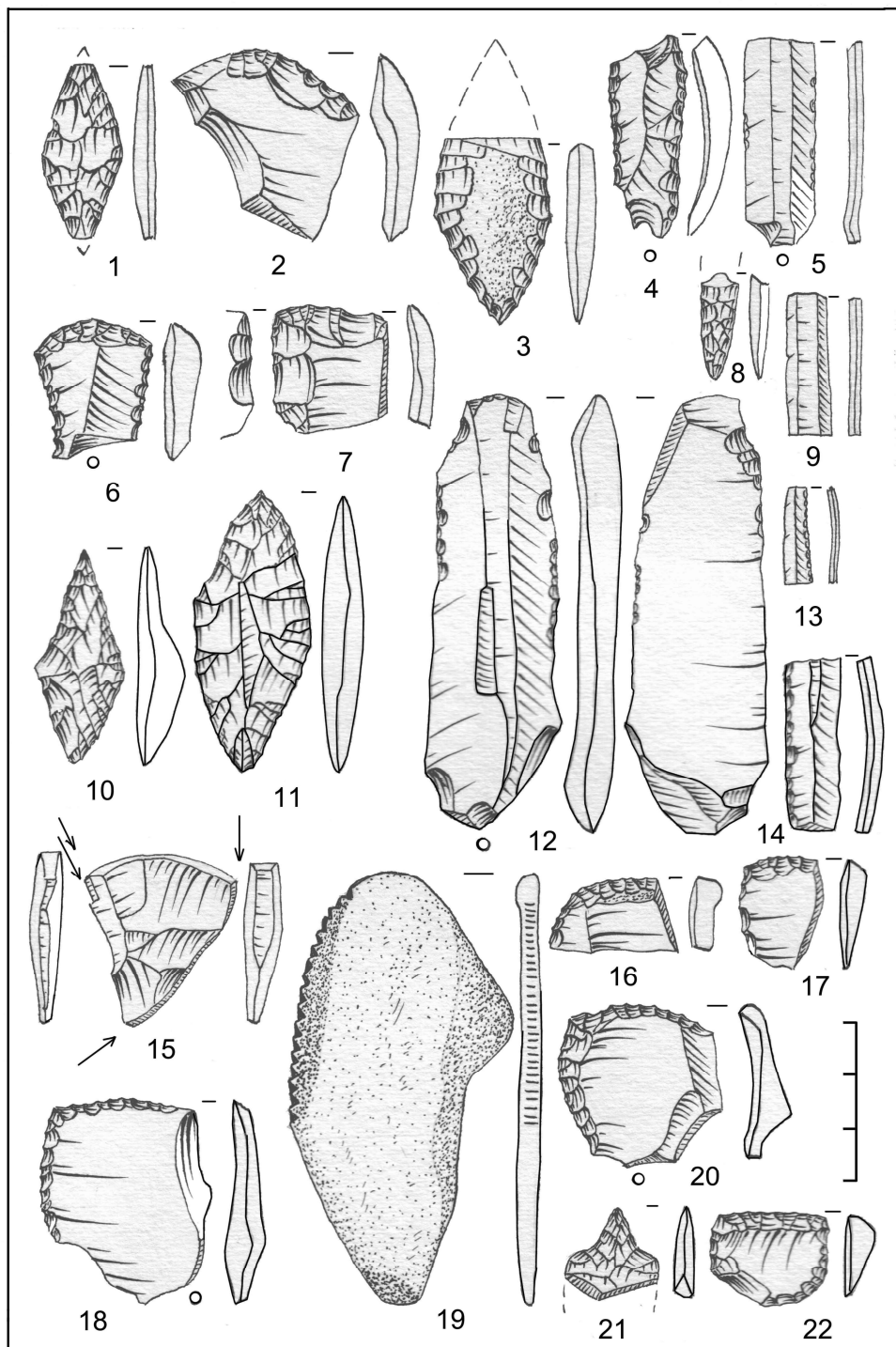

Рис. 11. Стоянка Сахтыш X. Орудия из сланца (19) и кремня

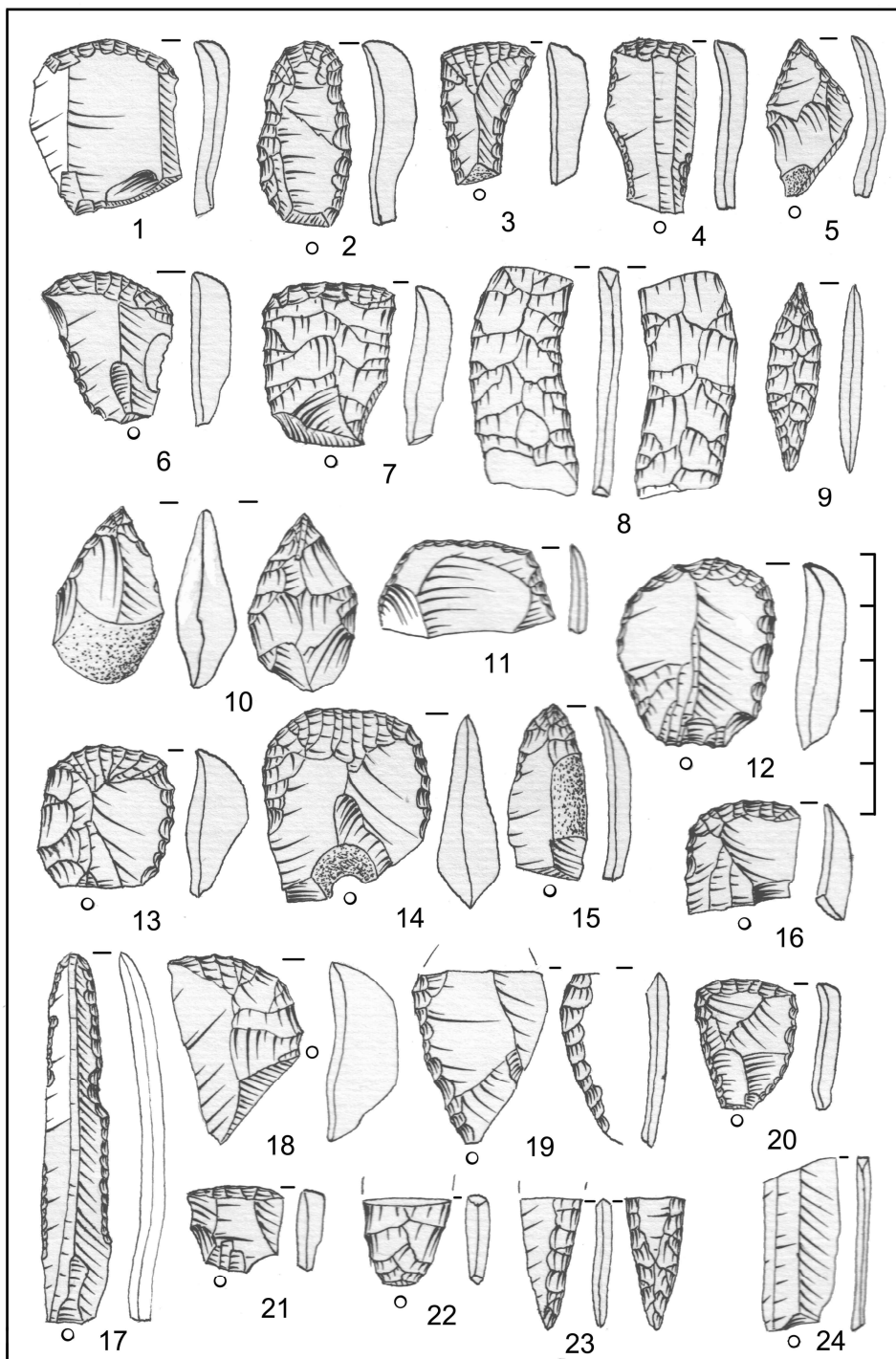

Рис. 12. Стоянка Сахтыш X. Орудия из кремня

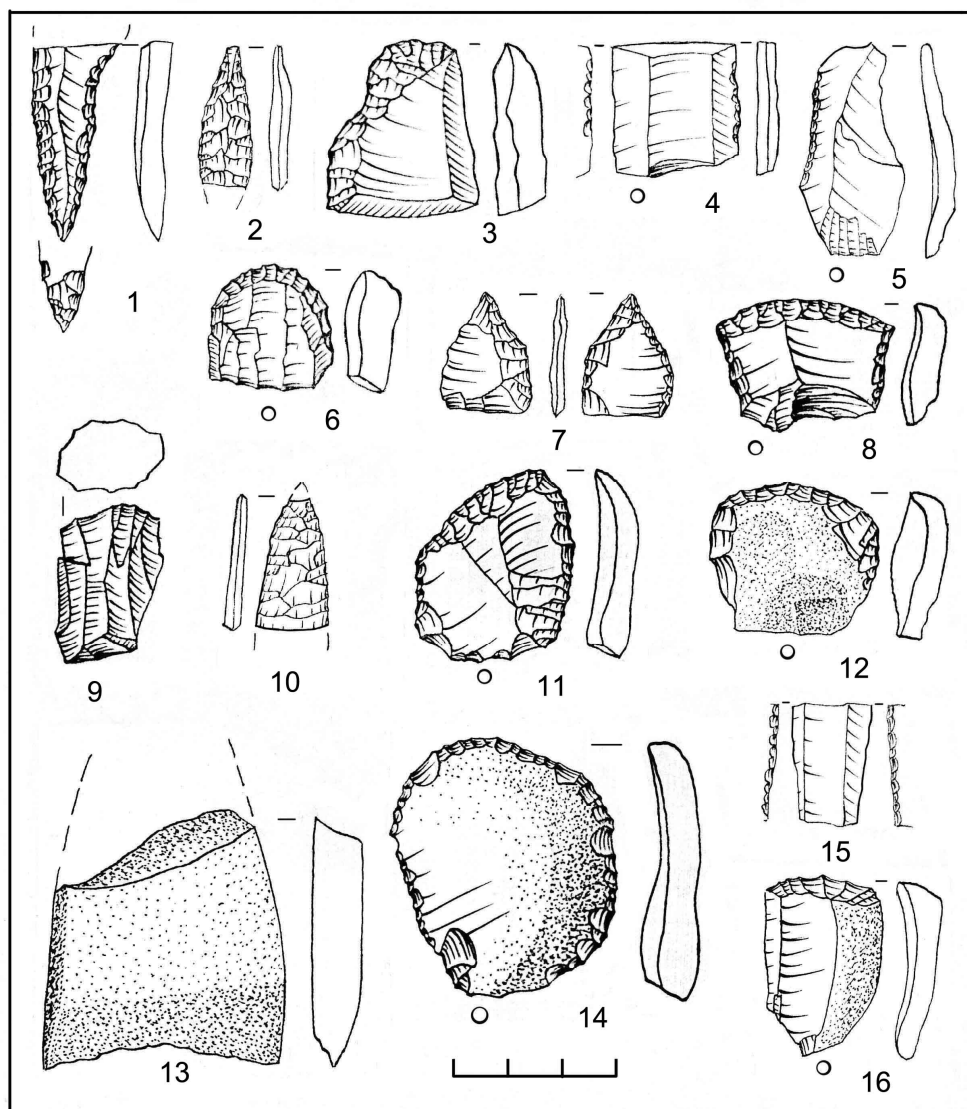

Рис. 13. Стоянка Сахтыш X. Орудия из сланца (13) и кремня

Заключение

Подведем краткий итог анализа материалов двухлетних раскопок памятника, как полевых, так и камеральных работ. Все данные свидетельствуют, что в неолитическое время и раннем периоде палеометалла здесь располагались кратковременные сезонные лагеря охотников и рыбаков, причем очень часто сменяя друг друга, возможно, ежегодно. Иногда на территории стоянок изготавливалась даже посуда (о чем свидетельствует упомянутый выше зубчатый штамп), не говоря уже об орудиях и их ремонте.

Несколько иная ситуация была в позднем бронзовом веке. Тогда на невысоком берегу Койки, при ее выходе из палеоозера, возникло подобие некоего стационарного поселения. По нашему мнению, на это указывают следующие факты: большое число ямок от непонятных столбовых конструкций, ушедших в массу своей в материковые отложения из верхней свиты культурных напластований; относительно серьезный процент обломков узнаваемой керамической тары, включая почти три полных развала сосудов; три наконечника стрел: два — башневидной формы, один — с вогнутым насадом; около полутора десятка скребков подтреугольной формы с тщательно сформованными встречной струйчатой ретушью спинками. Подобные кремневые артефакты хорошо известны в поздняяковских древностях Поочья, в частности в могильниках. Ни до, ни после этого времени они не встречаются.

Таковы наши видение и интерпретация материалов стоянки Сахтыш X.

Библиографический список

1. *Гадзяцкая О. С.* Стоянка Сахтыш VII // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 185. С. 82—88.
2. *Гадзяцкая О. С.* Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы: Волго-Клязьминское междуречье // Советская археология. 1992. № 1. С. 122—141.
3. *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // Краткие сообщения Института археологии. 1965. Вып. 100. С. 29—39.
4. *Дубынин А. Ф.* Стоянка Малый Островок на озере Сахтыш в Ивановской области // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 127—132.
5. *Костылёва Е. Л.* Остатки раннеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Вып. 177. С. 47—52.
6. *Костылёва Е. Л.* Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // Советская археология. 1986. № 4. С. 138—151.
7. *Костылёва Е. Л.* Раскопки стоянки Сахтыш X // Археологические открытия 1996 года. М.: Ин-т археологии РАН, 1997. С. 128.
8. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Неолитическая стоянка Ивановское II // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 4. С. 32—61.
9. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Исследования Сахтышских стоянок // Археологические открытия 1995 года. М.: Ин-т археологии РАН, 1996. С. 152—153.
10. *Костылёва Е. Л., Жилин М. Г., Уткин А. В.* Многослойная сезонная стоянка эпохи первобытности Сахтыш III // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Вып. 3. С. 58—64.
11. *Уткин А. В.* Многослойное поселение Сахтыш VII: раскопки 1991 года // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1992. Вып. 6. С. 17—33.

ББК 63.3(2Рос-4Ива)622

*В. С. Околотин***ОБСЛУЖИВАНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ****(июнь — декабрь 1941 г.)**

Статья посвящена организации деятельности Ивановского эвакуационного пункта с июля по декабрь 1941 г., анализу распорядительных документов, принятых Советом народных комиссаров, обкомом ВКП(б) и облисполкомом Ивановской области по продовольственному и медицинскому обеспечению эвакуантов, следовавшего транзитом, а также размещению его части на территории региона. Отражены особенности этого процесса, а также ход спасательной операции по вызволению беженцев с судов и барж, вмёрзших в лед на реке Волге в ноябре 1941 г. В статье использованы документы из особых папок фондов Государственного архива Ивановской области, которые ранее не публиковались.

Ключевые слова: эвакуационный пункт, организационно-распорядительные решения, транзит эвакуантов, размещение в области, спасательная операция, статистика пассажиропотоков, отзывы, воспоминания очевидцев.

The article is devoted to the organization of the Ivanovo evacuation center activities from July to December of 1941. Analyzed are the administrative documents adopted by the Council of people's Commissars, the regional party committee, regional executive committee of the Ivanovo region on food and medical support of the evacuees as well as their partial accommodation on the territory of the region. The article highlights the specifics of the process as well as the particulars of the rescue operation aimed at freeing vessels and barges frozen in the ice on the Volga river in November 1941. The article makes use of the documents from the special funds of the State archive of the Ivanovo region, which have not published earlier.

Key words: evacuation point, organizational and administrative decisions, the transit of evacuee population, accommodation in the area, rescue operation, statistics of passenger flow, reviews and memories of witnesses.

В конце июня 1941 г. на территорию Ивановской области стали поступать грузы из прифронтовой полосы, а также прибывать в большом количестве люди, покинувшие места постоянного проживания из-за угрозы оказаться в оккупации. Прежде всего, это жители Белоруссии, западных и северо-западных областей РСФСР, Карело-Финской республики. В своем большинстве они следовали транзитом через крупные железнодорожные узлы области, такие как Александров, Иваново, Владимир и Ковров, а также по реке Волге. В результате возникла острая необходимость обеспечения беженцев и эвакуированных продовольствием и медицинской помощью. Она оказалась настолько острой, что уже 28 июня 1941 г. облисполком принял организационно-распорядительное решение «Об обеспечении продовольствием и создании запасов продовольствия для обслуживания эвакуированного населения прифронтовой полосы» [1, ф. Р-1510, оп. 42, д. 5, л. 30].

На первых порах работу с беженцами и эвакуированным населением осуществлял переселенческий отдел облисполкома. Однако уже 8 июля

1941 г. облисполком, выполняя указание правительства, для обслуживания эвакуированных из прифронтовой полосы принял секретное решение № 4340 «Об организации в городе Иваново эвакуопункта». Для его размещения было передано здание начальной школы № 19, а также находившиеся на ее территории складские помещения. Постановление обязало начальника 3-го отделения Ярославской железной дороги Жидомирова в трехдневной срок очистить территорию подъездных путей в районе размещения эвакуопункта (Навалки). Начальником эвакуопункта был назначен М. Д. Кирьянов. Облздравотделу надлежало обеспечить эвакуопункт необходимым медхозимуществом, оборудованием и инвентарем как за счет специальных денежных фондов, так и местных лечебных учреждений. Из городского хозяйства эвакуопункту выделялись две полутонные машины. Начальнику Трансторгпита поручено организовать на эвакуопункте столовую с пропускной способностью 500 человек в час [там же, л. 36—37].

18 июля 1941 г. облисполком, выполняя постановление СНК СССР от 15 июля № 1869-840 сс, принял решение «Об организации временных баз для разгрузки бездокументарных грузов из прифронтовой полосы». Согласно решению такие базы организовывались в городах Иваново, Кинешма и Владимир. Для их организации председателям горисполкомов отводился один день с предоставлением права «мобилизовать помещения у железных дорог, пристаней и других организаций». Прием грузов предписывалось осуществлять комиссией во главе с начальником базы по акту с обеспечением их точного учета и хранения. О перечне грузов и их количестве надлежало один раз в пять дней сообщать в облплан, а последний обязан был информировать Госплан СССР. Председателям указанных горисполкомов разрешалось «передать скоропортящиеся продукты на сбытовые базы промышленности» для дальнейшей их реализации в «счет централизованных фондов» [там же, л. 55—56]. В соответствии с архивными данными временной базой во Владимире с 21 июля по 1 сентября 1941 г. было принято 739 вагонов разных грузов. Из них передано различным организациям в соответствии с инструкцией СНК СССР 418 вагонов, по нарядам — 80 вагонов, передано на ответственное хранение организациям города 74 вагона и 167 вагонов решено хранить на базе. На разгрузке бездокументных грузов в указанные сроки работали 3580 человек из числа городского населения [там же, д. 6, л. 120].

Работа эвакуопункта строилась на основании указаний центра, решений, принятых облисполкомом для их исполнения, а также под воздействием обстановки. Так, уже со второй половины июля 1941 г. ему пришлось размещать на территории области большие группы эвакуированного населения. Речь идет о жителях г. Ленинграда и Ленинградской области. 22 июля 1941 г. по предложению Наркомата текстильной промышленности СССР обком ВКП(б) и облисполком приняли совершенно секретное постановление «О размещении эвакуированных текстильщиков из г. Ленинграда и Ленинградской области по городам и районам области». Согласно его содержанию в области предстояло разместить 12 тыс. семей текстильщиков, для чего был разработан план их расселения в крупных фабричных центрах. Например, в Фурманове и Середском районе — 1085 семей, Кохме — 440, Шуе и Шуйском районе — 773, Вичуге и Вичугском районе — 1139, в Кинешме — 665, в Наволоках — 373, Гусь-Хрустальном — 525, Камешковском — 747, Собинском — 782, в Вязниках и Вязниковском районе — 1150, в Лежневском районе — 361 и т. д. [там же, ф. П-327, оп. 19, д. 12, л. 341—342].

Железнодорожный транспорт. Первые эшелоны с эвакуированными ленинградцами стали приходить на станцию Иваново-Сортировочная в конце июля 1941 г. Согласно плану расселения на станции Иваново-Сортировочная эшелоны разгружались или перенаправлялись на другие железнодорожные станции области. Так, по состоянию на 12 августа 1941 г. в Шую прибыли 3 эшелона с 512 семьями (1181 человек). Кроме того, в нее к родным и знакомым приехали самостоятельно 334 семьи общим количеством 1212 человек. Итого в Шую на указанную дату было учтено 846 семей из 2393 человек. Для районного центра такого количества оказалось достаточно. Об этом свидетельствует письмо предгорисполкома Баранова в облисполком, где говорится, что «в дальнейшем при назначении эвакуированных просим учесть то, что в предприятиях и учреждениях нашего города трудоустроить можем лишь эвакуированных, кои имеют квалификацию ткача, слесаря, токаря, шофера» [там же, ф. Р-130, оп. 1, д. 8, л. 3].

Многим ленинградцам, а также жителям других областей и республик в местах расселения из областного бюджета была оказана посильная материальная помощь. Она была распределена по 32 районам и первоначально варьировалась от 500 до 5000 руб. В зависимости от того, какой район получил большие ассигнования, можно судить о концентрации беженцев на его территории. Так, по 5000 руб. получили Родниковский и Селивановский районы, 4000 руб. — Шуйский горсовет, по другим районам они были значительно ниже. Исходя из того, что единовременное пособие на одну семью не должно было превышать 100 руб., можно говорить о крайней недостаточности таких ассигнований. С получением средств из союзного бюджета в размере 80 тыс. руб. исполком облсовета 29 июля 1941 г. принял новое решение «О распределении ассигнованных из союзного бюджета средств для оказания помощи эвакуированному населению». На этот раз большие ассигнования получили Вязниковский (6000 руб.), Середской и Меленковский (по 5000 руб.), Небыловский и Вичужский (по 4000 руб.) и Кинешемский (3500 руб.) районы [там же, ф. Р-1510, оп. 42, д. 5, л. 69—71].

Всего же в течение июля 1941 г. через станцию Иваново-Сортировочная, где был организован эвакуопункт, проследовали 210 эшелонов из 9013 вагонов, в которых находилось 229 904 человека, из них 81 656 детей [там же, ф. Р-130, оп. 1, д. 8, л. 43]. При эвакуопункте действовали: общежитие на 200 человек, столовая с пропускной способностью 1500—2000 человек в сутки (первоначально планировалось на 500 чел.) и больница на 50 коек. Там же находился пункт дежурства ответственных работников облисполкома, обкома ВКП(б) и Управления НКВД.

Из-за большой нагрузки при транзитном обслуживании эвакуированных возникали организационные сбои. Об этом свидетельствует совершенно секретное постановление бюро обкома ВКП(б) от 8 августа 1941 г. «О обеспечении питанием эшелона эвакуированных 2 августа 1941 года на ст. Иваново-Сортировочная». В нем говорилось, что следовавший 2 августа 1941 г. через ст. Иваново-Сортировочная эшелон с 2400 чел. из гор. Ленинграда, не был обеспечен продуктами питания, несмотря на то что простоял на станции 4½ часа (с 11 часов 30 минут до 16 часов). Директор головного буфета станции Иваново Мокин, знавший заранее о прибытии эшелона, не организовал подвоз продуктов и питание эвакуированных, проявив «нетерпимую безответственность к обслуживанию эшелона». Начальник эвакуопункта М. Д. Кирьянов также не принял всех мер к обеспечению питанием эвакуируемых, ограничившись

лишь извещением о прибытии эшелона директора буфета Мокина. В результате ленинградцы смогли получить обед лишь на станции Новки и после вмешательства в это дело со стороны обкома ВКП(б).

Этот факт получил резкое осуждение со стороны обкома ВКП(б), а Мокин, М. Д. Кирьянов и руководители других организаций, связанных с обслуживанием эвакуированных, были предупреждены о недопустимости повторения подобных срывов, иначе «к ним будут приняты более строгие меры партийного и административного воздействия». Одновременно обком ВКП(б) обязал «зам. председателя исполкома облсовета т. Грубова, зав. облторготделом т. Владимирова и директора Ивпищеторга т. Гречина принять все необходимые меры к своевременному обеспечению питанием проходящих эшелонов с эвакуированными» [там же, ф. П-327, оп. 7, д. 21, л. 88—89].

В августе 1941 г. в область стали прибывать крупные партии эвакуированных уже из Центральной России. Об этом свидетельствует совершенно секретное постановление «О размещении семей руководящих работников западных районов Московской области», принятое бюро обкома ВКП(б) и облисполкома 1 августа 1941 г. [там же, л. 73—74]. Для них были выделены различные помещения в Палехском, Середском и Вязниковском районах. Соответствующим райкомам ВКП(б) вменялось в обязанность «организовать торговлю для обслуживания эвакуированных продуктами питания и предметами первой необходимости» [там же, л. 74].

При расселении эвакуированных, как и при обеспечении людских потоков, следовавших транзитом, нередко возникали различные проблемы. В результате 19 августа 1941 г. бюро обкома ВКП(б) было вынуждено принять совсекретное постановление «О работе с семьями эвакуированных». В нем отмечалось, что прием и расквартирование семей эвакуированных в большинстве районов области проходит удовлетворительно. Все эвакуированные, следовавшие через станцию Иваново, обеспечивались бесплатным питанием и необходимой медицинской помощью, а также проходили санитарную обработку. Большинство прибывших посланы на работу, а особо нуждающимся оказывалась материальная помощь. Для проведения массово-политической работы среди эвакуированных выделены агитаторы и беседчики.

Вместе с тем бюро обкома ВКП(б) отмечало, что в некоторых городах и районах области имеются серьезные недостатки. Так, в Приволжске Середского района и Вязниках не было принято необходимых мер к обеспечению эвакуированных постельными принадлежностями, домашним и кухонным инвентарем. В колхозах Селивановского района эвакуированные несвоевременно были обеспечены продуктами питания. В районах не торопились в устройстве эвакуированных на работу и в использовании их по специальности, а также в приеме детей в детские учреждения [там же, л. 136].

На основании изложенного был намечен перечень мер по улучшению бытовых условий эвакуированных, прежде всего за счет уплотнения жилого фонда предприятий, коммунальных и частных квартир. В колхозах области было предложено организовать выдачу натуральных авансов эвакуированным в счет их трудодней. Облторгу предложено «организовать продажу семьям эвакуированных за счет рыночного фонда верхнего платья, мануфактуры, белья, обуви и предметов первой необходимости, кухонной посуды, кроватей и другого домашнего имущества». Переселенческому отделу исполкома было предложено усилить руководство работой по размещению эвакуированных в районах области и произвести перераспределение эвакуирован-

ных по районам области, освободив от некоторого числа эвакуированных перенаселенные районы. Также ему надлежало «учитывать всех эвакуированных по специальностям и принять меры к использованию по их специальности» [там же, л. 137—138].

Существовавшие недостатки при обслуживании транзитных эшелонов в августе удалось устранить. Да и количество эшелонов в этот период значительно сократилось. Так, в течение августа через станцию Иваново-Сортировочная проследовали 69 эшелонов из 1874 вагонов, в которых ехали 55 161 человек, в том числе 11 833 ребенка [там же, ф. Р-130, оп. 1, д. 8, л. 43].

Сохранились отзывы о работе эвакуопункта. В частности, добрые слова высказали: старший командир Левашев 1 августа 1941 г.: «От имени бойцов и командиров военно-морского флота выносим искреннюю благодарность медицинскому персоналу, отлично обслуживающему во время проезда, что мы не имели на всем протяжении пути» [там же, л. 17]; капитан 3-го ранга Хован 10 августа: «На всем протяжении длительного пути это первая станция, где мы столкнулись с культурой медицинского обслуживания. Хочется, чтобы в дальнейшем здесь сохранилась эта здоровая инициатива. По поручению бойцов и командиров приношу глубокую благодарность» [там же, л. 18]; начальник эшелона из Каунаса 21 августа: «Выношу глубокую и сердечную благодарность эвакуобюро г. Иванова от эвакуированных из г. Ориенбаума за чуткое и сердечное отношение к нашим детям и женам красноармейцев» [там же, л. 18]; начальник эшелона № 8/180 Штерн: «Выражаю благодарность от коллектива эшелона эвакуопункту Ивановского облисполкома за хорошее обслуживание эшелона в количестве 500 человек взрослых и 600 человек детей. Желаем продолжать такую же организационную работу» [там же, л. 17]; зам. начальника эшелона Цветков: «Отрадное явление замечено на эвакуопункте г. Иваново-Сортировочная. Очередей нет, обращение хорошее, вежливое, ласковое обращение. Эшелоны эвакуированных из Торжка в Уфу» [там же]. И такие примеры можно продолжать.

13 августа 1941 г. Советом по эвакуации было принято другое совершенно секретное постановление об эвакуации из Ленинграда 700 тыс. человек — членов семей рабочих и служащих (женщины и дети). На эвакуацию первой очереди в количестве 160 тыс. человек отводилось 5 дней, а на эвакуацию второй в количестве 540 тыс. человек — 20 суток. Часть из них предполагалось отправить железнодорожным транспортом, в том числе 100 тыс. человек в Ивановскую область. Другая же часть — около 140 тыс. человек от Ярославля, начиная с 20 августа партиями по 7 тыс. человек должна была проследовать речным транспортом вниз по Волге в Чувашскую и Башкирскую АССР, а также Молотовскую область. Председатели облисполкомов, в том числе и Ивановского, данным постановлением обязывались принять и разместить членов семей рабочих и служащих, эвакуируемых из Ленинграда. Ленинградскому горисполкому надлежало направить в перечисленные в постановлении области уполномоченных Ленгорисполкома, возложив на них ряд обязанностей. Прежде всего, установление совместно с облисполкомами пунктов разгрузки поездов и пароходов и мест расселения эвакуируемых, контроль за быстрейшим продвижением поездов и пароходов и организацией питания и медобслуживания эвакуируемых в пути, а также проверку организации расселения и трудоустройства эвакуируемых. Наркомторгу СССР предписывалось выделить указанным областям необходимые фонды продуктов питания для обеспечения ленинградцев в местах расселения [там же, ф. П-327, оп. 19, д. 13, л. 168—169].

19 августа 1941 г. бюро обкома ВКП(б) и облисполком, рассмотрев просьбу исполкома Московского областного совета депутатов трудящихся, приняли совершенно секретное совместное постановление «О размещении 1500 человек членов семей районных работников Московской области». Для их размещения было решено выделить колхозы Родниковского района [там же, оп. 7, д. 21, л. 139].

Осенью 1941 г. тенденция к сокращению числа эшелонов, следовавших через эвакуопункт Иванова, сохранилась. В сентябре 1941 г. их было 59 (1669 вагонов) с общим количеством пассажиров 47 441 человек, в том числе 19 179 детей. В октябре число эшелонов вновь сократилось. Через станцию прошли 42 эшелона (750 вагонов), в которых ехали 8052 человека, в том числе 222 ребенка. В ноябре и декабре эта тенденция продолжала сохраняться [там же, ф. Р-130, оп. 1, д. 8, л. 4].

Водный транспорт. Для обслуживания эвакуированных, в том числе и ленинградцев, следовавших транзитом по Волге, на пристанях в Кинешме и Юрьевце были образованы эвакуопункты. За период навигации ими обеспечено питанием и медпомощью свыше 100 тыс. человек. Часть из эвакуированных была расселена в районах, прилегающих к Волге. В частности, Кинешемский район принял 6000, а Юрьевецкий — 5000 человек. В основном это были беженцы из Карело-Финской республики, Ленинградской, Калининской и других областей.

Однако поздней осенью из-за сильных морозов и преждевременного останова судоходства на Волге сложилась тяжелая обстановка. Из архивных документов следует, что потребовалось вмешательство Совнаркома СССР и Совета по эвакуации для разрешения ситуации, сложившейся на волжском участке Кинешма — Пучеж — Сокольское. Речь идет о распоряжении Совнаркома СССР от 12 ноября 1941 г., подписанного его зампредом А. Н. Косыгиным, и телеграмме председателя Совета по эвакуации при СНК СССР Н. М. Шверника секретарям обкомов ВКП(б) трех областей: Горьковской — М. И. Родионову, Ярославской — Н. С. Патоличеву и Ивановской — Г. Н. Пальцеву. В распоряжении говорилось: «В связи с невозможностью дальнейшего продвижения пароходов в Верховья Волги (так написано в документе. — В. О.) обязать Ярославский, Ивановский и Горьковский облисполкомы обеспечить перевозку эвакуируемого пароходами населения на железнодорожный транспорт для дальнейшего их направления к местам назначения. Доставку эвакуируемого населения от водных пристаней до ближайших железнодорожных станций произвести гужевым и автомобильным транспортом».

Оно также обязало: «Главнефтьсбыт при Совнарком СССР отпустить автобензин для перевозки эвакуируемого населения: Ярославскому облисполкому 1 тонну, Ивановскому и Горьковскому по 2 тонны. Наркомату путей сообщения (НКПС) для указанных облисполкомов надлежало выделить: Ярославскому и Ивановскому по 350 вагонов, а Горьковскому — 125». Указанным облисполкомам также было предписано немедленно организовать расселение эвакуируемых в теплые помещения и обеспечить питанием как в период пересадки с водного на железнодорожный транспорт, так и в дороге [там же, ф. Р-1510, оп. 42, д. 6, л. 366].

Телеграмма Н. М. Шверника, направленная из Куйбышева, была более категоричной, а именно: «Совет по эвакуации предлагает Вам лично обеспечить отправку по железной дороге 49 тыс. человек эвакуируемого населения,

скопившегося в результате прекращения навигации в количестве 12 тыс. человек в Горьком и 28 тыс. человек в районах от Рыбинска до Горького. Для выполнения этой задачи Вам необходимо: первое, точно учесть количество пароходов и барж с эвакуанаселением и место их нахождения; второе, там, где возможно, подтянуть пароходы и баржи к пристаням, расположенным близко от железных дорог; третье, организовать перевозку людей к железнодорожным станциям, на которых будет производиться посадка эвакуируемых в эшелоны, для чего Вам предоставляется право мобилизации авто- и гужтранспорта; четвертое, подготовить теплые помещения для эвакуируемых на время ожидания или посадки в вагоны, организовав питание, снабжение кипятком и горячей пищей. Особо обратить внимание на устройство детей в теплые помещения и организацию их питания; пятое, совместно с начальниками Горьковской и Ярославской железных дорог составить график подачи эшелонов с утепленными вагонами для отправки рабочих в места эвакуации предприятий, на которых они работали; шестое, обеспечить размещение максимального количества эвакуируемого населения, не связанного с предприятиями, в близлежащих районах к пристаням, на которых находятся в настоящее время эвакуируемые; седьмое, для проведения этой работы выделить на каждую пристань, станцию бригаду во главе с ответственными работниками обкомов и облисполкомов...». В телеграмме также указывалось на необходимость ежедневного представления по телеграфу отчета Совету по эвакуации с указанием количества отправленного эвакуанаселения [там же, л. 367].

О мерах, предпринятых для спасения пассажиров с судов, вмерзших в лед на Волге, свидетельствуют телефонограммы из Кинешмы в Ивановский обком ВКП(б) и из обкома ВКП(б) в Совет по эвакуации при СНК СССР. К очень большому сожалению, они представлены рукописными черновиками, в некоторых из них отсутствуют даты исполнения, что не позволяет их расположить по хронологии событий. В ряде случаев информация в телеграммах либо варьируется по количественным показателям, либо повторяется. Тем не менее содержание этих документов позволяет представить ход спасательной операции и достигнутые при этом результаты. Так, в текстах телеграмм говорилось: «В связи с остановом судоходства в районе Кинешма — Пучеж находятся 15 256 человек (не считая судов, находящихся близ Красного). Из них до 9000 человек рабочих завода № 26 (Рыбинск. — В. О.)» [там же, ф. Р-130, оп. 1, д. 8, л. 46]. В другой телеграмме назывались более полные цифры. В частности, «в связи с остановом судоходства по Волге в районе нашей области зазимовало 18 судов, на которых находится до 17 000 человек, из них рабочих Рыбинского завода № 26 — 8,5—9,0 тыс. чел., остальное население с предприятиями не связано» [там же, л. 51].

Далее говорилось, что по состоянию на 17 ноября 1941 г. с парохода «Советская республика» было снято четыре детских дома с обслуживающим персоналом в количестве 664 человек, которые отправлены в Свердловск. Кроме того, «с двух барж в Кинешме, дебаркадера в Пучеже и 4 барж в Юрьевце снято 5100 человек, которые разосланы по районам области. С парохода «Гончаров» и одной баржи переведены в Кинешму рабочие завода № 26 — 2100 чел., остальные будут перевезены 18 ноября 1941 г. к 15 часам. Погрузка задерживается из-за отсутствия разрешения Управления Ярославской железной дороги на использование 55 вагонов, находившихся в Кинешме» [там же, л. 52].

В очередной телеграмме из обкома ВКП(б) в Совет эвакуации отмечалось: «На участке Сокольский — Пучеж находятся 5500 чел. рабочих, которых в соответствии с телефонограммой т. Шверник отправляем гужем к ближайшей ж/д станции «Правдинск» для дальнейшего отправления железной дорогой до места назначения», а также выражена просьба оказать содействие в получении разрешения на использование имеющихся в Кинешме вагонов [там же, л. 54]. По всей вероятности такое разрешение было получено, что позволило секретарю обкома ВКП(б) Г. М. Пальцеву 18 ноября 1941 г. окончательно информировать Н. М. Шверника о результатах спасательной операции. Итак, в ней говорилось:

«На территории Ивановской области скопилось 17 000 человек эвакуируемого населения. Из этого количества 3900 человек расселены на жительство в Ивановской области. Принимаем меры к расселению еще 700 человек... В Кинешемском затоне скопилось 2200 человек Рыбинского завода № 26, 2000 человек высажены на берег в Кинешме. 19 ноября со станции Кинешма вагонами отправляем 2200 человек к месту назначения. В Сокольском, Пучежском районах 5500 человек завода № 26. Мобилизуем транспорт для отправки этого количества на станции Правдинск Горьковской области. Правдинск является ближайшей станцией к Сокольскому и Пучежскому районам. Имеющиеся на Волге дети в количестве 650 человек отправлены железной дорогой к месту назначения» [там же, ф. Р-1510, оп. 42, д. 6, л. 369].

Таким образом, с барж и судов, застрявших во льдах Волги в ноябре 1941 г., в течение 5 дней были спасены 17 тыс. человек. Были задействованы все силы и средства для успешного проведения столь масштабной, даже по нынешним меркам, спасательной операции. Большая часть пассажиров, в том числе и воспитанники детских домов, были обогреты, накормлены и отправлены к местам назначения, другие же расселены в районах области, примыкавших к Волге.

Автомобильные дороги. Начиная с октября 1941 г. увеличился поток беженцев, следовавший автомобильным транспортом и пешим порядком из Москвы и Московской области. Очень большие группы людей в октябре — ноябре 1941 г. следовали по шоссе Москва — Владимир — Горький.

Сохранились воспоминания очевидцев тех далеких событий. Из воспоминаний жительницы г. Владимира В. А. Гавриловой: «По Большой улице (так называли владимирцы улицу III Интернационала, сейчас это Большая Московская) сплошным потоком шли машины со стороны Москвы. Эвакуировались промышленные предприятия, институты, наркоматы и просто беженцы. Машины шли таким плотным потоком, что никто и не пытался перейти улицу (может быть, взрослым это и удавалось, но дети никак не могли этого сделать). В Ямской слободе (сейчас это Ленинградский проспект) стояли стихийно возникшие заградительные отряды, которые проверяли машины, так как под шумок на машинах вывозили огромное количество добра мародеры» [2, с. 34].

Другая жительница Владимира, И. В. Синявина, вспоминала: «Со стороны Золотых ворот мимо нашего дома, выходящего фасадом на улицу III Интернационала, потянулась вереница людей. Они шли с рюкзаками за спиной, кто-то толкал впереди себя тележку с детьми и домашним скарбом. Это были беженцы из Москвы: немцы подходили к столице. Людской поток двигался в сторону Горького. По дороге он рассеивался, сердобольные владимирцы зазывали беженцев к себе, расселяли их по квартирам, хотя сами

чаще всего жили в неблагоустроенных коммуналках. Но война, общая беда всех сближала» [там же, с. 34].

Яркие воспоминания об этом периоде сохранились и у Л. И. Чеботнягиной: «Я помню, как “затаили дыхание” люди, когда в конце 1941 года стало эвакуироваться правительство из Москвы. Настроение было упадническое, ждали захвата немцами Москвы. Беженцы шли через наш город с мешками за плечами. Нам запрещалось ходить на центральную улицу. Мама очень боялась за нас. Кончатся занятия у кого-нибудь на квартире, и бежим домой. Старались ходить по несколько человек вместе... И вот узнали радостное сообщение: товарищ Сталин остается в Москве. Можно не верить, сомневаться, но я прекрасно помню, как люди взбодрились. Об этом судачили везде, особенно в очередях, где мы проводили много времени, стоя за хлебом» [там же, с. 35].

Согласно архивным документам, часть эвакуированных была размещена в районах, прилегающих к Московской области. Так, в Гороховецком районе было расселено 4200 человек, Собинском — 5658, Владимирском и Александровском по 6000, а в Киржачском 6128 жителей из Москвы и Московской области.

20 ноября 1941 г., выступая на IX объединенном пленуме обкома и горкома ВКП(б), Г. Н. Пальцев так оценил ситуацию поздней осени: «По области проходят сотни тысяч людей. Вы знаете, что транспорт наш не мог справиться со всеми огромными перевозками. Поэтому многие из этих людей вынуждены двигаться пешком походным порядком. Ясно, что они не могут на все время пути захватить с собой продовольствие, не могут на все время пути гарантировать себе, что обувь будет у них в порядке, и т. д. Я должен сказать, что в основном мы справились с тем, чтобы обслужить этих людей, т. е. накормить, некоторым починить обувь и одежду, устроить их на ночлег» [1, ф. П-327, оп. 7, д. 10, л. 161].

9 декабря 1941 г. по итогам проверки расселения эвакуированного населения в Ивановской области обком ВКП(б) принял совсекретное постановление «О положении эвакуированного населения расселенного в районах области» [там же, д. 24, л. 63—66]. В нем говорилось, что с начала эвакуации по 1 декабря 1941 г. в районах Ивановской области расселено эвакуированного населения из фронтовой полосы около 63 тысяч человек. Районы, куда направлялись эвакуированные, к встрече и расселению их подготовились и проводили эту работу в основном удовлетворительно». В частности, многие районы — Шуйский, Родниковский, Селивановский, а также предприятия: фабрика «Шуйский пролетарий», Новлянский крахмало-паточный завод, комбинат «Большевик» и другие оказали эвакуированным помощь в пошивке одежды, обуви, белья, предоставили койки, матрацы, постельное белье и необходимый домашний инвентарь. Большинству эвакуированных предоставлена работа, как на фабриках, заводах, так и колхозах области. Наряду с этим был отмечен ряд недостатков. Так, в Собинском районе «120 человек, размещенных в общежитии фабрики “Комавангард”, топливом не обеспечены, в комнатах грязно, большая скученность, на 20 метрах живут по 10—13 человек, в тех же комнатах находятся сырые дрова, принесенные из леса самими эвакуированными. Дети в школу не ходят из-за отсутствия обуви». Во многих районах, говорилось в постановлении, «плохо поставлена массово-разъяснительная работа с населением, в результате чего имеют место факты недоброжелательного отношения к эвакуированным со стороны отсталой части населения, которые считают эвакуированных своими нахлебниками

и виновниками поднятия цен на рынках (Лежнево, Середской район). Заявление эвакуированных в Пучежском районе жен командиров Красной Армии показывает на отсутствие внимания со стороны райкома ВКП(б) и исполкома райсовета к нуждам эвакуированных и особенно к семьям военнослужащих и партизан» и т. д. [там же, л. 63—64].

Для устранения вскрытых недостатков обком ВКП(б) назвал ряд первоочередных общеорганизационных, обязывающих и контрольно-требовательных мер. В числе общих организационных: «обязать горкомы и райкомы ВКП(б) проверить и обсудить на заседаниях бюро вопросы расселения, трудоустройства и удовлетворения бытовых нужд эвакуированных, обратив особое внимание на обеспечение детей теплой одеждой, обувью, медицинской помощью и продуктами питания...» [там же, л. 65]. Кроме того, «рекомендовать райкомам ВКП(б) и исполкомам райсоветов производить выдачу на трудодни эвакуированным, работающим в колхозах, взамен фуражных культур продовольственными культурами и продуктами животноводства. Обязать правления колхозов оказывать эвакуированным помощь в размоле зерна, получаемого на трудодни» [там же, л. 66].

К числу обязывающих требований к руководителям областных организаций в постановлении отнесены следующие: «председателю облпромсовета т. Павлову отпустить облторготделу для эвакуированных до 15 декабря с. г. 200 пар валенной обуви, в том числе детской 100 пар и 100 пар детской кожаной обуви; зав. облместпромом т. Скопинову изготовить и отпустить 200 пар кожаной обуви; управляющему областной конторой главрезиносбыт т. Васильеву отпустить 200 пар галош; зав. облторготделом т. Владимирову отпустить районам для удовлетворения нужд эвакуированного населения 10 тонн мыла» [там же, л. 65].

Кроме того, начальникам организаций предложено: «эвакоуправления т. Виноградову совместно с начальниками главных управлений хлопчатобумажной промышленности выявить количество текстильщиков, прибывших в порядке эвакуации с целью использования их на работе по специальности на фабриках области, а начальникам главков обеспечить эвакуированных жилплощадью; 3-го отделения Ярославской железной дороги т. Борелович не допускать задержки эшелонов с эвакуированными, предоставлять для них только утепленные вагоны с необходимым запасом топлива, обеспечив на станциях, особенно на Сортировочной, бесперебойное снабжение кипятком» [там же, л. 65—66].

Среди мер контрольно-требовательного характера в постановлении прозвучали: «указать Собинскому РК ВКП(б) на невнимательное отношение к делу обслуживания эвакуированных и обязать его немедленно устранить недостатки, вскрытые при проверке обкомом ВКП(б); поручить оргинструкторскому и отделу кадров обкома ВКП(б) проверить постановку партийно-массовой работы в частности, отношении к семьям эвакуированных, расселенным в Пучежском районе» [там же, л. 66].

В постановлении также было указано о необходимости «просить СНК СССР об отпуске Ивановскому исполкому областного совета для оказания материальной помощи особо нуждающимся эвакуированным как расселенным в области, так и проезжающим в другие районы страны, — 250 тысяч рублей» [там же].

В заключение было выражено общее требование ко всем партийным, советским и хозяйственным органам области считать работу по обслуживанию

эвакуированного населения «важнейшим делом» и «систематически следить за положением эвакуированных», не допускать к ним недоброжелательного отношения и оказывать им всемерную помощь [там же, л. 66].

Кроме взрослого населения в Ивановской области по состоянию на 10 января 1942 г. было размещено 12 эвакуированных детских учреждений с общим количеством 1559 детей. В основном они были расселены в домах отдыха и санаториях в глубинных районах области. Для приспособления указанных помещений к работе в зимних условиях в некоторых из них был произведен необходимый ремонт, сложены печи, утеплены потолки и т. д. К сожалению, из-за отсутствия транспорта дрова для топки печей очень часто приходилось доставлять силами персонала детских учреждений и старших воспитанников. Несмотря на требование облздравотдела к местным властям вести систематический медико-санитарный контроль и подобрать работников для детских домов, оно не выполнялось. Со стороны облторга и облпотребсоюза также не выполнялось решение облисполкома об обеспечении воспитанников детских домов одеждой, обувью, жирами, кондитерскими изделиями и прочим. Отчасти выход был найден за счет децентрализованного снабжения. Так, детский дом, эвакуированный из Мурманска и размещенный в д. Райки Родниковского района, оказал посильную помощь местному колхозу «Путь к свету» в уборке урожая и на заработанные 3000 трудодней приобрел 20 овец, 18 свиней, 25 тонн картошки и 7,5 тонн капусты. Кроме этого он заготовил 15 бочек грибов и получил авансом 2,5 тонны пшеницы, 3 тонны сена, 2,5 тонны капусты и т. д. [там же, ф. Р-130, оп. 1, д. 52, л. 12—13].

Таким образом, во втором полугодии 1941 г. Ивановской области, кроме других военных испытаний, пришлось выдержать огромную нагрузку по приему эвакуированных грузов, обеспечению продовольствием и медицинской помощью эвакуанаселения, следовавшего транзитом к местам назначения. Всего через Ивановский эвакуопункт с 1 июля 1941 г. по 1 января 1942 г. прошло 418 эшелонов с общим количеством 381 тыс. человек, в том числе 131 450 детей. На питание эвакуированным за этот период было израсходовано 1750 тыс. руб., а также оказана помощь деньгами, одеждой и обувью [там же, ф. П-327, оп. 7, д. 479, л. 18]. Кроме того, за период навигации по Волге питанием и медпомощью было обеспечено свыше 100 тыс. человек, следовавших на судах и баржах к местам назначения. По состоянию на 1 января 1942 г. в Ивановской области было расселено около 75 тыс. жителей из западных, центральных и северо-западных регионов страны [там же]. Несмотря на отдельные организационные издержки, все они были обеспечены жильем, продуктами питания и трудоустроены на предприятиях области.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
2. *Титова В. И.* Шла война : город Владимир в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 : (документы и воспоминания). Владимир : Транзит-ИКС, 2010. 120 с.

ББК 63.3(2)53-282.2

А. В. Степанов

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИГРОВЫЕ ФИЛЬМЫ 1910-х гг.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЯН НАЧАЛА XX в.**

Рассматриваются различные виды исторических источников по повседневной жизни в позднеимперской России. Отмечается важность соответствующих визуальных документов, включая фотоснимки. Подчеркивается различие между документальными и игровыми фильмами начала XX в., вызванное примитивной техникой их съемки. Автор утверждает, что некоторые русские игровые фильмы, снятые в 1910-х гг., могут содержать больше свидетельств о повседневной жизни страны того времени. Для доказательства приведены примеры двух фильмов: «Сумерки женской души» (1913 г.) и «Дитя большого города» (1914 г.).

Ключевые слова: игровые фильмы, Россия начала XX в., повседневная жизнь.

Various historic sources on everyday life in late Imperial Russia are discussed. Significance of relevant visual documents, including photographs, is specified. Difference between the early XX century documentary and feature films due to their primitive shooting technology is stressed. The author argues that some Russian movies filmed in the 1910s may contain more evidence on what used to be a country's everyday life. Examples of two movies are cited to prove the point: «Twilight of a Woman's Soul» (1913) and «The Child of the Big City» (1914).

Key words: feature films, early XX century Russia, everyday life.

Повседневная жизнь нашей страны начала XX в. оставила историкам значительный объем своих материальных следов. Среди них преобладают письменные источники — от нормативных актов и делопроизводственных документов до сообщений периодической печати и памятников мемуарного характера. Они — пусть с разной степенью полноты и достоверности — отражают многие аспекты этого явления, нередко даже открывая возможность провести их статистический анализ. Однако специфика темы истории повседневности властно рекомендует исследователям обращаться не только к текстам и цифрам, но и к визуальным образам изучаемого ими многогранного феномена. При научной реконструкции повседневной жизни историку просто нельзя обойтись без изобразительных материалов — живописных пейзажей, топографических карт, рекламных плакатов, газетных карикатур и т. п.

Несомненно, что в иконографии российской повседневности начала XX в. важнейшее место принадлежит фотографическим снимкам. Несмотря на то что в те годы в нашей стране производство фотоаппаратуры и фотоматериалов едва зарождалось, многие тысячи россиян уже привыкли фиксировать на память те или иные моменты своей жизни. Не будет преувеличением утверждать, что, по крайней мере, в городах России к началу XX в. вступало в жизнь второе поколение людей, знакомых с фотографией и оценивших ее документальное совершенство. Разумеется, авторами большинства снимков все еще оставались профессиональные фотографы — владельцы салонов

© Степанов А. В., 2016

«светописи». Их работы чаще всего носят парадно-постановочный характер, который, вероятно, отвечал запросам заказчиков. Как и раньше, профессиональные фотографы делают немало снимков пейзажного и этнографического жанра, запечатлевая, например, «русские типы» — от уличного торговца-разносчика или чистильщика обуви до городских и дворников.

Однако на рубеже веков в обиход городских средних классов все шире входят недорогие любительские камеры, и фотоснимки (пусть теряя в качестве) начинают принимать подлинно жанровый, непринужденный характер. С детства привычные к фотоаппарату люди теперь готовы позировать не только в интерьерах студий, но и на пикниках, теннисных кортах, на трибунах ипподромов, на школьных балах и детских утренниках, на велосипедной прогулке, а подчас и просто за игрой в снежки или в городки. Более того, фотолюбители раньше весьма консервативных профессионалов освоили такую новинку 1900-х гг., как съемка на цветные пластинки «автохром». Замечательные свидетельства тому оставил не кто иной, как писатель Леонид Андреев, всерьез увлекшийся новым изобретением братьев Люмьер.

В начале XX в. спрос на документальные и даже репортажные снимки начинает предъявлять и отечественная пресса, освоившая технику их публикации. Первопроходцем здесь выступил популярный еженедельник «Нива»; за ним почти немедленно последовали такие издания, как журнал «Огонек» или иллюстрированное приложение к газете «Новое время». Несмотря на то что качество печати снимков на их страницах пока оставляло желать лучшего, редакторы все чаще стали помещать фотоотчеты о событиях в мире высшего света, спортивных соревнованиях и новостях политической жизни — например о работе Государственной думы и даже о баррикадных боях 1905 г. на Пресне. Заметим, впрочем, что в журнальной иконографии 1900-х гг. преобладали все же портреты тех или иных «нюзмейкеров»: вероятно, такой материал легче было получить и подготовить к печати.

В любом случае полнота и достоверность корпуса изобразительных источников по истории обывательской жизни россиян начала XX в. непрерывно возрастали, подчас даже вызывая у современного исследователя ощущение избыточности, информационной перегрузки. Казалось бы, в таких условиях искать новые виды визуальных материалов уже нет необходимости. Однако такой вывод представляется нам поспешным. В самом деле, трудно представить себе серьезного ученого, который бы отказался привлечь еще не изученный вид или подвид источника, заявляя, что-де не испытывает в нем нужды. Даже признав вполне достаточным для своей работы корпус выявленных им документов, историк всегда стремится оценить информационный потенциал материалов, возникших иными способами, в иной среде или отразивших иную сторону жизни общества.

Думается, таким еще не вполне освоенным наукой массивом визуальных материалов по истории российской повседневности начала прошлого века способны стать снятые в ту пору киноленты — как документальные, так и игровые, художественные. Разумеется, они, как и любой исторический источник, обладают своей спецификой, которую необходимо учитывать при их использовании.

Важнейшей особенностью кинофильмов начала прошлого века, наиболее заметно повлиявшей на их источниковую ценность, на наш взгляд, представляется сам способ их создания. Аппаратура той эпохи была громоздкой и несовершенной: съемка велась исключительно со штатива, причем оператору

приходилось непрерывно вращать ручку камеры, которая, в свою очередь, издавала громкий шум. Все это неизбежно привлекало внимание окружающих, невольно заставляя их вести себя неестественно, а то и просто заглядывать в объектив аппарата [4, с. 21]. Кроме того, камера с ручным приводом нередко не могла поворачиваться вслед за перемещением объекта съемки или двигалась рывками, теряя его из кадра.

Запас ленты в камере был невелик: после буквально 2—3 минут съемки аппарат приходилось перезаряжать; нередко в это время происходило все самое интересное. Чувствительность киноленты была низкой: она еще годилась для съемок на открытом воздухе в светлое время суток, но для событий, происходивших в помещениях или под вечер, света уже не хватало [3, с. 59; 4, с. 24]. При этом величину экспозиции оператору приходилось определять лишь интуитивно. Вдобавок вся кинохроника того времени лишена звука и цвета.

Однако самым «узким местом» кинокамер 1900-х—1910-х гг. была их оптика. Как правило, съемочные объективы тех лет имели широкий угол зрения и низкую светосилу [3, с. 25; 4, с. 45]. Они прощали оператору ошибки фокусировки, тем более неизбежные, что устройств для точной наводки объектива на резкость (как и для определения границ кадра) в камерах просто не имелось (пробный игровой фильм А. Ханжонкова «Палочкин и Галочкин» (1907 г.) пришлось забраковать потому, что в нем головы артистов оказались «срезанными рамкой» [4, с. 15]). Однако короткофокусная оптика практически лишала оператора возможности снимать крупные планы, улавливая мелкие детали и подробности [4, с. 21]. Никаких приспособлений для быстрой смены объективов, подобных позднейшим турелям, на камерах начала прошлого столетия еще не встречалось.

Отмеченные недостатки кинотехники начала XX в. способны вызвать у нашего современника закономерный вопрос: представляют ли в таком случае какую-то информационную ценность фильмы, снятые столь несовершенной аппаратурой? Способны ли они сообщить нам что-то принципиально новое, нечто такое, чего историки не узнали из более традиционных источников? Вопрос этот тем более оправдан, что значительная часть сохранившейся отечественной кинохроники запечатлела события, которые трудно отнести к повседневной жизни — от торжеств в императорской семье [2, с. 13] до полетов первых авиаторов, городских пожаров, наводнений, «ужасов чумы» [4, с. 56] и иных сенсационных происшествий.

На наш взгляд, такой способностью кинокадры столетней давности, тем не менее, обладают. При этом, как ни парадоксально, наиболее ценными для историка повседневности способны стать не столько документальные съемки, сколько игровые ленты наших киностудий. Здесь следует напомнить, что, наряду с экранизацией шедевров русской классической литературы XIX в. и бесконечной чередой псевдоисторических подделок (начатой в 1908 г. незабвенной «Понизовой вольницей» студии А. Дранкова [2, с. 20—21]), отечественные кинофабрики 1910-х гг. охотно выпускали ленты, действие которых разворачивалось в современной российской жизни.

Разумеется, сюжеты этих сентиментальных мелодрам или криминальных боевиков имели мало общего с реалиями страны. Однако крайняя спешка при производстве фильмов и их скромные бюджеты вынуждали кинематографистов вести съемки в естественной обстановке — в реальных городских пейзажах, в подлинных интерьерах ресторанов, гостиниц, театров. Достоверность этой натуры не вызывает сомнений, ибо подделывать ее авторам фильма

не требовалось. Напротив, им важно было сделать картинку максимально правдоподобной, узнаваемой, дабы усилить эмоциональное воздействие своей ленты на публику. Творцам фильмов на сюжеты, якобы «взятые из современной жизни», не имело также смысла существенно отступать от правды в выборе костюмов персонажей, их причесок, аксессуаров и т. п.: в противном случае зрители могли просто не понять типажи героев.

Игровые фильмы 1910-х гг. имеют и ряд других источниковых преимуществ по сравнению с документальными лентами. Как правило, художественные кинокартины столетней давности сохранились настолько полно, что имеющиеся копии включают титры; последние содержат информацию о кинокомпании, названии фильма (оно свидетельствует о жанре ленты и связанных с ним возможных искажениях реальности), годе съемки, а также имена оператора, режиссера, сценариста. Если эти фрагменты копии утрачены, восстановить подобные сведения можно из иных источников — например из сообщений профильной прессы тех лет, информировавшей прокатчиков о появлении новинок. Между тем хроникальные короткометражки зачастую доходят до нас без всякой сопроводительной документации, поэтому их датировка и атрибуция подчас вызывают затруднения.

Оператор игрового кино, который вел съемку в студии или даже на пленэре, работал в условиях, несравненно более благоприятных, чем те, что подстерегали его коллегу-документалиста. На съемочной площадке «человек с киноаппаратом» играл едва ли не главную роль: он мог выбрать оптимальный ракурс, добиться приемлемого света, указать актерам пределы их перемещений в кадре, за которыми в состоянии уследить его камера [6, р. 46]. Точно фокусируя объектив с помощью рулетки и шкалы расстояний, оператор имел возможность снимать крупные планы, богатые колоритными деталями (впрочем, у консервативной части тогдашних зрителей кинокадры, «взятые» крупным планом, вызвали острое непонимание [5, с. 161]). Актеры кино быстро привыкали к шуму камеры и движениям ее рукоятки и начинали вести себя перед объективом настолько естественно, насколько этого требовал сюжет. Ни одно событие, запланированное сценаристом и режиссером, не могло остаться не зафиксированным только потому, что в камере в решающий момент закончилась пленка.

С точки зрения современного исследователя, отечественные игровые фильмы 1910-х гг. имеют еще одно важное преимущество: хотя бы часть из них (как правило, из собрания Госфильмофонда) уже оцифрована и выложена в Интернет. Очевидно, что это сделано прежде всего для тех исследователей, кто изучает художественные особенности кинолент. Однако и историк повседневной жизни способен найти в них ценную информацию.

Проиллюстрируем это на примере фильма «Сумерки женской души». Его в ноябре 1913 г. выпустила «Кинофабрика “Стар”» — совместное предприятие московской студии А. Ханжонкова и французской компании «Братья Пате». Сценарий фильма написал В. Демерт, режиссером был Е. Бауэр. Немая лента продолжительностью 48 минут по стандартам своего времени считалась полнометражной и шла в широком прокате. Действие фильма разворачивается в России начала 1910-х гг., и примет времени в нем более чем достаточно. Тем интереснее исследовать эту картину в качестве носителя информации о повседневной жизни россиян того времени.

Фильм открывается сценой приема гостей в доме графини Дубовской. В интерьерах дома бросается в глаза обилие зелени: это не только цветы

в горшках, стоящих на высоких деревянных подставках, но и комнатные пальмы различных сортов (главным образом, перистые), местами образующие настоящие заросли. Вероятно, густая листва экзотических растений отчасти возмещала знакомым с зеленью Ниццы хозяевам скромность естественной русской флоры. В других интерьерных сценах фильма фигурируют пышные букеты срезанных цветов.

Интересна одежда и прически хозяев, гостей и слуг — участников происходящих на экране событий. Благородные дамы в отделанных гипюром закрытых платьях светлых тонов с характерной для стиля art nouveau высокой талией не снимают в помещении своих шляп с перьями и широкими полями, тогда как одетый в мундир генерал, напротив, не носит головного убора. Аксессуаром женского костюма служит веер; со сложенным веером, надетым на левое запястье, юная графиня Дубовская танцует. В то же время в руках дам незаметно даже самых скромных сумочек или ридикюлей. Отметим, что, хотя героиня картины носит длинные волосы, она не заплетает их перед сном; наутро расчесывать волосы к барышне приходит горничная.

Гости из числа гражданских лиц одеты в черные пары; на некоторых мужчинах можно различить визитку. Воротники их белых сорочек либо отложные (тогда галстук традиционный, узкий, завязанный небольшим узлом), либо стоячие; с последним носят галстук-бабочку черного цвета. У немолодого гостя под распахнутым долгополым сюртуком виден белый жилет. Заметим, что все молодые мужчины гладко выбриты; усы и бороды — принадлежность лишь пожилых гостей. Волосы у молодых мужчин зачесаны на широкий косой пробор и, возможно, уложены с бриолином.

Комнатный лакей Дубовских щеголяет в распахнутом сюртуке, расшитом галунами (по обшлагам, груди, рукавам и даже по разрезу на спине), в темном жилете и белой сорочке с белым же галстуком-бантом. Горничная одета в платье темного цвета с рукавами по локоть и в белый передник, закрывающий колени и грудь. На спине передник завязан пышным бантом. Волосы горничной украшает кружевная наколка. Вероятно, негласный «стандарт» одежды работниц советского общепита 1930—1950-х гг. имел такое вот недемократичное происхождение.

Помимо аристократов, в фильме появляются и люди «дна». Наряды этих «горьковских типов» тоже весьма интересны. Так, один из обитателей ночлежки одет в белую рубаху с отложным воротником и темную жилетку с шелковой вставкой на спине. Двое других ночлежников не снимают в помещении шапок. На женщине — обитательнице приюта — темный головной платок, едва ли не шерстяной. Еще один антигерой этой мелодрамы — «подмастерье Максим Петров» — носит косоворотку и все ту же жилетку; и он не расстается с кепкой, даже находясь в собственной камерке. Из-под кепки выбиваются давно нестриженные волосы. Выходя из дома, Максим надевает короткое пальто с картинной заплатой на левом локте. Впрочем, все «оборванцы» в фильме выбриты столь же гладко, как молодые аристократы.

Как известно, «движущаяся фотография» интересна тем, что способна передавать действия людей. В этом отношении фильм «Сумерки женской души» позволяет сделать немало интересных наблюдений.

Рассмотрим, например, то, как герои фильма приветствуют друг друга. Входя в покои графини Дубовской, мужчины здороваются с находящимися там дамами по-разному. Так, приветствуя молодую девушку, пожилой джентльмен лишь пожимает ей руку; точно так же он приветствует других

явившихся в гости женщин. Зато руку хозяйки дома он галантно целует; та, в свою очередь, для этого поднимается с банкетки. В другом эпизоде картины, где юная княжна Дубовская приходит в дом к своим сверстникам — людям ее же аристократического круга, взаимное приветствие ограничивается тем, что девушка бегло пожимает руку каждому из мужчин; целовать ей запястье здесь никто не собирается. С другой стороны, встретив Дольского после годичной разлуки, его добрый приятель не только пожимает князю руку, но и фамильярно целует его в щеку.

На балу в доме Дубовских гости, естественно, танцуют. Чтобы пригласить даму или девушку на тур вальса, кавалерам достаточно неглубокого поклона: вероятно, аристократические условности былых времен уже ушли в прошлое. Заметим, что из фильма неясно, под какую музыку вальсируют пары: в кадре не видно ни живого оркестра, ни граммофона (впрочем, он вряд ли оказался бы по вкусу столь благородному собранию).

Станным на первый взгляд представляется эпизод фильма, в котором сразу несколько молодых джентльменов развлекаются тем, что, находясь в жилом помещении, а не в тире, стреляют из пистолетов по настенной мишени. Современному зрителю эта сцена может показаться плодом вымысла режиссера или сценариста. В действительности «салонная стрельба» мало-мощными патронами «Флобер» калибров 4—6 мм, известными у нас до революции под маркой «Монтекросто», была весьма распространенной некогда забавой [1]. Вероятно, игровой фильм 1913 г. остается единственным визуальным свидетельством ее существования.

Весьма информативна сцена сватовства князя Дольского к Вере Дубовской (ей предпослан экранный титр «Предложение»). Сами молодые к тому времени уже объяснились; теперь жениху настал черед спросить согласия родителей невесты. Разумеется, в мире высшей знати традиционная сваха неуместна — Дольский сам является к супругам Дубовским. На нем — строгая черная пара, белый жилет, галстук-бабочка. В левой руке жених держит шляпу-цилиндр. Разговор происходит в кабинете отца Веры. Дубовский сидит, Дольский стоит перед ним. Мать невесты скромно держится чуть в стороне. Платье женщины подчеркнуто непритязательно: его украшает лишь белый кружевной воротник. Перемежая свою речь почтительными поклонами в сторону отца и матери Веры, князь просит ее руки. Выражая согласие на брак, граф поднимается с кресла. Князь целует руку своей будущей тещи. Затем граф колокольчиком вызывает горничную, а та приводит в кабинет отца саму Веру, для которой предложение графа должно как бы стать сюрпризом. При всей наигранности этой сцены она уникальна по своей фактуре: никакая документальная лента не могла бы запечатлеть для потомков столь деликатный момент человеческой жизни.

Столь же уникальна сцена визита князя Дольского к частному детективу. Сыщик принимает гостя в крошечном кабинете, сидя за столом, на котором находятся предметы из разных эпох: канделябр с двумя свечами под общим абажуром — и телефон. У стола стоит пара венских стульев (заметим, что ни в одном из жилищ знати этот распространенный в ту пору предмет обстановки даже не мелькнул!). На стене кабинета — отрывной календарь. Офис детектива отапливается скромной железной печкой — едва ли не такой же, какая имелаась в каморке подмастерья Максима. Беседуя с сыщиком, князь небрежно ставит свой цилиндр на стол и поигрывает тростью: ведь он имеет дело с человеком низкого общественного положения. Выдавая детективу

аванс, Дольский достает бумажник из внутреннего кармана пальто: никаких сумочек для мужчин тогдашняя мода не признавала. Примечательно, что князь не расплачивается с сыщиком чеком и не требует расписки. Впрочем, детектив и вовсе запикивает полученные от Дольского купюры себе за пазуху, вероятно не имея привычки носить портмоне...

Весьма хорошо показана в фильме работа прислуги — людей, которые никогда не удостоились бы внимания операторов документального кино.

Лакей с ловкостью официанта обносит гостей шампанским, разлитым в низкие широкие фужеры. Горничная подает своей молодой хозяйке даже легкое пальто; причем, тайно покидая отчий дом, Вера одевается самостоятельно. Когда постояльцы роскошного отеля садятся у его подъезда в такси, вышколенный швейцар кидается открывать дверцу подъехавшего автомобиля еще до его полной остановки, а затем помогает мужчинам подняться в салон, по очереди поддерживая их под локоть. Желая отправить Дольскому сугубо личное письмо, Вера посылает с ним в дом князя свою горничную. Едва пара завсегдаев театра занимает места в своей ложе, как из-за портьеры появляется слугитель и молча кладет перед ними на барьер программу спектакля и бинокль. За Верой, налегке уезжающей из имения Дольского, плетется по заснеженной дорожке сада ее немолодая горничная, неся внушительных размеров чемодан юной госпожи... Во всех этих случаях прислуга демонстрирует неизменную готовность услужить. Она делает свою работу без лишнего подобострастия, но и без отвращения к ней. Для «низших слугителей», как и для господ, такой порядок вещей представляется (по крайней мере, на экране) чем-то само собой разумеющимся.

Вместе с тем, фильм, на наш взгляд, свидетельствует, что его создатели знали быт столичной знати куда лучше, чем жизнь «низов». Поведение обитателей ночлежки на экране малоправдоподобно. Один из них без всяких раздумий с пулеметной скоростью мечет игральные карты из колоды, словно задался целью просто разбросать их по столу. Двое других пьют некую жидкость, наливая ее в стакан из бутылки; но при этом они не смакуют напиток, как вино или пиво, а осушают стакан залпом, как водку, однако не закусывают и даже не «занюхивают» выпитое. Столь же неправдоподобна сцена, в которой «подмастерье Максим» слишком уж бойко пишет Вере Дубовской жалобную записку, дабы выпросить у сердобольной девушки денег. Впрочем, то, как «шибко грамотный» мошенник при этом слюнит чернильный карандаш, выглядит вполне натурально. Столь же неподделен вид захламленного двора бедняцкого дома с висящим на веревке бельем: это и впрямь, скорее всего, не кинодекорация, а живой уголок окраины тогдашней Москвы.

Мы указали черты времени лишь в одной отечественной игровой картине начала 1910-х гг. Внимательный просмотр большого числа художественных лент той эпохи способен принести еще более щедрый «урожай». Например, таким же кладезем полезной информации о столичной повседневности способен стать фильм «Дитя большого города», выпущенный кинокомпанией А. Ханжонкова в марте 1914 г.

В нем мы можем увидеть, в частности, работу коллектива швейной мастерской: молодая швея склонилась над «Зингером» с ножным приводом, за нею женщина постарше орудует утюгом у гладильной доски, в глубине помещения портниха колдует над манекеном. Вряд ли подобный сюжет можно отыскать среди кадров документальной хроники тех лет.

В этой же ленте — характерная для мегаполисов сцена window shopping, когда «дитя большого города», бедная модистка, в безнадежной тоске разглядывает сквозь витринное стекло ювелирного магазина разложенные там на черном бархате недоступные ей украшения и в итоге пускается в слезы.

Здесь же — случайно сложившаяся в кадре городская сценка: на подкативший к дверям ресторана шикарный автомобиль взирают с козел пролеток извозчики, стоящие и едущие по этой же улице, и даже прохожий с противоположного тротуара. Судя по всему, они глазят именно на авто, а не на кинооператора: его фигура вряд ли различима в глубине вестибюля, откуда велась съемка. Заметим также, что в этом эпизоде ни один из двух столичных плейбоев, привезших в ресторан девушку, легко знакомящуюся на улице, не подает ей руку, чтобы помочь выйти из автомобиля: вероятно, особам столь низкого общественного положения подобные знаки внимания со стороны благородных господ не полагались. Однако в дверях ресторана «кавалеры» все же пропускают свою спутницу вперед.

Таких «подарков» в этой ленте немало. Чего стоит, например, манера курить, какую демонстрирует бывшая швея, ставшая кокеткой: находясь наедине со своей прислугой и не опасаясь взглядов посторонних людей, она без всякого изящества держит папиросу по-мужицки, в углу губ, и даже пожевывает ее, не переставая при этом сочинять письмо. Впрочем, сделав последнюю затяжку, женщина выпускает дым с профессиональным шиком...

Таким образом, игровые фильмы начала 1910-х гг. способны послужить полезным источником для изучения быта различных слоев русского общества. По специфике отражения действительности такие киноленты можно уподобить художественной прозе тех лет — например рассказам А. Аверченко, повестям А. Куприна, романам М. Горького. Для лучшего использования столь специфичного источника следует применять стандартные приемы научной критики, в частности — перекрестную проверку выявленных фактов другими свидетельствами той эпохи, как письменными, так и изобразительными. Работы в этой области еще непочатый край.

Библиографический список

1. *Аксенов Л.* «Монтекристо». Пистолет Флопера 1851 г. URL: <http://vilingstore.net/Oruzhie-i-voennaya-tehnika-c17/Montekristo-Pistolet-Flopera6-mm1851-g-i72271> (дата обращения: 18.09.2016).
2. *Зоркая Н. М.* История советского кино. СПб. : Алетейя, 2005. 544 с.
3. *Форестье Л.* «Великий немой». М. : Госкиноиздат, 1945. 115 с.
4. *Ханжонков А. А.* Первые годы русской кинематографии : воспоминания. М. ; Л. : Искусство, 1937. 172 с.
5. *Цивьян Ю. Г.* Историческая рецепция кино : кинематограф в России, 1896—1930. Рига : Зинатне, 1991. 492 с.
6. *Leyda J.* Kino : a History of the Russian and Soviet Film. London : George Allen & Unwin Ltd, 1960. 525 p.

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ББК 63.442(2)

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

К 90-летней ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. И. КОМАРОВА

Статья посвящена К. И. Комарову — отечественному археологу, внесшему значительный вклад в археологическое изучение древнейшей истории Ивановской области.

Ключевые слова: К. И. Комаров, археолог, археологическая карта России.

The article is devoted to K. I. Komarov — Russian archeologist who has made a significant contribution to the archaeological study of the Ivanovo region ancient history.

Key words: K. I. Komarov, archaeologist, archaeological map of Russia.

К. И. Комаров
в археологической разведке. 1990-е гг.

Константин Иванович Комаров — старший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, кандидат исторических наук. Профессиональные научные интересы связаны с изучением памятников древнерусского времени на территории Верхнего Поволжья.

К. И. Комаров родился 20 ноября 1926 г. в крестьянской семье в селе Кипчаково Кораблинского р-на Рязанской области. Перед войной он вместе с родителями переехал в Амурскую область в один из вновь создаваемых на Дальнем Востоке колхозов. В конце ноября 1943 г. десятиклассник Костя Комаров был призван в Красную Армию. Там он прошел обучение

© Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2016

2016. Вып. 4 (16). История •

в школе снайперов, а затем в школе младших командиров. С августа 1945 г. принимал участие в войне с Японией, по окончании которой почти десять лет продолжал службу в армии.

После демобилизации в марте 1955 г., не имея фактически никакой гражданской специальности, вынужден был работать грузчиком в московском военторге. А потом судьба распорядилась так, что в феврале 1958 г. он устроился работать в Институт истории материальной культуры АН СССР (ныне — Институт археологии РАН), с которым связал всю свою последующую жизнь. Сначала он работал заведующим вещевым складом, а после окончания в 1966 г. вечернего отделения исторического факультета МГУ получил должность лаборанта. Так начинался его путь в археологию, которой он беззаветно служит до сих пор.

К. И. Комаров проявил себя прежде всего как прекрасный «полевик», неутомимый и талантливый «разведчик» на просторах Ярославской, Тверской, Костромской областей. Заметный вклад юбиляр внес и в изучение археологических памятников Ивановской области, возглавляя Славянский отряд Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН), которой более 30 лет руководил старейший русский археолог, доктор исторических наук Д. А. Крайнов. В составе экспедиции Комаровым были проведены раскопки ряда курганных могильников XII—XIII вв. в западной части Ивановской области (у Золотниковской Пустыни, Коптева, Якшина и др.).

К. И. Комаровым были открыты сотни новых археологических памятников, обследованы уже известные. В результате этих полевых исследований, а также архивных изысканий Константином Ивановичем были подготовлены к публикации подробные археологические карты (АКР) Ивановской, Костромской и Ярославской областей, проведены большие работы по составлению АКР Тверской области. «Археологическая карта Ивановской области» из печати вышла одной из первых (1994 г.) и послужила основой для защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, которая состоялась в 1999 г.

Полевые работы К. И. Комарова продолжались и в XXI в., когда возраст его «перевалил» далеко за 80 лет. Сейчас он завершает свои полевые сезоны, однако продолжает работать за письменным столом, готовя к публикации результаты своих предыдущих исследований.

Всю свою долгую жизнь Константин Иванович отличался простотой в общении, добротой и отзывчивостью, высокой работоспособностью.

Ивановские археологи желают своему глубокоуважаемому коллеге Константину Ивановичу Комарову еще долго оставаться в строю археологов, показывая пример настоящего служения науке.

Основные публикации К. И. Комарова

Монографии

Археологическая карта России. Ивановская область. М. : Восточная литература, 1994. 225 с.

Археологическая карта России. Костромская область. М. : Восточная литература, 1999. 363 с.

Археологическая карта России. Ярославская область. М. : ИА РАН, 2005. 408 с.

Археологическая карта России. Тверская область. М. : ИА РАН, 2010. Ч. 3. 311 с. (В соавт.).

Статьи

- К истории населения побережья Плещеева озера в IX—XIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ярославль : Содействие, 1995. Вып. 8. С. 137—172.
- Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы : сборник участников Великой Отечественной войны. Тула, 2002. С. 148—151.
- Нашествие Батя на Северо-Восточную Русь (1237—1238 гг.) // Археология Верхнего Поволжья. М. : ИА — РАН, 2006. С. 16—39.
- Городище Александра гора – памятник археологии V в. до н. э. – XVII в. н. э. // Рос. археология. 2014. № 3. С. 140—146.

Публикации о К. И. Комарове

- Кашкин А. В. К 80-летию Константина Ивановича Комарова // Археология Верхнего Поволжья : к 80-летию К. И. Комарова. М., 2006. С. 186—210.
- Кашкин А. В. К 80-летию Константина Ивановича Комарова // Российская археология. 2006. № 4. С. 184—185.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Он у дел. Возраст еще не предел // Наша Родина — Иваново-Вознесенск. Иваново, 2006. № 6. С. 81—82.
- Уткин А. В. К 70-летию Константина Ивановича Комарова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1996. Вып. 3. С. 3—7.
- Челяпов В. П. Комаров Константин Иванович // Рязанская энциклопедия. Рязань, 1999. Т. 1. С. 500—501.
- Челяпов В. П. Константин Иванович Комаров : к 80-летию со дня рождения // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2006. Т. 11. С. 386—389.

Сведения об авторах

- БАЛДИН Кирилл Евгеньевич** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет. kebaldin@mail.ru
- ЕВСЕЕВ Владимир Александрович** доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. yevseyev@mail.ru
- ЗОБНИН Алексей Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. alexzobnin1982@gmail.com
- ИЛЬИН Юрий Александрович** доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет. Ilyin37@mail.ru
- КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет. elkos-ty-le-va@mail.ru
- ОКОЛОТИН Владимир Сергеевич** доктор исторических наук, доцент, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. okolotin.vladimir@yandex.ru
- СТЕПАНОВ Аркадий Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет. pastenovas@mail.ru
- УТКИН Александр Витальевич** документовед исторического факультета, Ивановский государственный университет. (4932) 32-61-88
- ЮДИН Кирилл Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет. kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2016. Вып. 4 (16). История**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 15.12.2016 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,45. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ № 252. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

